

Владимир Васильевич

МИРОНОВ

**ЕДИНСТВО РАЗНООБРАЗИЯ
РАЗНООБРАЗИЕ ЕДИНСТВА**

Москва, 2015

ББК 76
М64

Мионов В. В.

М64 Единство разнообразия. Разнообразии единства. – М.: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2015. – 166 с.

Книга, изданная ко дню рождения известного российского философа, декана философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, профессора, доктора философских наук, члена-корреспондента РАН Владимира Васильевича Мионова, включает его интервью ведущим российским СМИ с 2006 по 2014 год.

Представляет интерес для широкого круга читателей.

© Мионов В. В., 2015
© Факультет журналистики
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2015

ЛЖЕНАУКА И УЧЕНЫЙ ДИЛЕТАНТИЗМ

По мнению профессора МГУ имени М. В. Ломоносова Владимира Миронова, статус ученого зачастую используется как авторитет для выводов, которые к науке отношения не имеют, и это порой приводит к печальным последствиям.

– В современном российском обществе распространено довольно много практик, которые можно назвать паранаучными. В связи с этим как Вы относитесь к идее, чтобы научное сообщество посредством, например, учреждения специальных комитетов занималось определением того, что является, а что не является наукой? Такие идеи возникают и даже реализуются в Российской Академии наук.

– Мне кажется, что таким образом поступать не следует. Опыт формального регулирования в науке, конечно, существует: так, например, с 1755 года Парижская академия запретила принимать проекты вечного двигателя, и их не принимают ни в одной академии мира. Однако организационное налаживание такой научной цензуры большого эффекта не даст. И так же, как люди всегда будут продолжать изобретать вечный двигатель, они будут интересоваться проблемами, выходящими за рамки науки, и строить лженаучные концепции.

Кроме того, как отмечал американский философ и методолог науки Пол Фейерабенд, наука, узурпируя право объявлять нечто ненаучным или лженаучным, поступает как одна из форм религии, вводящая часто неосмысленные системы табу. В результате она догматически навязывает свои требования. Но из истории науки мы прекрасно знаем, что кон-

цепции, которые еще вчера отбрасывались, сегодня могут оказаться признанными. Меняются самые вроде бы фундаментальные научные представления. Достаточно вспомнить судьбу теории относительности Эйнштейна. Как ее только не называли – и шарлатанство, и еврейский заговор, и плагиат из Пуанкаре!

Конечно, научные критерии демаркации, отличия науки от ненауки – это весьма важно. Но научное сообщество вправе ограничиться лишь констатацией того, что какие-то явления не поддаются научному рассмотрению на конкретном историческом этапе и в конкретной науке. Часто же происходит распространение этого отрицательного вывода на сам факт существования того или иного явления. А это уже выходит за рамки компетенции науки. Из того, что нечто не признается современной наукой, не следует, что оно вообще не существует. Узкие критерии научного предметного существования нельзя распространять на область существования в целом.

– Как вообще появляется лженаука?

– Приведу пример. Допустим, кто-то излечивает болезни прикосновением своей руки или ноги. И люди после этого чувствуют себя намного лучше. Непонятно как, но это действительно может происходить, и не всегда наука способна дать этому объяснение. Здесь нет конфликта между реальным фактом или событием и наукой. Лженаука возникает тогда, когда этот факт пытаются интерпретировать «научно», не имея под этим никакой научной теории. Возникает псевдотеория, которая к науке не имеет никакого отношения.

Отсев таких псевдотеорий происходит на уровне здравого смысла ученого, для этого вовсе не нужно создавать никаких специальных комиссий. Возможный вред от таких простых решений превышает их выгоды. Проблема лженауки существует и будет существовать, но бюрократически решить ее нельзя.

– С точки зрения обычного человека, наука обладает неким неоспоримым знанием о мире, знанием законов, управляющих миром. Насколько оправданно такое понимание науки?

– Эта точка зрения очень ограничена. Ученый имеет дело с относительно суженной картиной действительности. Любой объект нашего мира обладает свойствами, которые могут не входить в предмет данной науки. Наука предметно интерпретирует исследуемый объект. Он всегда остается для науки некоторой «вещью в себе», которая до конца никогда не может быть познана. Наука дает картину мира или, более узко, описание объекта, которое значительно отличается от реального объекта. Чтобы познать сущностные характеристики объекта, наука препарирует, упрощает и идеализирует предметы реального мира. Научная теория представляет собой систему идеализированных объектов, которых нет в действительности, но которые, конечно, определенным образом связаны с нею. Идеализированный объект, например абсолютно черное тело, идеальный газ или идеальная машина Карно, – это объект, созданный путем отвлечения (абстрагирования) от несущественных для данной науки свойств объекта и, напротив, идеализации существенных, важных для науки свойств. Это условие существования научной теории для того, чтобы выявить законы в чистом виде, без «помех», которые привносит реальная действительность, например, в виде силы трения. Наука предметно препарирует действительность. С точки зрения специалиста по механике человек может быть рассмотрен как система рычагов, и это целесообразно, если мы, например, конструируем инвалидное кресло. Для социолога это отходит на второй план так же, как внешний вид человека. Его предметно интересует человек как элемент социальной системы. Но ни то, ни другое не дает ответа на вопрос «Что такое человек?». Наука никогда не сможет на этот вопрос ответить.

– Наука – это не только определенный корпус теорий, но еще и социальная группа. И эта группа, как мы сейчас знаем из истории науки, тесно связана с властью,

с развитием аппарата контроля и управления. Как можно было бы прокомментировать сегодняшние отношения ученых-экспертов с властью?

– То, что я скажу, может прозвучать непопулярно. Наука – это род деятельности, нацеленный на упорядочение наших представлений о мире. А любая форма упорядочения потенциально несет в себе элемент подчинения. Поэтому популярная когда-то, да и сейчас, идея, что государством наиболее эффективно могут управлять технократы, ошибочна и в случае ее реализации приведет к тоталитаризму, если не будет контроля со стороны общества, со стороны именно неспециалистов. Мы только что говорили о предметной ограниченности науки. И когда научные, а значит, всегда предметно ограниченные модели переносятся на системы, включающие в себя жизнь индивидов, их нужно серьезно корректировать, учитывая это. Мнение экспертов очень важно, но не менее важен контроль со стороны общества.

Фраза Оппенгеймера о том, что «мы сделали работу за дьявола», после взрыва атомной бомбы, конечно, звучит как извинение, но запоздалое. Ученые и современная наука все больше это понимают. Наука не может быть свободной от нравственных критериев, от оценки, во благо или во зло могут быть использованы научные результаты.

Идея технократического управления обществом является порочной еще и вот в каком отношении. Нередко получается так, что сам статус ученого считается достаточным основанием для того, чтобы к его мнению прислушивались. Андрей Сахаров, например, был выдающимся ученым-физиком и замечательным человеком. Но это не означает, что он разбирался в обществе так же хорошо, как и в термоядерных процессах. В результате мы пожинаем плоды своеобразного ученого дилетантизма.

*Беседовал В. Куренной
Политический Журналь, 2006 г.*

КОМУ НУЖНЫ УМНЫЕ ЛЮДИ?

Философский факультет был одним из первых, созданных 250 лет назад, когда открывали Московский университет. Без философии тогда образование и не мыслили. Еще бы: именно философы определяли и политическую, и социальную моду. Но определяли они ее, видимо, чересчур активно: с 1850-го по 1941-й факультет был закрыт...

Нужна ли новому веку новая философия? И кто ее будет создавать? «Огонек» спросил об этом Владимира Миронова, проректора МГУ и декана философского факультета.

– Владимир Васильевич, кто сегодня поступает на философский факультет? Хоть примерно, опишите... И какой конкурс среди будущих мыслителей?

– Конкурс – пять человек на место. Девочек и мальчиков примерно поровну. Приехавших из провинции процентов шестьдесят. На платных отделениях москвичей, конечно, больше. Умные ребята, подготовленные. Читающие. За последние лет десять факультет сильно помолодел. Факультет достаточно популярен, к нам даже звезды рок-культуры поступают. Например, в этом году Земфира. Человек неординарный и очень серьезный, хотя психологически это, наверное, не просто, когда однокурсники окончили школу гораздо позже и для них она являлась (и для многих остается) кумиром.

– Кстати, а как Земфира учится? На занятия ходит?

– К занятиям относится очень ответственно. Даже недавно извинялась за пропуски. Сам этот факт означает степень ответственности человека, которой не всегда дождешься

от студентов. Мы с ней интересно поговорили, и я сказал: если вы разочаровались в образовании, то надо уходить и не мучиться. Но оказалось, что учеба ей нравится.

– Ей-то зачем философия?

– А Вы послушайте ее песни: сразу видно, что для человека философия не пустой звук. Многие песни по-своему философичны, так что на факультете она человек не случайный. Более того, я думаю, что у нее склонность к наиболее серьезным философским дисциплинам, таким как логика, методология, история философии.

– Так все-таки кому сегодня нужны мыслители?

– На поверхностный взгляд, мыслители вообще не нужны и даже мешают жить. За это и Сократ был осужден, так как задавал молодежи неудобные вопросы. Готовить мыслителей в массовом порядке невозможно. Иное дело – где наши выпускники работают? В дипломе, который получают наши ребята, записано: «Преподаватель философии, философ». С первым более или менее ясно, это конкретная профессия, ведь преподавание философии по-прежнему обязательно во всех вузах, она входит в аспирантский минимум. А вот будут ли наши выпускники философами – вопрос более сложный. И зависит от индивидуальной готовности чувствовать себя философом. Знаменитыми философами становились люди самых разных профессий – и шлифовщик линз (Б. Спиноза), и сапожник (Я. Беме). Я знаю в Германии одного таксиста – он ученик знаменитого немецкого философа К. Ясперса, автор монографий, читает спецкурсы в университете. Но работает таксистом! Там, правда, у таксистов зарплата несколько другая... Так он говорил мне, что для общения с людьми, понимания людей нет лучше профессии, чем таксист! И он тоже философ.

Наши выпускники неплохо устраиваются в жизни. Это можно наглядно наблюдать по регулярным встречам выпускников разных курсов. Те, кто окончили факультет лет 20–25 назад, как правило, работают преподавателями, получают низкую

зарплату, как принято в нашей стране. А вот те, кто окончили факультет 10 лет назад, – это совсем другая генерация, с соответствующей атрибутикой: от дорогих машин до respectable положения. Но и те, и другие – наши выпускники. И те, и другие не забывают о факультете и помогают ему выживать в нынешних условиях. Наше время – это время коммуникации, которая есть везде: в политике, бизнесе, массмедиа, управлении и так далее. Философы, как никто другой, готовы к этому, если хотите, новому образу жизни, который необходимо связан с общением. Они за потоком явлений видят и чувствуют сущность, могут мыслить стратегически. Как говорят многие из них, ставшие топ-менеджерами: если нам будет нужен сильный бухгалтер, мы его лучше пошлем в Швейцарию учиться. А вот заменить философское мышление никакой Швейцарией не удастся.

Возвращаясь к Вашему вопросу: выпускники начала 1990-х годов, самых кризисных для страны, сумели преодолеть сопротивление среды в том числе и благодаря факультету. Нынешние выпускники – это, наверное, будут в основном не преподаватели (в силу хотя бы мизерной зарплаты). Для них характерно восприятие философии в том числе как практической дисциплины, которая учит выживать в социуме.

– Я знаю, что раньше, при советской власти, и преподаватели, и выпускники философского факультета МГУ привлекались для создания различных партийных документов...

– Да, вот в этом кабинете стояла «вертушка» – телефон правительственной связи. Я еще ее застал, при Горбачеве. Декану могли по «вертушке» в любой момент позвонить, попросить дать консультацию по тому или иному вопросу или прислать специалистов по той или иной теме...

– А как это происходило?

– Да очень просто. Собирали нескольких человек на какой-то госдаче, где и создавались партийные документы. Мы на факультете тогда по самому стилю доклада Брежнева или Суслова

могли предположить, кто эти документы готовил. И в этих документах, поверьте мне, не все было с отрицательным знаком. Иное дело, что воплощались они не совсем адекватно, но это уже проблема политиков.

– А сейчас такой заказчик есть? Грубо говоря, какой партии Вы сейчас могли бы написать программу?

– Сейчас принято отдавать это политтехнологам, которые очень часто имеют смутное представление о сущности политики и общества в целом. В результате сложные задачи пытаются решать путем их разложения на более простые. Часто это лишь имитация понимания сущности дела. Но тем не менее и мы иногда такие услуги оказываем – например, по проблемам стратегии развития того или иного региона. В воздухе даже плавают идея создать нечто вроде аналитического центра стратегического исследования. Вообще политики проявляют интерес к факультету. У нас защищал обе свои диссертации Рогозин. Его докторская работа, кстати говоря, была очень интересной. Защищался Зюганов, правда, сам процесс защиты был, мягко говоря, специфическим, без особой полемики. На социологическом факультете, но по специальности «Философия», защитился Жириновский. Причем ему сразу присвоили докторскую степень, минуя кандидатскую, – случай вообще уникальный. Но все это поверхностный слой, хотя и любопытный. Волнует другое: что политические структуры становятся как бы самодостаточными, все время сужая горизонт постановки и решения задач. Поэтому в моде сегодня не развернутые долгосрочные прогнозы развития, а краткосрочные политические технологии. Это неизбежно приведет к ошибкам.

– Предположим, Вашим выпускникам придется заниматься действительно более крупными проблемами. Какими?

– Если говорить о социальной философии, это, конечно, проблема власти, ее функционирования. Насколько обществен-

ное развитие все-таки прогнозируемо? Опирается ли оно на какие-то объективные законы или полностью зависит от конкретных людей?

Или, скажем, проблема взаимодействия локальных культур. (Рисует схему.) Вот, видите два пересекающихся кружочка? Вот сегмент пересечения – это и есть коммуникация культур. Понять свою культуру нельзя без чужой. Сейчас же что происходит? Коммуникация стала не средством проникновения культур, как раньше, а глобальной средой. Или целью – назовите как хотите. Все превратилось в коммуникацию. Отсюда общий язык – английский (причем ухудшенный английский), общие стандарты восприятия. Главный стандарт – шоу. По законам шоу строится все. В том числе наше клиповое сознание. В этом сознании нет места, например, автору. Зритель сам становится автором. Почему ему все время навязывают, что Анна Каренина должна умереть? А может, я не хочу, чтобы она умирала? Мой запрос изучают – сюжет меняют. По этим законам строится сериал.

Или – Вы представляете, что концерт Моцарта будет разогревать музыка Бетховена? Ерунда какая-то, правда? А на рок-концерте одна группа разогревает другую – это нормально. Все разогревы, и зритель-то становится после этого гораздо более важной фигурой, чем музыкант.

– Как-то мы от политики слишком быстро перешли на культуру...

– А это потому, что социальная философия – лишь небольшая часть того, чем занимался и занимается факультет. Да-да, и раньше тоже, в СССР! Это выпускники других вузов изучали в качестве философии «научный коммунизм». Наши выпускники получали хорошее классическое образование. Ну, где, например, молодой человек тогда мог свободно читать и изучать Библию? Как это ни парадоксально, конечно на нашем факультете, на кафедре атеизма. Мы вот посчитали, и выяснилось, что за все годы 60 наших выпускников стали священниками! И среди них есть довольно известные люди, например диакон Андрей Кураев.

На факультете всегда преподавалась классическая философия, будь то онтология и теория познания или история философии, логика или этика, эстетика или социальная философия. Среди наших преподавателей были и есть очень крупные философские имена – Асмус, Вяч. Иванов, Гаспаров, Аверинцев, Зиновьев, Панарин.

Задолго до того, как в автобусах молодые люди стали спорить о Сартре и Деррида, лекции о них читались на факультете. Скажу вам честно, когда я начал в качестве декана ездить в зарубежные университеты, я осознал, что в некоторых областях (скажем, методологии науки, онтологии, логики) наша философская школа оказалась более продвинутой, чем западная. Просто наши профессора были «закрытыми» для внешнего мира. Вот в чем их беда. А наше образование – может быть, менее мозаичное и менее игровое – оказалось гораздо более последовательным, фундаментальным, чем на Западе. И более тяжелым для студента, кстати.

– И все-таки Вы не можете не признать, что после 1991 года на Ваших студентов хлынул целый поток новой литературы, новых имен, течений. Почему не размыло?

– Без моды нельзя обойтись ни в одной сфере деятельности. В философии стало модным говорить, например, об онтологии тела, онтологии вкуса и т. д. Возник, кстати, очень подражательный по сути «русский постмодернизм».

Появилось много новой литературы. Но у этого есть и обратная сторона. Стало меньше дискуссий. Почему? Раньше в спецхране появлялась одна какая-то книжка, сначала ее читали преподаватели, потом студенты. И мы об этой книге могли месяцами спорить. Текст знали до запятой. Теперь ребята, несмотря на обилие литературы, стали читать меньше. И меньше спорить. Один прочел две строчки из Деррида, другой две строчки из Дьюи. О чем им спорить? Это на самом деле серьезная проблема. Нежелание «грузиться». Тем более, сейчас появились такие философские комиксы – Гегель в картинках, Кант в картинках.

Впрочем, есть и другая сторона этой проблемы – не недогруженность, а перегруженность. Порой на студентов обрушивается проблематика, которая требует ну хоть какого-то жизненного опыта. А его нет. Экзистенциализм, например: там ключевая проблема – это порог между жизнью и смертью. И только преодолев его, человек окончательно освобождается. А ведь мы экзистенциализм обязательно проходим, крупнейшее учение XX века. То есть, по большому счету, философское образование – это испытание для человека, для его сознания. Есть такой факультетский анекдот: один студент читал-читал Гегеля, а потом начал ходить его встречать на Белорусский вокзал. Но ведь сообразил же, на какой вокзал надо ходить встречать немецкого философа!

– А чем, интересно, Ваши студенты отличаются от студентов других факультетов?

– Наверное, ощущением общности, братства философского, если хотите. Абсолютно не боятся спорить, конфликтовать. Но мне как раз эта атмосфера нравится, потому что я еще помню, как в советское время в мой кабинет (тогда замдекана по учебной работе) стояла очередь из студентов с доносами друг на друга.

– Как сейчас удается выживать философскому факультету?

– Лет пять-шесть назад мы подумали: ну все, впереди пуста. А сейчас увидели, что наше образование вновь востребовано в самых разных областях: отделение политологии, религиоведения, отделение пиара (связей с общественностью), общей философии – везде конкурс, везде интерес ребят. И выпускники наши достаточно знамениты – от самых популярных работников СМИ (бывший начальник НТВ Малашенко или Валдис Пельш, например, мой студент, причем очень хороший студент) до самых серьезных политологов – Сергея Маркова, Елены Шестопал и других.

Началась новая эпоха. Государство требует рентабельности от образовательных учреждений. Но назовите мне хоть один

новый коммерческий самый рентабельный университет, где есть, например, факультеты физики, биологии, химии, математики или философии? Без фундаментальной науки культурная планка общества снизится совсем до нуля.

– И все-таки, что ждет Ваших выпускников в будущем? Какова их миссия в обществе по большому счету?

– Их ждут, к сожалению, трудные времена. Это мое личное мнение, конечно. В мире идет большой геополитический передел. Это связано и с растущим влиянием других стран, и с миграцией целых народов. Это связано с кризисом демократических ценностей, причем этот кризис идет и во множестве европейских стран, где начинают усиливаться правые партии, а порой – почти откровенно фашистские. Я это знаю, скажем, по Германии, в которой часто бываю, по Италии. На это влияет и экономическая ситуация, и, как мне представляется, технологичность государственных решений, которая все больше отдалается от нужд конкретных людей.

– Так, может, миссия философии – готовить новых революционеров?

– Посмотрите, в Западной Европе какое самое популярное изображение на майках у молодых людей? Че Гевара... А ведь Че Гевара – это далеко не Маркс. Это представитель наиболее радикального социализма. От такой майки до попыток реализации «революционных идей» вовсе не пропасть, а один шаг. Правда, европейские страны, как более опытные в процессе адаптации молодежи, это прекрасно понимают. И определенным средством для снятия «революционности» у них выступает образование, причем бесплатное. Затраты окупаются, и прежде всего в социальном смысле – студенты не пополняют ряды безработных, люмпенов, ряды левых и правых радикалов. Просто потому, что учатся. У нас же государство отсекает бесплатное образование. Вот и судите – будут ли в университете учиться будущие революционеры или нет.

– Слово «революция» на сегодняшний день модное среди студентов Вашего факультета?

– Думаю, что нет. Пока еще наши студенты, по традиции, в хорошем смысле слова аполитичны. И это не от равнодушия идет, отнюдь. Просто университет воспитывает в людях консервативность. Политика для наших студентов – предмет исследования. А находясь в окопе, ничего не увидишь, кроме другого окопа. По-настоящему массовое политическое выступление в университете на моей памяти было только однажды – в 1987 году, когда Бориса Ельцина убрали из горкома партии. Ко мне пришел один из моих студентов, уже после этих событий, и спросил: «Владимир Васильевич, а как вы думаете, меня не исключат?». И я ему сказал: знаешь, если ты вступил на этот путь, то должен быть готов ко всему. И из партии могут исключить, и из МГУ. Никто его не исключил, хотя он этого ожидал, вступая на путь псевдодиссидентства.

– Философия XXI века, будем надеяться, не толкнет общество к революции. А куда?

– Трудный вопрос. Понимаете, какая штука: в обществе по отношению к нам, философам, происходит некая подмена понятий. Философ ведь совсем не мудрец. Мудрец – это человек, изрекающий истины. Как некий древний оракул. К философу порой приходят за ответами на вопросы. А он не дает ответов. И на него обижаются. Его начинают презирать. Настоящий философ, на самом деле, призван не укреплять сознание, а расшатывать его. Грубо говоря, что он делает? Он говорит: посмотрим на это явление с одной стороны, с другой стороны. И в той, и в другой точке зрения есть своя правда. Но истина и не там, и не там. Он заставляет сомневаться. Он заставляет общество отказаться от однозначности в оценках. Как только возникает однозначность – начинается активное манипулирование сознанием. А вот это и ведет к революциям.

Владимир Васильевич Миронов

– Сократ тоже вот учил задавать вопросы. А чем закончил?

– Знаете, я когда-то смотрел в театре Маяковского спектакль «Беседы с Сократом» (там Сократа замечательно играл Джигарханян). И в момент осуждения Сократа я вдруг оглянулся на зрительный зал. И меня как бы пронзило такое чувство: если бы этих людей в зрительном зале сейчас опять попросили проголосовать, я уверен, что они проголосовали бы за казнь философа! Истина не обязательно принадлежит большинству.

*Беседовал Б. Минаев
Огонек, 2008 г.*

МОРАЛЬ – ЭТО ПРИВЫЧКА НЕ НАРУШАТЬ СВОБОДУ ДРУГИХ...

«Откуда взялась подростковая культура?»

– Владимир Васильевич, Ваши студенты в 1990-е годы и сейчас – в чем разница? Мне кажется, что в то время, когда все ценности, все нормы «поплыли», перед молодым человеком стояла задача просто выжить, зацепиться хотя бы за какие-то социальные связи. Сегодня мир стал более стабилен, устойчив. Как они относятся к этой внешней, только что возникшей стабильности? Они же воспринимают ее иначе, чем мы, взрослые? Для нас стабильность – это благо, для них – угроза. Не возникает ли у нового поколения молодежи ощущение, что эту новую реальность надо как-то переделать под себя, атаковать ее?

– Дело не в том, что меняется молодежь. Этот как раз процесс естественный, и всегда старшее поколение обвиняло молодое в чем угодно, часто забывая о том, что они сами были молодыми и точно так же вступали в противоречие со старшим поколением. Происходит иное резкое изменение всей системы культуры. Если до развития современных форм коммуникации и мультимедийных возможностей культура дифференцировалась по нескольким уровням, которые были достаточно дистанцированы друг от друга, то сегодня все сливается в глобальную поп-культуру. Поп-культура является культурой подростковой, и она сегодня доминирует в общей системе культуры, заставляя всех в нее погружаться. Речь идет не только о молодежи соответствующего возраста, а обо всех нас, которые оказались в этой

среде. Включите телевизор, включите радио: процентов девяносто передач по типу воспроизводимых реакций, психологии ведущих, отношению к миру, ожидаемой реакции направлены именно на подростковое сознание. Возраст подростка «перешагнул» пятнадцатилетний рубеж, и носителем этого сознания может быть сегодня человек преклонных лет, если судить по содержанию и характеру поглощаемых им «культурных» образований. Дуглас Рашкофф, исследователь последствий современного воздействия на сознание человека медиасредств, нашел для этого удачный термин – «медиавирус». Порции информации, которые мы ежесекундно воспринимаем из информационной среды, как вирусы встраиваются в наше сознание, изменяя его изнутри. Внешне мы остаемся такими же, но изнутри уже другие. Современная культура инфицирована подростковыми ценностями и стереотипами поведения, как вирусами. Георгий Степанович Кнабе давно обратил внимание на этот процесс распространения подростковой культуры, связав его начало со Второй мировой войной, когда произошло резкое изменение демографической структуры и нарушилась пропорция ценностей отцов (взрослых) и детей (подростков). В таких странах, как, например, Германия, где после войны насаждалась идеология всеобщей «вины немцев», это привело к резкому кризису общекультурной оппозиции «отцов и детей», которая переросла традиционную ситуацию противопоставления. «Отец» перестал быть авторитетом для детей, ибо он участвовал в войне. Послевоенный период сделал вернувшихся в мирную жизнь людей социальными аутсайдерами, так как многие уже не смогли найти собственного места в послевоенном мире. Их места на производстве, в семьях (оставшихся без отцов) объективно были заняты подростками. Подростки лишились детства, взяв на себя функции взрослых, функции отцов. Но, заняв в социальной структуре ступеньку взрослых, они остались детьми, со своими играми, со своими ценностями и переживаниями, которые, в силу их социального доминирования, претендовали на лидирующее положение. Это могло бы не состояться или длилось бы краткий период, но появилось еще одно обстоятельство – бурное

развитие средств коммуникации, которое обеспечивало небывалое распространение данной системы ценностей. Дальнейшее развитие средств коммуникации и новейших мультимедийных возможностей воздействия на сознание довело эту ситуацию до небывалых размеров внутри образовавшегося глобального коммуникационного пространства. Кто узнал бы о четырех парнях из Ливерпуля, поющих свои песни, например, в Средние века? В лучшем случае на соседней улице через пару лет. А сегодня это происходит мгновенно.

Формирующаяся глобальная поп-культура разрушает систему культурных оппозиций, которые всегда в ней были («герой – трикстер»; «свое – чужое»; «прикровенность – откровенность»), обеспечивающих устойчивость системы за счет разнообразия ее компонентов, за счет определенной борьбы этих противоречивых сторон, что и являлось условием развития культуры в целом. Разрушается один из признаков классической культуры – принцип завершенности, который в ней реализовывался как на уровне создания культурных образцов, так и на уровне их восприятия. Перед нами всегда был либо завершенный текст, либо завершенное музыкальное произведение, либо завершенная картина художника. И воспринимали мы это также соответствующим образом. Прослушивая в консерватории симфонию (даже если она не нравилась), человек тем не менее, как правило, ее дослушивал, так же как дочитывал до конца литературное произведение. Конечно, это некая схема, но, согласитесь, что она была доминирующей.

В общем, это длинный разговор, поэтому ограничусь лишь одним примером. Разрушение оппозиции «прикровенность – откровенность». В классической культуре (я ее часто в семиотической интерпретации обозначаю, вслед за Лотманом, как культуру локальную) часть отношений между людьми, в частности интимных отношений, была сокрыта. Это не значит, что их не было, но об этом было не принято говорить прилюдно. Это всегда было сокрытое для большинства людей обобщенное знание о сексуальных взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, в которые современное общество ничего не добавило,

кроме, может быть, некоторых технических средств. «Кама-сутру» не читали вслух. В Европе, куда данная книга попала в Средние века, она была мало известна до 1883 года, когда ее перевели на английский язык и тайно издали. Она была запрещена в Англии вплоть до 1963 года. То есть культура всегда базируется на системе табу некоторого запретного знания.

Сегодня эти табу разрушены или продолжают разрушаться, стирая, в частности, границы запретного для определенного возраста. Мы все погрузились независимо от возраста, воспитания, этнической и религиозной принадлежности в информационный бульон и начинаем в нем захлебываться. Сексуальность в локальной традиционной культуре как фактор индивидуального развития проходила целый ряд стадий, сопровождая духовные возрастные стадии становления личности. Сегодня подросток «проскакивает» целые этапы в этих сложных отношениях и очень часто начинает знакомство с ними с физиологической сексуальности и наиболее грубых форм ее проявления и демонстрации. Он не подготовлен к этому ни физически, ни психически, ни морально. Порнофильм заменяет чтение романов, поэтому первичные чувственные переживания оказываются далеко за пределами сознания. Это усиливает общую агрессию как вообще признак поведения подростка, в результате чего получается страшная смесь, основанная на куче часто бессмысленной информации, отсутствии понимания (а значит, и адекватной оценки) и агрессии по отношению к тем, кто с этим не согласен. Одной из форм агрессии выступает эпатаж общественного мнения, который присутствовал в обществе всегда, но редко был самоцелью, сопровождая изначально некий смысл, заложенный даже в эпатажных действиях. В философии, в частности, эпатаж присутствовал всегда, так как философ одновременно выступает и как хранитель, и как разрушитель традиций. Философия наполнена эпатажными действиями от Диогена до Фуко, но даже в этих наиболее скандальных случаях это было формой проведения определенного смысла, за ним всегда маячила некая интеллектуальная позиция. Доминирующая сегодня поп-культура погружает нас в бесконечное шоу, как некий

нескончаемый карнавал, будь то обыденное поведение, политика, философия и даже наука.

«Мы все живем в ситуации нескончаемого карнавала»

– Ну хорошо, соглашусь с Вами. И что же это означает?

– Нарушена синхронизация культур. Во все времена существовала культура элитарная, высокая, очень консервативная, кстати, которая с трудом принимала в себя новое, и культура народная. А сейчас они как бы поменялись местами. Перепутались «верх» и «низ». Ведь что такое карнавал? Это ограниченное во времени действие, которое продолжается две недели, ну месяц. В карнавальном периоде можно высмеивать любые ценности высокой культуры: и церковь, и власть, и семью – да все что угодно! В карнавале разрешено все. А мы сейчас живем в ситуации нескончаемого карнавала. Зайдите в Интернет, в тот же «Живой Журнал». С чем вы столкнетесь в первую очередь? С масками! Нет реальных лиц, они прикрыты никами – этими современными карнавальными масками. Соответственно, в этой среде работают законы карнавала, на котором преимущественно царят шуты и дураки в колпаках. Преподаватель, надев интернет-маску, может позволить себе то, чего он не может позволить в общении со студентами: например, нецензурно выражаться. Еще раз повторю: само такое карнавальное шествие имеет смысл, оно дает выход агрессии и различным комплексам, но пространство Интернета превращает длительность такого карнавала в бесконечный процесс, из которого мы уже часто не можем выйти. Более того, выходя из него в реальную жизнь, мы переносим законы виртуального общения в реальность.

– Но, с другой стороны, Интернет возродил для молодого человека такие вещи, как письма, дневники, то есть интеллектуальное созерцание. Разве нет?

– Общение есть, но большая проблема – увеличивает ли оно смысл? Ю. М. Лотман отмечал, что общение между культурами

всегда проходило в рамках диалога, который на смысловом уровне представлял собой пересечение двух смысловых множеств. Соответственно, степень пересечения могла быть различной, но никогда – тождественной. Пересекаемые части, с позиции поиска смыслов, были наименее интересны, а интерес всегда представляла непересекаемая часть другой культуры. Ее нужно было переводить, ее нужно было адаптировать. А это и порождало новые смыслы. Это было смыслообразующее общение. Если, гипотетично, допустить полное пересечение, то мы получим тождество смысла, его совпадение – мертвое общение. Современное коммуникационное пространство, погружая в себя культуры, вынуждает их работать по собственным законам общения, которые пронизывают все культуры, от стереотипов форм общения до соответствующих стереотипов поведения. Чтобы подтвердить это, достаточно проанализировать общение в чатах или различных интернет-сообществах. Лишь немногие из них остаются на приемлемом смысловом уровне. И вот огромное достижение человечества, способное дать нам очень многое, причем именно в области смысла, на 80% загружено эпатажами, скандалами, порнографией и т. д. Даже компьютер сам по себе изменяет стиль нашей работы с текстом. Простой пример. Вы – журналист, я – преподаватель, мы оба работаем с текстами. У нас включена программа проверки текста, которая вдруг иногда начинает нам указывать: «предложение слишком иронично», «предложение слишком сложно» или «использует просторечные выражения». Компьютер предлагает нам разбить предложение на более простые составные части или отказаться от использования некоторых слов и т. д. Что мы, взрослые люди, делаем в этой ситуации? Либо отключаем эту опцию, либо начинаем следовать ее указаниям. Но с этими же программами работает первоклассник, который постепенно начинает писать так, как просит или требует компьютер, то есть машина, и тексты, которые здесь будут созданы, будут все более похожи по форме друг на друга.

Находясь в ситуации интернет-общения, вы неизбежно будете подчинять общепринятым правилам сначала форму своего мышления, а это необходимо изменит и его смысл. Интернет вли-

яет на наши мозги, приучает нас сначала действовать, реагировать, а уж потом думать, размышлять. На заре персональных компьютеров, наигравшись в какую-то стрелялку, я вышел из дому, а в небе летел вертолет. Первой моей реакцией было найти оружие, чтобы в него выстрелить. Я остался в игре. Но игра незаметно переходит в жизнь. Люди могут вести войну и расстреливать другие города, не выходя из-за компьютера. Согласитесь, что это не то же самое, когда вы должны поднять тяжелый меч, отрубить противнику голову, обрызгаться кровью. Не каждый способен это повторить.

Люди теряют самостоятельность мышления и становятся абсолютно манипулируемыми существами. Происходят и более фундаментальные культурные сдвиги: сами ценности сдвигаются, люди позволяют себе в этом виртуальном бесконечном карнавале то, чего не позволяют в обычной жизни.

Вот год назад была со мной история. Я был с визитом в Китае, и кто-то вбросил в Интернет провокационное сообщение, что проректор, декан философского факультета Миронов задержан за попытку войти в «Живой Журнал» в Пекине. Шутка, конечно, но с вирусной природой. Она заражает. Я человек с юмором и шутки понимаю. Однако особенность виртуальной реальности заключается в том, что она часто переходит в реальность как таковую. И когда к моей дочери в школе подошел директор и стал спрашивать, а все ли в порядке с отцом, – это была уже реальность. Представляете реакцию ребенка, родственников? А если бы сообщение было более неприятным?

Или вас оскорбляют виртуально, как будто слово «виртуальность» как-то смягчает характер оскорбления... Но ведь мы – люди реальные, из плоти и крови, а не виртуальные существа. С позиции права такое виртуальное оскорбление очень трудно доказать, и оскорбленный человек не может, как в реальной жизни, на это ответить, например, действием, а моральные принципы здесь не действуют, по крайней мере пока. Кроме того, мораль и право не всегда совпадают.

«Мораль и правосудие не всегда совпадают»

– Да, у меня тоже есть на эту тему пример: многие блогеры пытаются запретить использовать в поисковых системах свои комментарии, которые вывешены в частных дневниках, по поводу реальных людей и событий. То есть в блоге писать можно что угодно, но нельзя обнародовать это мнение для всех – существуют как бы два разных человека: один «для себя», другой «для других». Но я в связи с этим хочу спросить: различные интернет-провокации, авторами которых являются, как правило, молодые люди, ставят перед «взрослым» обществом некую дилемму: наказывать или нет? Вот мальчик написал, что сделал бомбу и готов что-то там взорвать, к нему приходит милиция, арестовывает, забирает компьютер. Все правильно, он попадает под статью УК. Вот скандал на философском факультете: люди грубо нарушили устав учебного заведения, в котором учатся. Нельзя не наказывать. С другой стороны, они сразу попадают в некий революционный архетип, близкий любому русскому человеку, Раскольникова или Рахметова – не важно, они катализируют протест, провоцируют массовый бунт. Неужели все эти молодежные революционные архетипы стали опять так актуальны?

– У меня свое мнение на этот счет: я не считаю решение суда последним моральным вердиктом. У нас нет, как в Англии, прецедентного права: наш суд любое указание на то, что где-то когда-то за подобное человека осудили, рассматривает как давление на правосудие. Кант в своей работе «Спор о факультетах» не случайно объединял юристов и богословов. В религии авторитет всегда присутствует в виде абсолютного существа – Бога, в праве же такой авторитет отсутствует, а без него праву очень трудно себя обосновать. И бегают «бедные» американцы по штатам, уходя от норм правосудия другого штата.

Мораль и право могут очень сильно расходиться. Предположим, студент нашего факультета обрывается с потоком

грязной брани на преподавателей. Все это вывешивается на всеобщее обозрение в Интернете. Факультет отчисляет такого человека из числа студентов. Оскорбление было, оно было зафиксировано, и во многих странах, например в Германии, если оно зафиксировано с помощью свидетелей и снято на фото, это становится условием правового осуждения. У нас – нет. Несмотря на фиксацию, заявление оскорбленных людей, собственное признание автора оскорблений, поданное в виде письменного заявления, суд считает все это недоказанным и принимает решение о восстановлении. Как быть в этой ситуации? Конечно, как законопослушный гражданин, я обязан студента восстановить. Но это вовсе не является моим моральным поражением, с моральной точки зрения я продолжаю считать себя правым, ибо в данном случае нормы права отстают от реалий. Более того, моральные установки позволяют мне в случае оскорбления, например, моих родственников или друзей отвечать действиями, которые могут не попасть в допустимые с позиции права. И я готов отвечать за это. Так же, как офицерский суд чести оставлял нарушившего некие моральные (сегодня мы сказали бы корпоративные) нормы один на один с револьвером.

Определенной гарантией могло бы стать демократическое устройство общества, но, к сожалению, демократические ценности после 1990-х годов сильно девальвированы, и прежде всего теми людьми, которые их пропагандировали. Кроме того, демократия лишь форма правления, которая не гарантирует автоматически истину при принятии решений, она только ее оформляет как истину большинства. Но ведь истина не имеет отношения к числу ее поддерживающих или, напротив, протестующих. Сократа осудили вполне демократично, и Гитлер пришел к власти в результате выборов. Однако мы осуждаем судей Сократа, и мы против результатов тех демократических выборов в Германии. В нашей стране развитие демократии прошло слишком короткий и странный путь, и мы как-то забываем, что для Европы характерно употребление слова «демократия» одновременно с другим словом – «конституция». В результате получается понятие «конституционной демократии», то есть демократии,

ограниченной некоей совокупностью принципов, ограничивающих в том числе и безудержную демократию. Но это не освобождает нас от моральной ориентации на основополагающие человеческие ценности, и прежде всего ценности моральные. Право само по себе никогда не сможет удержать общество в рамках достойного социального общежития.

«Что такое искусство?»

– Владимир Васильевич, как иллюстрация к нашему разговору – недавняя история. В биологическом музее некая арт-группа «Война» изобразила картинное совокупление, кто-то это фиксировал на видео, кто-то разместил в Интернете, тут оказались причастны и Ваши студенты... Но почему этот скандал привлек такое внимание, в чем причина такого бурного интереса?

– Дело не в том, что некая арт-группа предприняла некую акцию. Таких акций множество. Дело в том, что изначально она была позиционирована как акция студентов факультета (хотя уже через день это было удалено из Интернета). И, конечно, многих преподавателей и студентов это оскорбило. И, наверное, мы имеем пока еще право считать себя оскорбленными. Прикрытие данных действий понятием «искусство» слишком наивно, ибо тогда все что угодно можно данным термином прикрыть, достаточно просто изначально объявить, что это будет искусство.

Кроме того, а почему мы не допускаем, что искусство или то, что так обозначается, может оскорблять? Это не охранная грамота. Пригласите зрителей и расскажите им о смысле вашего перформанса – пусть наслаждаются. Но зачем вывешивать эти ролики, с элементами если не порнографии, то уж неприличия точно, в Интернете, понимая, что это может увидеть кто угодно, в том числе и дети? Однако если уж вы на это идете, то должны быть готовыми, что кому-то это «искусство» может не понравиться и он может соответствующим образом прореаги-

ровать и, более того, свою реакцию также обозначить как искусство. Но особенно меня, как ни странно, пока еще удивляют действия журналистов, которые, давая ссылки на эти фото и ролик, фактически занимались распространением неприличного. Сработали все те же законы карнавальной медийной культуры, о которых мы с Вами говорили.

В конечном счете, хотя у нас для этого были определенные, в том числе и юридические, мотивы, была поддержка студентов и преподавателей, мы решили этих ребят не отчислять. При принятии решения на меня, как это ни странно, повлиял праздник 8 Марта, когда по радиоканалам бесконечно передавались предложения о том, что можно подарить женщинам. И когда я услышал на одном из каналов, что лучший подарок – это негр, который устроит для вашей подруги (или жены) стриптиз, и назывались цены за услуги, я заколебался в своем намерении отчислить студентов. Действительно, если рассматривать моральные нормы как совокупность общепринятых в данном обществе норм поведения (а общество, в свою очередь, опустило их до предела), то аморальность, как нарушение моральных норм, в данном случае отодвигается очень далеко. Может быть, даже мы, действуя в рамках старых принципов морали, более аморальны по отношению к данному обществу? В этом смысле молодые люди меньше виноваты, чем общество, бесконтрольно выливающие на них с самого детства информационные помои. Принимая данное решение, я понимал, что любой его вариант вызовет критику с той или другой стороны. Поэтому решил поступить так, как подсказывает мне совесть и здравый смысл.

«Демократия постепенно превращается в тоталитарную диктатуру»

– И еще одна тема. Как Вы считаете, возможно ли у нас повторение студенческого бунта, свой 1968-й год? И в Америке, и во Франции все было не очень стабиль-

но, хотя жизнь вокруг была относительно обеспеченной, сытой. Не похоже на нашу ситуацию?

– Еще три-четыре года назад я бы ответил Вам так: нет, невозможно. По крайней мере, у нас в МГУ. По одной простой причине: сюда по традиции приезжают учиться много талантливых детей из глубинки, для которых сама учеба в университете является такой ценностью, что все остальное отступает на задний план. Но сегодня такой уверенности у меня нет. Дело в том, что реформа образования идет в определенном направлении (хотя это и совершенно другая тема, об этом надо говорить отдельно). Оно все более превращается в сферу услуг, и для многих студентов и их родителей оно становится такой же формой покупки товара, с которым, приобретя его, они могут делать что угодно. В результате увеличивается количество гламурной молодежи, для которой учеба не является главной целью. Учеба становится некоей формой тусовки. Здесь надо себя показать, приехать на соответствующей машине. Образование – часть нашего общества и отражает все его пороки. Но я сделаю еще более грустный вывод. Поскольку образование – это культуuroобразующая компонента общества, то на базе таких отношений будет основываться и будущее общество, если мы не найдем этому некоего противоядия.

– Чем студент богаче (вернее – чем богаче его родители), тем выше вероятность его конфликта с обществом?

– Нет, дело не в этом. Когда я приезжаю в Европу, часто ловлю себя на мысли: как же скромно одеты тамошние студентки! По сравнению с нашими, разумеется. И вовсе не потому, что они не могут позволить себе более дорогую и яркую одежду. Есть некая традиция социального пространства и поведения в нем. Невозможно в Германии увидеть молодого человека 18–20 лет за рулем «Мерседеса», даже если он имеет возможность его купить. Это не принято.

Русский человек часто задается таким вопросом: ну почему же улицы в Европе такие чистые? А все ведь очень просто. Когда в Средневековье европейский человек выкидывал что-то

из окна, этот предмет попадал в окно к соседу – таким было его пространство. Традиция! У нас в России другое пространство. Если мы с вами сейчас выкинем стол из окна, мало кто обратит на это внимание. К тому же российское государство слишком часто обманывало простого человека. В российском человеке заложено понимание свободы как анархии (и я, как русский, это глубоко чувствую).

В Европе свои проблемы. В Германии и во Франции практически одновременно пошло наступление на социальное государство, на классический «социальный рынок», изобретенный Л. Эрхардом еще в послевоенные годы, на социальные гарантии и права. В этом Россия также Европу поддерживает, даже не пытаясь такой рынок создать. Социальное пространство, социальные привычки резко ломаются в последние годы. Думаю, что мы благодаря возникновению глобального коммуникационного пространства, позволяющего манипулировать людьми, стоим на пороге возникновения мировой империи. Отдельные страны этой империи по форме могут отвечать внешним демократическим критериям, но в целом, по смыслу и предлагаемым принципам, мир становится тоталитарным как никогда. Человек в рамках виртуального пространства может ощущать себя абсолютно свободным, не подозревая, что им давно и эффективно манипулируют.

– Мораль вернется вместе с социальным государством?

– Да, конечно. Когда мы научимся выражать свою волю, не нарушая свободы других. И в Интернете, и на улице, и в аудитории. Когда у нас появятся моральные привычки общежития. И когда мы научимся их защищать.

*Беседовал Б. Минаев
Русский журнал, 2008 г.*

ОТ ЕГЭ ДО ИСКУССТВА ПРОПАГАНДЫ

– Только что, впервые, если я не ошибаюсь, повсеместно в России состоялась вступительная сессия в вузы по результатам Единого госэкзамена. И результаты меня поразили: я смотрела список тех, кто поступил в МГУ, в частности на философский факультет и на факультет политологии. На факультет политологии, на бесплатные места не поступило ни одного человека непосредственно по ЕГЭ – 9 олимпиадников, остальные льготники. У нас есть почти 150 категорий граждан, которые могут поступить по льготам, имеют право поступить с любым результатом ЕГЭ, лишь бы этот экзамен не был на «двойку». В итоге большая группа граждан (тут нет никакого национализма, но почему-то большинство из них – выходцы из Татарстана и республик Северного Кавказа), имея некоторые льготы, могут без экзаменов поступить в престижнейшие вузы. Как Вы к этому относитесь, Владимир Васильевич?

– Ну, я отношусь категорически негативно. Я вот ехал сегодня сюда и думал, что если бы завтра Министерство образования ввело критерий, по которому все поступающие девушки должны иметь рост два с половиной метра, а для этого нужно было бы представить справку, то, я думаю, что у нас страна мгновенно «выросла» бы, так же, как и сейчас «заболела».

Но самое страшное не в этом: там есть действительно какие-то льготники, не самое страшное, что они с низкими баллами, но они занимают места, оттесняя ребят с более высокими баллами. Вот был случай, когда с 290 баллами (из 300) парня или девушку мы зачислить не могли, а зачислили людей со 145 баллами. Поэтому впервые крупнейшие, сильнейшие, престижнейшие

университеты открыли дорогу для слабых абитуриентов. Будь то действительно льготники или не действительно льготники – это беда.

– Ректор Высшей школы экономики Ярослав Кузьминов полагает, что введение Единого государственного экзамена вдвое сократило коррупцию в университетах. Что Вы на это скажете?

– Мы с Ярославом Ивановичем уже давно полемизируем, я еще 9 лет назад выступал против ЕГЭ. Проблема была такая: была трудная ситуация в стране, и была выдвинута эта идея экономического решения, была взята довольно примитивная идея из США. Поскольку все пошли на платное образование, появилось ЕГЭ, но все забыли, что следом шла другая аббревиатура: ГИФО. И если бы еще ГИФО остался, то был бы какой-то смысл.

– Давайте разъясним, ГИФО – это система, при которой государство будет финансировать «егэшников».

– Да, когда деньги идут вслед за абитуриентом – как тогда говорили. Но когда посмотрели, то заплакали: это было не больше 12 000 рублей. Молодой человек из обеспеченной семьи и без этого ГИФО поступит, а кто сдал ЕГЭ на высокий балл, но у кого просто нет денег, вынужден будет идти в слабый вуз. Вот такая борьба с коррупцией – псевдоборьба, неужели чиновничество, куда был передан этот вопрос, менее коррумпированный орган? Эта проблема не была решена, я уже не говорю о том, что всех одновременно подозревали в коррупции. Поэтому это один из мифов, который и Высшая школа экономики, как идейный вдохновитель ЕГЭ, распространяет. Он был основан еще на одной идее – мирового опыта: Египет, Китай, и, может быть, еще кто-то участвовали в подобном эксперименте. Ни в Кембридже, ни в Оксфорде, ни в Гейдельберге, ни в Скандинавии по одному тесту не берут в высшие учебные заведения. Да, тест есть, но есть еще и дополнительный экзамен. В Германии, например, о тестах даже и разговора нет. Это надуманная проблема, как и проблема платного образования, когда нам твердят,

что весь мир перешел на платное образование. Во всей Скандинавии бесплатное образование, в Германии, во Франции... Ну, да, в Англии больше платного образования, но оно и строится другим образом. Потому это миф, который, к сожалению, убедил людей, принимающих решение.

– В начале 2000-х годов, когда я сама заканчивала школу, у нас существовал довольно специфический вид коррупции, я думаю, Вы тоже не будете это отрицать: выпускникам предлагали заниматься с репетитором из приемной комиссии вуза. Занятия очень недешевые, родители платили от 5 до 10 тысяч долларов, после чего выпускник фактически зачислялся в вуз. С другой стороны, ученика 11 класса действительно «натаскивали» и он сдавал честно своему преподавателю, то есть преподаватель брал на себя ответственность, что он берет не.bestолкового. И затем эти ребята учились достаточно неплохо, заканчивали престижные вузы, в том числе и МГУ. Что получается сейчас: приезжает на «Ауди» или «БМВ» последней модели тот льготник-инвалид, который будет учиться на престижных факультетах МГУ, например на философском... Но, чтобы учиться на философском факультете, нужно действительно «въезжать» в то, чему тебя учат, «врубаться» в предмет, там невозможно вы зубрить все. И этот льготник просто не сможет учиться, он будет отчислен сразу после первого курса. Скажите, что тогда будет происходить с теми местами, которые остаются?

– Вы блестяще, Маша, сказали, что репетиторство, как бы к нему ни относились, готовило абитуриента. Я против репетиторства, но тем не менее, если человек шел на репетиторство по иностранному языку, его готовили, а сегодня его учат, как заполнять некоторые анкеты, – это гораздо проще и требует меньше знаний. Сегодня, представьте, пришли люди, у которых уровень ЕГЭ примерно таков, как в одной истории, которую я сейчас расскажу. Мне один губернатор, не буду говорить, какого

региона, рассказывал, что, когда его спросили, почему у вас за год повысился уровень знания русского языка на 30 процентов, он ответил: ну, я же губернатор, у меня все увеличивается, например удои молока... Так вот...

– Извините, что перебыю. Это была национальная республика?

– Да, национальная республика.

– Я смотрела целевую государственную программу «Русский язык». В национальных республиках общие требования к сдающим русский язык и к преподаванию русского языка в школе в два раза меньше, чем в других регионах России. Это действительно факт.

– Объективно это, может, и так. Но баллы по ЕГЭ одинаковые для центра и для региона. Ну, так вот. Ребята пришли с ЕГЭ, у них, допустим, низкие баллы, но это хорошие ребята. А требования преподавателей высокие. Ясно, что к концу семестра, если они не подтащат себя и плохо сдадут экзамены, их придется отчислять. Однако это бюджетные места. Если много бюджетников отчислить, мы получаем парадоксальную ситуацию. Легко бы ее исправить, и я уже когда-то предлагал это сделать следующим способом: студент имеет право на бесплатное место только один раз, учится плохо – его отчисляют, а дальше он может учиться только платно. А платников, которые учатся хорошо, на освободившиеся места переводить. Но сегодня что делать в этой ситуации преподавателям? Понижать уровень требований?

– Как Вы относитесь к тесту ЕГЭ и к тому, как его составляют? Я сама начала смотреть, что такое ЕГЭ, начала выполнять задания по русскому языку, по истории. Вопросы первой части довольно простые, на них легко можно ответить, даже несмотря на то, что я закончила школу много лет назад. Но третья часть меня просто поразила! Я Вам задам вопрос, на него мне не дали ответ даже

кандидаты философских наук, которые, кстати, закончили философский факультет МГУ: «Охарактеризуйте деятельность Никиты Сергеевича Хрущева на посту Генерального секретаря и назовите три основных вещи, которые он сделал». Как можно ответить на этот вопрос правильно? Как оценить Хрущева? Как можно определить три вещи, которые он сделал, из всего времени правления?! Я могу рассказать о негативных, позитивных вещах, которые он сделал, сколько угодно, но три главных вещи? Я вообще не понимаю, как дети будут отвечать на этот вопрос правильно. Это должна быть какая-то идеология?

– Сама система тестирования имеет право на существование, но она должна быть дополнена другими способами проверки знаний. Ясно, что целый ряд предметов, например, литература, философия, – их тестами не проверишь. У нас существует такая плохая шутка, что «Ленин жил», «Ленин жив», «Ленин будет жить» – это варианты ответов на вопрос по ЕГЭ. Я бы таких примеров мог Вам массу привести. В одном из первых вариантов ЕГЭ был вопрос: «Кто был первой женой Ленина?». И варианты ответов: Арманд, Коллонтай, Крупская и так далее. Тест имеет право на существование, это определенная форма подготовки, но страшно то, что, поскольку это связано с поступлением в вузы, это откос от армии. Если ЕГЭ останется, у нас постепенно деформируется школа, знания будут не нужны, нужно будет на-таскивать на вот эту систему ответов, даже если это не только система тестов будет: какая еще там литература? Зачем какие-то душевные переживания человека? Вот в каком платье была Наташа Ростова? Вы знаете, в каком платье была Наташа Ростова на балу? Это стандартный вопрос.

– Я эту деталь плохо помню, больше помню о взаимоотношениях с Пьером и Болконским.

– Вот видите, отношение не формализуешь, значит, нельзя такие вопросы задавать, значит, тесты в целом ряде дисциплин не проходят, и, кстати, наш ректор Виктор Антонович Садовничий говорил точно так же и о математике, там вообще ужасно:

либо упрощенные задачи, либо задачи очень сложные; задача, подразумевающая один ответ, на деле имеет 3-4 ответа.

– Министерство образования при проведении этой реформы ЕГЭ говорило, что одаренных детей мы можем зачислять по олимпиаде за 11 класс, по Всероссийской олимпиаде – и действительно много олимпиадников зачисляется. Но тут вот что происходит: я, в общем, и раньше скептически относилась к системе поступления в вузы. Потому что если нужно «завалить» человека, то как раз на сочинении – на любом гуманитарном факультете, потому что к любому из вопросов сочинения можно придумать по смыслу, и ты напишешь на тройку. Но тут хотя бы можно было обжаловать. А с олимпиадой штука следующая, узнала для себя удивительную вещь: в мои школьные годы олимпиады никак не влияли на поступление, и их итоги, естественно, не подделывали, а тут – люди покупают олимпиады. Как покупают: одной моей знакомой девушке нужно было 400 баллов набрать, она побеждала в 10-м классе, а в одиннадцатом набрала 396 баллов. То есть понятно, что четырех баллов не хватило, как на некоторых выборах, когда нужно набрать пять процентов, а вот набирают почему-то 4,99 процента. И всем все понятно. Скажите, как здесь быть, как с одаренными быть?

– Вы знаете, Московский университет в этом плане всегда занимал четкую позицию. К примеру, знаменитая школа Колмогорова, там ребят же отбирали и учили несколько лет и они действительно поступали, хоть экзамены сдавали, хоть олимпиады выигрывали... А дальше, Вы правы, опять все будет зависеть от того, как будет создана система отбора на олимпиаде. Вот мы столкнулись с такой проблемой: у Московского университета традиционно высокий критерий олимпиад, и вообще говоря, мы всегда эти олимпиады сдерживали некоторым образом. Но откуда возникла эта идея олимпиад как альтернативы ЕГЭ? Ярослав Иванович Кузьминов, которого вы упоминали, в свое время не поддерживал их так, как сегодня. А когда он столкнулся

с тем, что ЕГЭ не проходит, возникают коллизии из-за слабых студентов, он тоже стал идею дополнения ЕГЭ системой олимпиад поддерживать. На самом деле идея олимпиад и поиск молодых талантов по всей стране, конечно, должны быть. Вопрос в том, кто и как это будет делать. Потому что мы можем довести до абсурда любую ситуацию. И олимпиады, и экзамены. Мы везде можем найти коррупцию. Если в стране есть пожары и наркомания, то они есть везде: и в университетах, и в вузах, мы живем в едином обществе. Поэтому олимпиада имеет такую же коррупционную составляющую, как и экзамены, и ЕГЭ, и так далее. Тут ничего особенного нет. Но я все-таки надеюсь на лучшее, поскольку сейчас это единственная форма или хотя бы возможность отобрать сильных ребят. Но, к сожалению, мы здесь лимитированы. Мы хотели на наш факультет взять победителей олимпиад, у нас были такие, но мы пошли по более простому пути: приравнивали их олимпиады к 100 баллам, т. е. – 100 баллов по нашей олимпиаде плюс ты еще ЕГЭ приносишь. Вот эта общая совокупность как-то выравнивала те огрехи, о которых вы говорили.

– Тогда получается, что если какой-нибудь одаренный олимпиадник из Дагестана с результатом ЕГЭ 120 покупает свою олимпиаду и приносит 220 очков, то он не поступает, потому что есть дети с цифрой в 290 баллов?

– Да. Вообще ЕГЭ – это попытка уравнивать все вузы. Каким-то вузам этого ЕГЭ – выше крыши, они и наберут, но к ним никто не идет. Надо разделить вузы по категориям. Вот сейчас, слава Богу, указ президента вышел [имеется в виду законопроект № 239808-5 ФЗ «О Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете» от 4.08.09. – М.С.]. Есть сильные вузы: Москва, Питер, Бауманка. Дайте им возможность принимать так, как они считают нужным. И есть слабые, которые вчера были техникумами, а теперь стали университетами. Да пусть хоть по росту принимают, хоть по цвету глаз – это ничего не меняет – пусть выбрасывают эти места в толпу. Это не имеет значения.

– Дмитрий Медведев предложил законопроект, в соответствии с которым два российских ведущих вуза фактически становятся экстерриториальными отечественному образовательному пространству. И МГУ с СПбГУ могут, в общем, если законопроект пройдет, больше не обращать внимания на госэкзамен. Вы, как известный критик реформы системы образования, рады или нет, что вообще скажете по этому поводу?

– От этого указа нужно ждать подзаконных актов. Сам указ носит достаточно общий характер, мы знаем, какие там есть ключевые моменты, они могут развиваться в разные стороны. Но в данном случае Дмитрий Анатольевич верно ухватил эту идею – недаром, что сам из Петербургского университета. Это, кстати, Болонского процесса также касается.

Знаете, мне французы сказали: «Иди, иди в Болонью». Я спросил, хотят ли они отказаться от французского вина? Они задумались и ответили: нет. А вот представьте, говорю, что введут средневропейский стандарт вина. И французского вина не будет. Почему же мы в образовании так просто идем? И стандарт, опять же сошлюсь на Садовниченко: не было бы московской и петербургской школ математики, если бы полностью одинаковыми были стандарты в Советском Союзе.

Так вот, логика другая: должны быть разные типы стандартов для ведущих вузов – может быть, это и не московские, и не питерские, это другой вопрос. Пусть ученые советы этих вузов определяют, как у них принимают экзамены. Я не думаю, что они полностью откажутся от ЕГЭ. Наверно, оставят как элемент: по одному экзамену, допустим. Но в любом случае будут дополнительные экзамены.

Два вуза выделены: у Московского всегда был такой статус, ну, и Питерский его тоже получил, слава Богу. Вопрос дальнейшей стратификации. Я бы сделал так: ведущий университет, потом следующая группа университетов; и финансирование можно определить: вот это федеральное, вот это региональное, а потом вот эти бывшие техникумы, которые, может, и плату за обучение вводят, да как угодно...

– Скажите, пожалуйста, сколько у Вас льготников?

– Льготников сначала было пятьдесят процентов, но сейчас их число уменьшается. Они, наверное, все-таки университета побаиваются. Человек понимает, что с этими баллами он вряд ли потянет обучение, и он забирает документы. Доходит до парадоксов. Мне декан юрфака говорил, что они обзванивали людей и говорили, что человека зачислили на юрфак, а тот отвечает, что ему уже не надо, он устал, ему надоело, и он уже устроился, допустим, в Ростов или еще куда-то. Такого не было никогда.

Вот в Германии как происходит (у меня там сын учится): выпускник пишет письма во много вузов, получает, допустим, пять положительных ответов, он в течение трех дней должен выбрать. Как только он ответит, его изымают из общей компьютерной базы, и уже после этого он подает документы только в один вуз. Вот вам решение проблемы. А здесь – от мехмата до философии, от истории до медицины – это абсурд. Это абсурд, который имеет непредсказуемые последствия.

– Я правильно понимаю, что с одними и теми же результатами ЕГЭ можно поступать и на мехмат, и на философию, или там...

– Там разные предметы. На мехмат – математика, там различия есть. Этот год приема был похож на ярмарку. Вот эта идея известных людей о том, что образование – это сфера услуг, так и выглядела. Нам осталось только, как в «Макдоналдсе», поднимать руки и кричать: «Два места осталось».

– Скажите, а олимпиадников у Вас много на факультете?

– У нас немного. По закону, в университет мы зачисляем только победителей Российской олимпиады, и их немного. Поэтому у нас на факультете их один или два. Что касается наших олимпиад – мы приравнивали победу в них к ста баллам. В общем, сказать, что олимпиадники доминируют, нельзя. Даже жалко. Вот ко мне вчера приходила девочка, ей не хватило пяти или

шести баллов, она победитель нескольких олимпиад, но я не могу ничего для нее сделать. Даю ей некоторые советы...

– Есть такая неофициальная информация, что прошло очень много льготников со слабыми баллами по ЕГЭ, что на бюджетные места престижных факультетов зачисляли не тех, кого хотели, в том числе по коррупционным причинам, и когда после первой сессии уберут вот таких лишних людей, то зачислят тех, кто нужен, а студенты пока пересидят первую сессию в непрестижных вузах. Что Вы думаете об этом?

– В Московском университете это невозможно, прежде всего по техническим причинам: перевод осуществляется один раз в год, он очень сложный, жесткий, проводятся экзамены, кандидатов там всегда очень много, потому что приходят еще студенты, которые восстанавливаются.

Вот раньше как было? Кто приходил по переводу? Отец военный, переезжает, а у него дочка, ее переводили практически автоматически. И это логично, нужна какая-то система. То, о чем вы сказали, – это возможно, но в Московском университете так не будет, это совершенно точно, тем более – какие уж тут сговоры?

– А может быть, Вы сделаете сессию максимально жесткой?

– Нет. Ее не нужно делать жесткой. Зачем ужесточать? Нормально бы принять, так, чтобы много не вылетело, и уже хорошо. Никакого сговора не будет, хотя гипотетически, конечно, это возможно. Сегодня, к сожалению, ситуация такая, что студенты стали намного меньше читать книг.

– Просто потому, что есть компьютеры, социальные сети. Мы в детстве читали очень много книг, потому что компьютеры появились гораздо позже.

– Совершенно верно. Я просто говорю, что это немного другой мир, поэтому и преподавание выстраивается другим образом.

У меня на факультете студенты в одной группе кидались промокашками в преподавателя... Как такое могло произойти? А случилось вот что: два года назад, когда школьники не хотели попасть в волну ЕГЭ, многие стали заканчивать школу экстерном. Таким образом, у меня появились пятнадцатилетние студенты, они так себя вели – кидались промокашками в преподавателя, абсолютно не стеснялись ничего, и у них глаза чистые, незамутненные...

– Я сама закончила школу в 15 лет и от лица пятнадцатилетних могу сказать: промокашками не кидалась!

Звонок слушателя: *Я бы разделил проблему коррупции и проблему ЕГЭ. Потому что коррупция может испортить любую систему. Я сам поступал в 1986 году, а мой сын уже поступал по ЕГЭ. И на мой субъективный взгляд, система ЕГЭ – это лучше, чем было раньше. ЕГЭ заставляет более тщательно изучать весь курс предмета.*

– Но извините, она же не учит анализировать, она учит тупо зубрить!

Слушатель: *Вы не правы. Например, в математике есть задачи чисто тестовые, но таких задач там 10 из 30. С другой стороны, там есть и хорошие задания, сложные, олимпиадного уровня. Поэтому, когда сдавал сын, я не увидел чего-то плохого в ЕГЭ. А вот вопрос коррупции – это уже другое, коррупция может разрушить любую систему.*

– Спасибо за Ваше мнение. Но зато с ЕГЭ мы теперь четко видим, кто коррупционер, а кто нет, судя по списку льготников!

– Я в каком-то интервью уже сказал, что ЕГЭ – это модифицированный вид коррупции. Там же есть еще один момент, который Вы не затронули, – целевой прием, который отнимает бюджетные места, и приходят люди из регионов.

– Вы о том, что многие москвичи не поступили в московские вузы из-за того, что очень много поступивших

из регионов? И москвичи вынуждены уезжать в Ростов и Нижний Новгород, чтобы получить образование там.

– Объективно в регионах баллы по ЕГЭ выше, чем в Москве.

– Я не верю, что школьники в провинции на порядок хуже московских школьников.

– Я бы не стал обвинять самих ребят, я бы обвинял организацию. Но когда Глебова [Любовь Глебова, глава Рособрнадзора. – М.С.] заявляет, что из стобалльников 25 процентов ими в действительности не являются, то мы-то уже ничего сделать не можем – они уже поступили. А как же быть с теми ребятами, которых эти стобалльники отодвинули?

Звонок слушателя: *Владимир Васильевич, как Вы относитесь к системе физтеха?*

– Физтех даже для Московского университета – это эталон. Это то же самое, что МГУ. Это была величина.

Слушатель: *Позор, что большинство выпускников физтеха уезжают за границу учиться.*

– Позор не ребятам, позор стране, которая не может создать для них условия. Ведь чаще всего уезжают не из-за денег, а из-за отсутствия приборной базы, не хватает лабораторий, а ребята хотят работать, они же получили образование!

– Напоминаю, что всю программу у нас шел опрос, и 22,7% наших слушателей считают, что ЕГЭ – это добро, и что с введением этой системы стало гораздо лучше, и 77,3% слушателей считают, что с системой ЕГЭ стало только хуже.

*Беседовала М. Сергеева
РСН, 2009 г.*

ФИЛОСОФИЯ – БЕСПОЛЕЗНАЯ НАУКА

«Татьянин день» продолжает серию интервью с деканами факультетов МГУ беседой с Владимиром Мироновым, возглавляющим философский факультет. Декан делится мнением о Болонской системе, ЕГЭ, реформе ВАК, а также объясняет, почему выпускники философского факультета могут сделать хорошую карьеру в современном мире.

– Владимир Васильевич, расскажите, пожалуйста, где востребованы выпускники философского факультета? Ведь Вы, наверное, знаете шутку о том, что на философском учат преподавателей философии, которые потом учат других преподавателей философии...

– Представление о том, что философия является самой бесполезной наукой, на самом деле не является лишь негативной характеристикой. Вспомните нашу сегодняшнюю жизнь, как много всего у нас нацелено на прагматику. Философия в этом смысле – действительно бесполезная наука, ведь она не ориентируется на сиюминутную прагматическую пользу. Она учит человека созерцать мир, а значит, любоваться им. Кроме того, философия во многом пересекается с религией, ибо она воспитывает душу.

Мы в дипломе пишем «Преподаватель философии. Философ», но я всегда говорю: «То, что вы станете преподавателями философии, мы гарантируем, а станете ли вы философами – это другой вопрос».

А теперь что касается практической деятельности: философия на самом деле и к практике имеет отношение. Дело в том, что сегодняшний мир во многом является миром коммуникатив-

ным, и человек, который может вступать в коммуникацию, имеет хороший старт. Философия обучает человека ориентироваться в коммуникативной ситуации – будь то бизнес, будь то политика, будь то деятельность, связанная с образованием.

Конечно, из людей, которые оканчивают сегодня философский факультет, мало кто идет работать преподавателем – государство мало за это платит, но устраиваются очень хорошо: от Валдиса Пельша, который ведет музыкальные передачи, Ирины Богушевской, которая поет песни, Натальи Тимаковой, которая работала пресс-секретарем Президента, до представителей бизнеса.

Когда я встречаюсь с выпускниками, часто спрашиваю: «Вот Вы стали крупным бизнесменом. Если бы Вы повторяли свой путь, Вы бы выбрали философский факультет?». Они, как правило, отвечают: «Да».

– Как на преподавании философии на факультете скажется переход на Болонскую систему?

– Я критик Болонской системы и посещающие меня иногда сомнения – а вдруг я не прав – были развеяны, когда в конце прошлого года состоялась целая серия демонстраций студентов в Западной Европе, в частности в Германии, и в этом приняло участие около 380 000 студентов. Лозунгами этих выступлений были слова о том, что мы теряем фундаментальное образование, скатываемся в платное образование, кому нужны эти бакалавры, и прочее, и прочее, и прочее. Это одна проблема.

Вторая: Болонские принципы формально ничего не предписывают, это некие пожелания, но наша страна избрала наихудший вариант. Бывший министр образования Владимир Филиппов сказал в обращении к представителям ЮНЕСКО следующее: «Я прошу прощения у коллег из Совета Европы, из ЮНЕСКО, но я должен откровенно сказать: я считаю, что от вступления России в Болонский процесс вузы в большой степени потеряют. Но и стоять в стороне от этого процесса мы тоже не можем». Давайте посмотрим на истоки Болонской системы. На Западе огромное количество мигрантов, их надо интегрировать. Проще

всего это сделать через образование. Но, поскольку мигрантов много, надо понимать, что включить всех в некую элитную систему образования трудно. Поэтому нужно систему понизить, например, до уровня бакалавра. И тогда все смогут учиться. Фактически бакалавриат – это пролонгированное среднее образование.

– Но зато образование становится универсальным, признаваемым во всем мире. Эта усредненность для России неизбежна?

– Государство сейчас нашло хороший ход – особый статус Московского и Санкт-Петербургского университетов, позволяющий им разрабатывать свои стандарты, вне общей системы, что, наверное, позволит в МГУ сохранить высокое качество преподавания. Скорее всего, мы в основном будем выпускать полных магистров, продолжительность учебы которых составит 5-6 лет.

– Какие сложности Вы предвидите на своем факультете? В любом случае придется менять программу.

– Нами подан в Минобрнауки такой стандарт, который позволяет внутри него иметь два профиля, как бы два стандарта для философского факультета. Один – где доминируют кафедры теоретического плана: история, философия, онтология и теория познания, логика, методология; другая линия – то, что Аристотель называл прикладными дисциплинами: этика, эстетика и так далее. Но преимущество возможной новой модели, предлагаемой Виктором Антоновичем Садовничим, – это то, что за счет общего увеличения количества часов будет увеличена вариативная часть для студентов. Сейчас у нас жесткий учебный план и небольшой процент дисциплин по выбору. В будущем мы уменьшим количество жестких дисциплин, а выборная часть будет делиться на две линии. Первая линия – это выбор студентами по кафедрам. Например, человек специализируется по кафедре онтологии и теории познания, но некоторое количество дисциплин он должен прослушать по другим кафедрам.

А вторая линия еще более свяжет университет в единое целое, ректор называет это созданием интегративных площадок: студент должен будет прослушать курсы на других факультетах или даже в институтах, например, в ГАИШ, в Институте человека и так далее. Это такая модернизированная идея средневекового универсума.

– Сейчас философский факультет – единственный, где такой междисциплинарный подход реализуется: например, в аспирантуру философского факультета можно поступить и естественнику. Много ли людей выбирает такой путь? И что он дает, на Ваш взгляд?

– Ребята приходят, хотя не так много. Но есть парадокс. Допустим, человек окончил физический факультет, приходит к нам в аспирантуру. Что мы от него ждем как от будущего философа? Что он будет заниматься философскими проблемами физики, поскольку он ее хорошо знает. Но ребята, которые приходят с других факультетов, уходят в сферы, очень далеко отстоящие от науки.

Трактовки философского факультета как факультета чисто гуманитарного – ошибочная позиция. Вспомните: Декарт, Лейбниц, Пифагор... Когда мама с папой приводят абитуриента по принципу «не знаешь математики – иди на философский», из этого выходят неприятные вещи.

– Надо заметить, что у большинства очень смутные представления о философии.

– То, как преподается философия вне философского факультета, а тем более вне университета – это особая боль. Я сейчас скажу странную вещь: я бы запретил в вузах систематическое преподавание философии. Я бы исходил из того, что философия – такая дисциплина, интерес к которой должен проснуться в самом человеке, а наша задача разбудить в нем интерес. Ясперс говорил: «Философия начинается с детских вопросов». Поэтому если есть хороший эстетик в вузе – пусть читают эстетику, есть хороший историк – пусть читают историю, пробудится интерес – человек сам придет к философии.

– Считается, что философский факультет идеологически «обслуживал» советскую власть. Удалось ли полностью преодолеть это наследие?

– Действительно, факультет на уровне обыденного сознания воспринимался как идеологический. На определенной стадии для поступления даже требовалась рекомендация обкома партии! Но было в этом одно «но»: философия – это свободное внутреннее мышление. А внутренне свободным человек может быть при любом строе.

В советское время на философском факультете можно было читать литературу, которая в силу идеологичности формально была запрещена на других. Например, Сартра, Ницше, Библию. Был даже кабинет, где свободно стояла Библия.

Философский факультет как раз в период застоя дал огромное количество диссидентов. То есть людей, которые как раз выступали с критикой идеологии. Даже были судебные процессы, связанные с этим, и факультет пытались закрыть, потому что система сделала ошибку: уж если вводили рекомендации обкома, то надо было и брать их обратно: пришел, отучился, вернулся туда. А это было невозможно. В результате студенты становились свободно мыслящими людьми.

Конечно, сейчас факультет сильно изменился. Не стало кафедры марксистско-ленинской философии, хотя я очень высоко ценю Маркса.

– Из тех, кто был примером свободомыслия в советское время, здесь учились Мамардашвили, Зиновьев, Щедровицкий. Их наследие удалось инкорпорировать в учебную программу, оно востребовано?

– Это тоже непростой вопрос. Зиновьева на философский факультет как раз я возвращал благодаря поддержке Виктора Антоновича; мы с ним даже дружили – это человек очень высокого уровня интеллекта. Он не был штатным работником университета, работал в Институте философии, а здесь был на полставки. Но была «школа Зиновьева», то есть огромное

количество людей, которые домой к нему ездили. Зиновьев оказался удивительной фигурой: он страшно не любил слово «диссидент», просто ненавидел его, но был всегда диссидентом. Был такой эпизод: когда он приехал в Германию, собралась огромная аудитория – он должен был читать серию лекций. Чего ждали от человека, которого выгнали из Советского Союза? Ждали критики Советского Союза. А он прочитал лекцию по логике. Через пару лекций никто уже не ходил. Он не вписался и в диссидентский мир, ведь там тоже были свои начальники. Он начал говорить о проблемах советского мира, но говорил и о том, что действительно великого здесь было, кто был виноват в разрушении этой великой страны.

Когда он вернулся сюда, началась борьба правых и левых. Он и тем, и другим дал отпор. Он вообще был человеком, который ни с кем не соглашался, говорил: «Я создал Бога внутри себя», и этому всегда следовал, хотя не был человеком воцерковленным в полном смысле слова.

Теперь что касается наследия. Он был признанным мировым логиком, занимался проблемами этики. Феномен Зиновьева, на мой взгляд, интересен тем, что он олицетворял собой философию поступка.

У меня был случай, когда я был начальником курса: студент «заложил» другого студента, рассказав, что тот по ночам слушает «Немецкую волну» и записывает «Зияющие высоты». Мы вызвали этого студента, он принес свои тетрадки. Мы тогда с Вячеславом Александровичем Бочаровым, преподавателем логики, пошли и сожгли их. Через три дня к нам приходят сотрудники КГБ и говорят: «А где?». Мы им отвечаем: «Рукопись уничтожена путем сожжения». Мы спасли этого парня, его даже не исключили, а за это его бы исключили однозначно. Это вот расходящиеся круги. Хотя в самих «Зияющих высотах» с современной точки зрения какой-то оголтелой критики не было. Это было произведение, которое критиковало внутренний мир, философский в частности.

Что касается Мамардашвили, он входит во многие программы, есть те, кто влюблены в эту концепцию в большей степени,

есть те, кто в меньшей, но то, что он как фигура вошел, – это безусловно.

К концепции Щедровицкого я отношусь сдержанно. Я бы не стал каким-то образом здесь ранжировать эти фигуры. Кроме Зиновьева, Щедровицкого, Мамардашвили были другие – например, Пятигорский.

Все эти люди внесли свою лепту, понятно, что многим из них пришлось тяжело на факультете, а многие даже были изгнаны по идеологическим соображениям. Но все они состоялись как философы. Я не считаю, что мы должны что-то обязательно интегрировать. Философия – свободная наука, и каждый найдет своего философа.

– Вопрос про другую фигуру, современную: диакон Андрей Кураев, который преподает на вашем факультете, – чрезвычайно популярен. Как Вы оцениваете его роль?

– Андрей Кураев всегда мощно выполнял миссионерскую функцию и имеет для этого безусловный талант лектора и мыслителя. Это человек, который отстаивает определенные ценности, причем очень жестко. Кстати говоря, его мнение часто шло вразрез с мнениями внутри Церкви. Он глубоко разбирается в проблеме веры и знания. Я оцениваю его очень высоко, но при этом должен отметить, что рационалистическая струя внутри его сознания кажется мне доминирующей. Я бы назвал его классическим теологом.

– Имеет ли смысл введение теологии в список ВАКовских дисциплин?

– Здесь есть предыстория. Я – председатель экспертного совета ВАК, и я был противником введения теологии в вузах. Для меня странно само понятие светской теологии. Нерешенным оказывается и вопрос о том, кем смогут работать люди с такой специальностью. Сильных работ по теологии сейчас мало, и если в центральных вузах действительно можно собрать лучших теологов, то на периферии – нет.

Поэтому я бы действовал по-другому. Если уж выводить теологию на такой уровень, то надо вводить отдельный факультет, причем только в избранных университетах. Это могло бы обеспечить качество.

Что касается ВАК, здесь есть две позиции. В свое время была попытка ввести теологию внутри философии, что мне казалось неправильным.

Если вводить теологию в ВАК, то нужно ее делать отдельным направлением, не связанным с другими. Тогда можно будет развести и конфессиональные вопросы. В данный момент реформа ВАК, насколько я понимаю, подошла к оригинальному решению, которое, может быть, эту проблему снимет.

Михаил Петрович Кирпичников, председатель ВАК и декан биологического факультета, предлагает создать три блока аттестации: традиционный, относящийся к наукам; блок аттестации, имеющий отношение к бизнесу; и духовный, касающийся теологии и подобного. Эта схема, в принципе, могла бы сработать, но я бы дополнил ее введением некоторой «табели о рангах». То есть доктор теологии должен по статусу быть приравнен к доктору, допустим, философии, просто к доктору наук.

Внутри православия у многих людей скептическое отношение к тому, что теология будет в ВАК. Они боятся того, что теологии будет придаваться все более светский характер, она уйдет от вопросов теологических и будет пребывать на стыке религиоведения и теологии.

– Сейчас религиоведение становится популярным, есть даже религиоведческое общество на факультете. Какими Вы видите перспективы этих начинаний?

– Общество религиоведения – фактически общественная организация. Она достаточно самостоятельная, жестко к факультету или к кафедре не привязана. Возглавляют общество наши аспиранты и студенты, и мы предоставляем им все возможности, которые есть.

Интерес к религиоведению есть, но здесь мы должны сломать стереотип преподавания религиоведения только как тео-

ретической дисциплины. Здесь нужны и полевые исследования, и практика, тогда, я думаю, ребята на религиоведение пойдут еще больше.

– Какие кафедры сейчас наиболее популярны у студентов?

– Как ни меняется время, самыми популярными остаются кафедры истории философии, кафедра онтологии и теории познания, кафедра логики, кафедра истории и теории мировой культуры, кафедра социальной философии. Иногда это модифицируется: был, например, всплеск интереса к русской философии, потом был спад этого интереса...

– Сейчас ведутся дискуссии о необходимости и целесообразности университетов как таковых. Каково Ваше мнение по этому поводу? Университеты должны сохраняться?

– Университеты, безусловно, должны сохраняться. Конечно, то, что в нашей стране каждая шарашка называется университетом, – абсурд. В этом контексте указ, который президент сейчас подписал об особом статусе МГУ и СПбГУ, очень важен. Я считаю, что должна быть выстроена иерархия: мощный университет, средний университет и то, что вообще-то университетом не является, что нужно называть иначе...

Сегодня автономия университета подвергается сомнению, потому что деньги выделяются большие, и государство хочет контролировать те деньги, которые вкладывает. Но если государство доведет это до упора, превратит университет в проектную систему (например, я вам даю деньги, а вы мне через две недели даете результат), университет саморазрушится.

Не надо забывать, что университет наряду с другими функциями выполнял еще и культурную функцию. Это больше, чем просто организация, обеспечивающая преподавание, или, как сейчас говорят, «образование как сферу услуг». Академический консерватизм – это нормально, так как он опирается на традиции. Будем надеяться, что это все сохранится.

Министр образования недавно выступил с заявлением, что будет закрывать университеты, в которых до пятисот человек. Часто такие вузы базируются на полставочниках. В университете же одна из главных функций – воспроизводство преподавательского состава из самих себя, это признак хорошего университета.

Сегодня говорят: вот, работодатель должен определять образовательные запросы. Но работодатель не будет платить за классическую филологию или за философию. Кому она нужна? Работодатель будет платить за юристов, за экономистов, за политологов. А это очень опасная тенденция.

– В этом году на Татьянин день студенты и деканы обратились к ректору и Патриарху с просьбой открыть храм на Воробьевых горах. Как Вы к этому относитесь?

– Я скептически к этому отношусь. Во-первых, у университета уже есть очень хорошая домовая церковь – храм святой мученицы Татианы. Создание еще одного духовного центра, мне кажется, нарушит традицию наличия своей церкви для студентов и преподавателей. Во-вторых, такое строительство может всколыхнуть межконфессиональную проблему, например, такое же справедливое желание построить мечеть. Я к такой инициативе отношусь сдержанно и не очень верю, что она отражает желание действительно большого количества людей, а тем более большинства сотрудников университета. Если есть идея создать храм, то надо его создавать самим, не привязывая к государственной образовательной структуре.

*Беседовала М. Хорькова
Татьянин день, 2010 г.*

О РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В МИРЕ, НИЗКОЙ ЦИТИРУЕМОСТИ ГЕНИЕВ И ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА

Что происходит с российской философской школой сегодня? Отражает ли цитируемость значимость философских работ? Как ЕГЭ и Болонская система меняют современное образование? Может ли у декана быть аккаунт в соцсетях – об этих и других вопросах главред Правмира Анна Данилова беседует с Владимиром Васильевичем Мироновым, деканом философского факультета МГУ.

– Владимир Васильевич, где сегодня отечественная школа философии в мировом процессе? Встраивается? Догоняет? Ведет свои направления?

– Непростой вопрос: его часто задают и он имеет несколько уровней объяснения. Задавая этот вопрос, провоцируют на перечисление имен, произнеся которые ты попадаешь в ловушку, ибо потом говорят о том, что этих людей никто не знает, и прежде всего на Западе. Как будто есть некий реестр философов, разделенных по принципу гениальности.

У меня где-то в 2001-2002 году был заочный спор с очень известным юристом, академиком Владимиром Николаевичем Кудрявцевым, которого я очень уважаю как крупнейшего ученого в области криминального права. Будучи в то время членом Президиума ВАК, он опубликовал статью, суть которой сводилась к тому, что философия не должна присутствовать в списке дисциплин, относящихся к науке. В качестве аргумента он говорил о том, что философия насквозь идеологична, чуть ли не главный виновник всех проблем, возникших в СССР, и что никто

не может назвать ему современных философов уровня Гегеля и Канта.

Я направил тогда письмо в газету (оно потом было опубликовано в виде статьи в одном из журналов), где обратил внимание, во-первых, на то, что уж кто-кто, а юристы внесли «не меньший вклад» в идеологию, в том числе практический. Достаточно вспомнить Вышинского и других. Да и вообще юристы у нас всегда были высоко во властных структурах. Что касается Гегеля и Канта, то их никто не выращивал. Более того, их значимость и понимание не совсем совпадают с периодом их жизни. Например, на лекции Гегеля очень плохо ходили студенты, и он остро переживал эту ситуацию. Кто является философом значительным, а кто – нет, во многом можно оценить лишь при временном отдалении от реальных фигур. И нам трудно сказать, кто из современных философов окажется в этом списке.

Кстати, такой же вопрос мы задавали немецким философам, в частности, Апелю, когда он был на факультете. И знаете, он тоже не смог назвать более 2-3 фигур из современной немецкой философии. А когда мы уточнили вопрос и попросили назвать кого-то из молодых философов, он не смог назвать никого.

Тем не менее я рискну назвать некоторых нынешних своих коллег, которые, как мне кажется, безусловно этого заслуживают, понимая, что кому-то это всегда не понравится. Это академики В. С. Степин и А. А. Гусейнов, это мои коллеги с факультета: В. В. Соколов, Ф. И. Гиренок, Г. Г. Майоров, М. А. Маслин, З. А. Сокулер, В. И. Маркин, К. Х. Момджян, А. Л. Доброхотов (который ныне работает в ВШЭ), В. В. Васильев, Е. Д. Смирнова, Т. Ю. Бородай, Д. В. Зайцев, А. П. Козырев, Б. В. Межуев, А. Ю. Ашкеров, и целая группа людей, которые либо работают у нас, либо окончили наш факультет. Например, Н. Плотников, В. Куренной... надо прекращать, а то теперь уже начинаю думать о том, что кого-то не назову случайно.

Но дело не только в именах. Никто специально течения и направления в философии не придумывает. Они формируются из фигур философов, которые могут принадлежать к разным культурам. И мы можем достаточно легко отнести тех или иных

наших философов к этим направлениям – от аналитической философии до постмодернизма. Понятно, что существует собственное самовыражение нашей философии, которое связано с собственной культурой.

В философии никто никого не догоняет. Философия, в отличие от науки, вектор развития которой направлен на все более адекватное отражение предметного бытия (это важно отметить – именно предметного бытия), представляет собой вневременное смысловое пространство, в котором все теории в каком-то смысле равны и в котором философы осуществляют диалог независимо от того, живы они или уже ушли из этого мира. Это вневременной диалог идей.

Поэтому Платон может оказаться для нас при осмыслении той или иной проблемы актуальнее, чем самый современный из современных философов. В нашей философии очень сильна религиозная и софийная традиция. В каком-то смысле Европа отказалась от идей Платона, приняв философскую парадигму Аристотеля. А вот в России, напротив, была подхвачена и по-своему промыслительно реализована именно платоновская модель философствования, конечно глубоко проинтерпретированная такими мыслителями, как В. Соловьев или П. Флоренский. Особое развитие получила в России и философия права, например И. Ильина, которая вообще в целом до революции была весьма развита. И можно было бы порассуждать почему.

История философии как некая связанная модель всегда приобретает национальный колорит. И так происходит не только в философии. Представьте себе, что историю русско-польских отношений пишут два ученых. Один – поляк, другой – русский. Как Вы думаете, это будут одинаковые истории, даже если в их основе будут лежать одни и те же фактические события? Конечно, нет. Ибо мы не можем уйти от оценочных позиций, а поэтому для русского человека, например, Суворов – это безусловный герой, а для поляка – враг, подавивший Варшавское восстание 1794 года. И до сих пор мы доказываем, что никакого кровавого подавления не было, а поляки настаивают на противоположной трактовке. Кроме того, необходимо понимать, что огромный

период в философии в нашей стране был деформирован. В частности, именно в этот момент произошел ее отрыв от филологии и истории. Как красиво и точно отмечал С. С. Аверинцев, философия вышла из слова. Мир античности был миром становления философии прежде всего через слова, которые вылавливались из образов обычной жизни человека. Я недавно написал статью об этом – «Философия и слово».

Что касается истории, то здесь есть проблема в преподавании истории философии. Студенты часто просто «не чувствуют» историю. Когда мы, например, говорим о том, что древние греческие философы жили более 2 500 лет назад, студентами это воспринимается как некий «временной мешок», в котором не дифференцировано время жизни отдельных философов, как будто они все жили одновременно. Это недостаток линейного преподавания истории философии без соотнесения данной истории не только с конкретными периодами жизни, но и с разницей событий в той или иной культуре. Это может значительно исказить восприятие.

Приведу пример. В годы моей учебы в школе мы, анализируя, по-моему, в 8 классе творчество В. Г. Белинского (кстати, учившегося на словесном отделении философского факультета Московского университета), долго разбирали одну из фраз, которая была им выхвачена из философии Гегеля: «Все действительное разумно, а все разумное действительно». Это был один из главных пунктов философских воззрений Белинского. Отсюда он выводил примат действительности над идеей и мечтами и т. д.

Но давайте задумаемся. На Гегеле фактически происходит завершение немецкого идеализма и в каком-то смысле всей классической философии, а в России в это время говорить о философии в таком развитии еще невозможно. И в этом нет ничего страшного. И не надо вслед за Зеньковским вести философию чуть ли не от юродивых времен Ивана Грозного. Культуры разнятся. И важнейшей особенностью русской культуры является то, что множество философских идей содержались здесь в русской литературе, этом действительно мировом явлении.

Неслучайно же, например, Ф. М. Достоевский часто обозначается как один из идейных основателей экзистенциализма.

Культуры разнятся. Они отличны по возрасту, по зависящей от этого доле пассионарных личностей, как отмечал Л. Гумилев. И это важно учитывать всем и всегда.

Например, стоит задуматься о том, что Соединенные Штаты Америки моложе Московского университета. В списке культур – это некий подросток, для которого культура Германии, пожалуй, это уже пожилой человек, культура России – взрослый человек, а культура Китая – это древний человек. Не случайно часто политику США я и характеризую как подростковую. Отсюда и агрессивность, и навязывание всем своего стиля поведения, своих культурных стереотипов. Разве не так ведет себя в жизни подросток? И такое поведение очень отлично от спокойной ныне и взвешенной позиции Китая. История так развивается, что в ней постоянно происходит гибель одних культур и возникновение других. Может быть, США уже не будет, а Китай останется? Отсюда, кстати говоря, вытекает и принцип отношения к другой культуре, основанный на понимании того, что она может быть и является другой.

– А все-таки о философских трендах?

– Когда мы говорим о философских трендах, что там скрывать – не знают нашу философию на Западе! По разным причинам. Но точно так же там очень мало знают Пушкина, который для нашей культуры является вершиной гениальности. Гораздо больше знают, например, Достоевского или Тургенева. А Пушкина не знают.

Этот феномен прекрасно объяснял Ю. М. Лотман в своей концепции диалога культур как пересекающихся смыслов. То есть в разные периоды возникают разные сферы пересечения. Более того, бывают случаи, когда поэт или писатель одной культуры оказывается если не более, то так же популярен в другой культуре, как, например, Гёте или Рильке в русской. Но это особая тема. Так же и с философией.

– Почему не знают русскую философию?

– Существует языковой барьер. Парадоксально, но «Философский пароход» – это страшное событие для русской культуры – имело, как мне кажется, весьма положительное значение для европейской культуры. Это дало импульс для знакомства с русской философией, а кроме того, подспудно изменило, может быть без осознания этого, и саму европейскую философию. По крайней мере, от русских философов такого крупного масштаба нельзя было отмахнуться. Г. Г. Гадамер в одной из встреч с нами (тогда ему было 98 лет) вспоминал о впечатлении, которое на него произвел Ф. Степун, познакомивший одного из основателей герменевтики не только с русской философией, но и с русской литературой. Впечатление было настолько сильное, что когда мы спросили Гадамера, кто является его любимым русским писателем, он несколько нетрадиционно, но мгновенно ответил – Гоголь. Это нас поразило. Ведь философ не знал славянских языков вообще, а перевести Гоголя кажется просто невозможным. Оказалось, что Гоголя ему пересказал как раз Ф. Степун. И, по-видимому, так пересказал, что сделал его любимым писателем немецкого философа.

Поэтому, когда мы спрашиваем немецких философов, кого они знают из русской философии, ответ стандартен: Достоевский и Толстой. Так, например, совсем недавно ответил и Ю. Хабермас, который приезжал на наш факультет читать лекцию.

Есть страны вроде Франции, где традиционно интерес к философии был большой, туда многие уезжали. Поэтому людей из той же плеяды Серебряного века знали достаточно неплохо.

Вторая проблема. Мы очень любим сами к себе относиться уничижительно. Была связь философии советского периода с идеологией. Но ведь это вовсе не означало, что в ней не присутствовала и живая линия философской мысли, в частности в области истории философии, в области философии науки. Что касается последней сферы, то многие философы ее воспринимали как возможность дистанцироваться от идеологии. Достижения в этот период в данной области были весьма интересны и не уступали модным тогда работам Куна или Лакатоса. Иногда,

читая труды сегодня, просто поражаешься этому. Иное дело, что западный философ всегда казался нам раскрепощенным в тексте. Нас всегда приучали: «Ты должен цитировать, ты должен расписаться за каждую цитату» – нам казалось невозможным нарушить эти издательские правила. В результате сама стилистика при издании работы часто заставляла так ее оформлять, что новизна и яркость отходили на второй план. Именно поэтому сам стиль западных философов науки казался нам свободным. Кстати, сегодня мы остро ощущаем дефицит философов, которые знают науки и занимаются ими. Это следствие трактовки философии как чисто гуманитарной дисциплины, что отражается даже в самом реестре дисциплин, например, ВАК. Это надо менять.

Ну и, наконец, финансовые обстоятельства. Для того чтобы тебя знали, ты должен активно выезжать в другие страны и университеты. А у нас государство даже не выделяет бюджетных средств на командировки. Нужен отдельный фонд, обеспечивающий мобильность профессуры. Это вообще должно быть нормой работы профессора или доцента.

Как ни странно, я пойду сейчас против повального перехода на английский язык, мы не должны стесняться своего языка. Если мы хотим, чтобы нас уважали, если мы хотим, чтобы русский язык развивался, мы должны на нем говорить.

– Есть возможность не выступать на английском языке?

– У меня был любопытный случай. Меня пригласили во Францию выступить с двумя лекциями в Сорбонне. Я не знаю французского языка, хотя и учил, но знаю немецкий. Поэтому согласился выступить на немецком языке, а потом думаю: ну а почему, собственно, француз приезжает к нам, читает по-французски, мы ищем переводчика. Почему я должен ехать во Францию и читать на немецком языке? Мы написали письмо, что я буду читать на русском языке и хочу, чтобы меня переводили, предложил с собой привезти переводчика, которому также необходимо оплатить работу. Они достаточно долго

думали, но потом согласились. Я читал в Сорбонне на русском языке.

Но самое любопытное – потом меня пригласили к проректору, и он мне сказал: «То, что Вы сделали, мы теперь приводим в качестве примера, как надо относиться к своему языку».

Наш ректор В. А. Садовничий как-то рассказывал мне, что в 1960-е годы в университет приезжали математики с Запада, которые делали доклады на русском языке. Это не случайно. СССР в области науки был одним из лидеров, и ученые адаптировались к нам, в том числе и прежде всего в языковой сфере. А сегодня русский язык уже перестали иногда делать рабочим языком конференций, а когда делают, то наши коллеги выступают на чужом языке. Эту ситуацию нельзя абсолютизировать, но необходимо понимать и последствия.

Я недавно участвовал в дискуссии совместно с известным филологом (думаю, и философом) Гасаном Гусейновым, и он подтвердил это относительно немецкого языка. Ученые в Германии повально говорят по-английски. В результате незаметно немецкий язык в виде понятий и терминов, отражающих предметный мир науки, исчезает. Ученые уже не могут подобрать соответствующих немецких слов для тех или иных явлений.

К сожалению, в современном образовании господствует тенденция повального перехода на английский язык. В качестве главной причины называют необходимость цитирования. Но нельзя же доводить до абсурда. Если к нам придет англичанин и будет читать на английском языке, – это прекрасно. Пусть аудитория понимает. Но требовать, как сегодня, читать лекции на английском языке от своих преподавателей – это перебор. Ведь каков может быть абсурдный результат? Плохо знающий язык преподаватель будет читать лекции студентам, которые также не очень хорошо знают язык. Не думаю, что это полезно для освоения языка. Проще уж тогда вообще запретить использование родного языка с момента рождения. Поверьте, это будет гораздо эффективнее для будущей проблемы активного цитирования.

– Важно здесь, наверное, и то, что немецкую философию почти невозможно понять без знания языка...

– У нас только что закончилась конференция по Хайдеггеру, там выступали четыре немца. Основной вывод по этой конференции был таков: лучше бы Хайдеггера не переводили. Знаешь немецкий язык – ты его поймешь, не знаешь – не поймешь. Это, конечно, излишне жесткая позиция, ибо философский перевод – это самостоятельная философская работа, но мы должны понимать и ее относительность как особого типа интерпретации. Когда я смотрю философский перевод и не вижу там примечаний, я считаю, что перевод не состоялся.

Помните, после перестройки все начали Библию покупать, думая, что будут ее читать как обычную книгу. Мало кто дочитывал до конца, ибо это не просто книга для чтения. Вон О. М. Фрейденберг целую диссертацию защитила лишь по одному эпизоду Библии – въезд Христа в Иерусалим на осле. Чтобы Библию читать и понимать, ты должен погрузиться в особую смысловую систему.

– А можете пример привести, что такое – трудности перевода в философии?

– Например, я беру текст Хайдеггера, и у меня встречается, допустим, понятие *Raum* – пространство. Но я исхожу из стереотипа, что Хайдеггер сложный философ. Он не мог сказать просто *Raum* – пространство. Я беру Большой немецко-русский словарь, нахожу десятое значение слова *Raum* и перевожу. Ну и представьте, что весь текст мы перевели таким образом.

Поэтому у студентам часто даю такие задания – взять самую простую статью из «Московского комсомольца», словарь Даля и перевести современные понятия слов на 10–15-е значение из словаря. Получится текст, который никто не поймет.

Перевод философской литературы просто ради передачи информации – это бессмысленная вещь. Когда-то Т. И. Ойзерман этот вопрос у нас поднял. Помните, есть такой знаменитый тезис о Фейербахе у Маркса, что «философы различным образом объясняли мир, а наша задача – его изменить»? Парадокс:

у Маркса нет термина «объясняли», у Маркса термин «интерпретировали». Потому что объяснять – это проникать в сущность вещей, а интерпретировать – это иная операция, связанная с приданием другого значения словам. А представляете, как изменился смысл? Понятно, почему это было сделано идеологически: потому что именно «объяснять», «проникать в сущность» надо было показать, а Маркс имел в виду более легкую ситуацию. Философы различным образом *интерпретировали* мир! И таких примеров очень много.

Помните знаменитое стихотворение Гёте «Горные вершины», перевод Лермонтова изумительный? Потом этот перевод поступает в Японию в нашем варианте, потом из Японии в Германию, а потом подстрочный перевод этого перевода у нас. Это выглядит приблизительно так, я своими словами: «Тихо вокруг, я сижу в беседке, над нами летят журавли, я сижу и плачу». Возникает проблема: состоялся перевод или нет? Настроение передали, слова исказили.

А представьте, что к этой горизонтали соседствующих друг с другом культур добавляется вертикальный перевод. Допустим, текста древнеегипетской культуры на современный русский язык или на сленг, чтобы совсем ситуацию довести до предела. Возникает масса таких коллизий.

– Получается, лучше, и правда, не переводить?

– Конечно, философские тексты можно и нужно переводить, но они должны сопровождаться специальным комментарием – очень подробным. Г. Г. Шпет это делал, когда Гегеля переводил. Для каждого хорошего перевода нужен отдельный словарь данного текста. Помните, как говорил Бахтин: мы можем перевести слово одного языка на слова другого языка (поставить в соответствие значение), но мы не можем перевести даже одного предложения. И Ю. М. Лотман отмечал, что живой язык есть код плюс его история. За каждым словом идет история этого слова. Попробуйте перевести американцу анекдоты про Штирлица. Представляете, сколько нужно будет предварительно объяснять, в частности, про то, что именно мы победили

во Второй мировой войне. В этом, кстати, отличие живого языка от формального. В последнем нет истории, поэтому его легко может перевести и машина.

– А что в этой ситуации делать вообще с проблемой научного цитирования?

– То, что цитирование нужно, – это тривиальная вещь. Речь идет об учете цитирования, причем фактически на английском языке. Нельзя ситуацию доводить до абсурда.

Только что немецкие издатели и философы выступили против абсолютизации критерия, по которому научные журналы, если они хотят иметь высокое место в рейтинге, должны фактически издаваться на английском языке. А классические немецкие журналы, посвященные Канту или Гегелю, становятся мало цитируемыми.

Я помню, как в университете мы с трудом пробивали перевод, сделанный Т. И. Бородай, на одну из премий. Нам все время возражали: но ведь это только перевод. Я считаю, и неоднократно вносил эти предложения в ВАК, что переводы гуманитариев надо оценивать как научную публикацию, которая может быть приравнена к статье.

– Менять формальные критерии, думаете?

– Вообще я категорический противник формализма в оценке. Я буквально на днях дискутировал в ВАК и говорил: «Если формально подходить к работам, давайте мы около ВАК веса поставим: докторская – 25 кг, кандидатская – 15 кг». Вторая проблема. В науке есть так называемый нормальный период, когда все друг друга знают, есть устоявшаяся система цитирования, и есть период, когда наука делает скачок, взрыв, как Эйнштейн. Цитировать будут не то, что взрывает, цитировать будут общепризнанное.

– То есть у новых гениев будет плохая цитируемость?

– Сначала да, ведь необходимо признание научного сообщества, иначе это открытие для себя. Должно признать научное

сообщество. Сегодня, конечно, мир изменился коммуникативно, сроки признания сократились, но тем не менее. А кто бы сегодня стал цитировать статью работника патентного бюро Альберта Эйнштейна, который с точки зрения нормальной физики того периода и физикой не занимался?!

Недавно группа ребят-естественников полусерьезно обронула фразу: «Знаете, как легко поднять цитируемость в университете? Закрыть гуманитарные факультеты». И действительно. Это значительно бы повысило цитируемость. Правда, следует при этом понимать, что без гуманитарных факультетов не будет классического университета. Никто не против цитирования, но нельзя это делать одним из главных критериев, что заведомо загонит нашу науку в периферийную зону.

Последнее является серьезной проблемой. Я на эту тему недавно делал доклад на секции РАН. Образование сегодня является существенной сферой борьбы за лидерство в формирующемся транснациональном рынке, ибо может в случае успеха обеспечить стратегические преимущества в будущем обществе, основанном на знании, которое становится реальной производительной силой. Тот, кто останется в роли аутсайдера, сможет участвовать в лучшем случае лишь в процессе поставки «образовательного сырья», как и в случае с природными ресурсами. Соответственно, возникают образовательные зоны, которые активно отграничиваются от локальных особенностей национальных образовательных систем, при внешнем декларировании общих глобальных задач. Модные ныне рейтинги, схемы цитирования, выстраиваемые по американским образцам, как раз и выступают такими ограничивающими барьерами, которые очень трудно преодолеть. Не случайно это вызывает протесты не только у нас в стране, но и во многих других странах.

Знаете, это похоже на то, что мы бы, например, выбрали сегодня в качестве эталона красоты девушек критерии, которые были близки душе Рубенса и отражены в его картинах. Думаю, что многие современные красавицы потерпели бы в конкурсе по таким критериям фиаско.

Последнее, связанное с цитированием: почему мы навязываем это только одной языковой системе? Если смотреть по ЕГЭ, вы знаете, сколько людей сдают другие языки, кроме английского? Счет сотнями идет. А ведь в России была сумасшедшая французская, немецкая языковые школы. Понятно, что это общий глобальный процесс, но мы должны немного сопротивляться, если мы хотим говорить по-русски.

– Какими Вы видите результаты сегодняшних наборов после ЕГЭ? Насколько это видно по Московскому университету? Понятно, что к Вам приходят лучшие, но все-таки...

– Когда я говорю о пороках ЕГЭ, это не критика ребят, которые приходят. Они меньше всего виноваты, у них глаза горят, но они сегодня не знают элементарных вещей. Заведующий кафедрой логики рассказал мне, что студенты в группе с трудом могли вспомнить температуру кипения или замерзания воды.

– Правильно ли говорить, что меняется сам подход к высшему образованию?

– Иммануил Кант – мой любимый философ – разделял философию на школярскую и университетскую. Школярская философия должна присутствовать в школе. Кстати, в Германии это так и есть до сих пор. Изучение такой философии вовсе не значит, что человек, который ее учит, должен стать философом, так же как человек, который в школе занимается рисованием, не обязательно станет художником, а изучающий математику – математиком. Но математика дает определенную дисциплину ума, и не только для самой математики, а философия приобщает нас к человеческой культуре, так же как и литература.

Таким образом, школа и гимназия в немецком варианте была построена на совокупности достаточно разнообразных знаний о мире. А у нас более 10 лет в школе вообще нет астрономии. Казалось бы, такая интересная дисциплина: «Звездное небо над нами, моральный закон внутри нас» – тот же Кант. Ребята

этот пробел чувствуют: старшие классы школы превращаются в систему натаскивания на узкий круг предметов, в которых, как считается, хочет специализироваться ребенок или, точнее, его родители. И поэтому ясно, что если я иду в гуманитарный класс, то мне никакая математика не нужна, а мне нужно обществознание, история, язык.

Школа уходит от системы образования, основанной на знании, и переходит к натаскиванию на поступление, то есть резко ограничивает, особенно в старших классах, необходимость получения разнообразных знаний.

Вторая сторона проблемы. Мне приносят апелляции. Ясное дело, само слово «апелляция» написано с ошибкой – это тривиально, мы уже даже не обращаем на это внимания. Но дальше там в этих шести строчках еще порядка трех-четырёх ошибок. Спрашиваем у человека: «А как у Вас с ЕГЭ?» – «Все нормально с ЕГЭ».

Чтобы быть грамотным человеком, недостаточно выучить грамматику. Человек, особенно собирающийся учиться, должен много читать. А что сегодня происходит с уровнем грамотности? «Щас», «че», «чота» и так далее. Это новый тип ошибки, который связан совершенно с другой системой воспитания. А государство или реформаторы от образования часто не ученика подтягивают под правила, а начинают упрощать орфографию. Во многих странах так было, в Германии в некоторых землях это вызвало сильнейший протест. Некоторые писатели, например, Гюнтер Грасс, отказались работать по новым правилам.

В России натаскивание происходит в большой степени потому, что, кроме Египта, Китая и еще пары стран, ЕГЭ в качестве массового критерия отбора в вузы не применяют. О Германии и не говорю, там в гимназии учатся 13 лет, там сумасшедший отбор, но в гимназии попадают около 30 процентов учеников, которые потом и получают особый документ – абитуру, дающий право на подачу документов в университет. ЕГЭ кардинально меняет школу. Еще лет пять – и все станет очень серьезно.

– Страдают больше всего гуманитарные дисциплины?

– И в математике такие же проблемы. Наш ректор, Виктор Антонович Садовничий, часто рассказывал, что, когда он приехал из сельской школы сдавать математику, у них в школе не было какого-то раздела математики. Он не смог решить задачу, а гениальный преподаватель предложил ему: а Вы можете решить этот класс задач по-другому? И он решил. Согласитесь, это намного более ценно, чем просто автоматическое использование формул. А что было бы при ЕГЭ? Действительно, получается, что мы можем за лозунгами о доступности, которые также не реализуются в реальности, потерять более творческих людей.

– Кстати, а изменилось количество иногородних абитуриентов?

– У нас на факультете 60% иногородних – ничего не изменилось.

– А бакалавриат, магистратура?

– Мы взяли систему подготовки специалиста за пять лет из Германии, где он назывался магистром. Если бы была логика обратная, например, бакалавр два года и четыре года магистр – это была бы более правильная логика. Тогда можно было бы сделать прием в университет на 4-5 структур: технические, гуманитарные, общественные. Люди два года учатся, а потом могут получать более узкую специализацию.

Университету удалось сохранить магистра, мы сохраняем специальность, но вообще-то бакалавриат превращается в пролонгированное школьное образование. Как можно немецкую классику или классические языки изучить за это время? Получается, за 4 года нет специализации, а оставшихся двух лет магистратуры не хватает. Тем более что год из них – это фактически написание работы. Поэтому наша система в этом плане была очень продуманная. Она была связана с научными руководителями, со школами. Я сейчас не говорю, что и у нас были недостатки. Система бакалавриата рассчитана на среднего школьника.

– И тем не менее, Европа живет именно по ней...

– В Европе что происходит? Большие миграционные потоки, надо молодежь с улиц убрать. Самое лучшее средство убрать с улицы – вставить их в образовательную систему. Но тогда не будет хватать денег, поэтому нужно уменьшить финансирование. Для того чтобы уменьшить финансирование, надо отрезать два года магистратуры, сделать четыре года бакалавриата, платную магистратуру. У нас такой серьезной проблемы пока не было.

На сегодняшний день ректору удалось пробить интегрированного магистра – тут есть свои проблемы, непростые.

– Так со всеми специальностями происходит?

– Если вам нужно быть бухгалтером, то что мешает за четыре года стать бухгалтером? Но зачем мы всех равняем? Есть вузы, как и с ЕГЭ, в которые можно взять по росту или по весу, но есть вузы, где кроме роста, веса и прочих достоинств нужны знания.

Зачем же нам чужие стандарты вводить? Знаете, в Европе помидоры все маленькие. Почему? Там сито так устроено, что большие помидоры не попадают, их на переработку убирают. Наши южные помидоры не попали бы, потому что стандарт такой. И для чего нам такой стандарт, спрашивается? Ведь есть два типа интеграции: единство разнообразного и единство тождественного. И единство разнообразного всегда выигрышное, потому что оно дополняет друг друга.

– Говорят часто, что так повышается мобильность...

– Абсурд! Для того чтобы была мобильность, должны быть равные системы образования. Смотрите, в Германии или Финляндии образование в основном бесплатное. У нас оно платное. Представьте, какой стимул должен быть у немца или финна, чтобы приехать к нам учиться в Московский университет, где он порядка 300 тысяч должен заплатить за образование, за общежитие (у нас нет дешевых гостиниц, трехзвездочных, как в Париже). И с какой стати он сюда поедет?

А геополитически какие проигрыши? Китайцы перестают ездить. Зачем же им ездить сюда, если есть программы бесплатного образования в США и Канаде, если они могут поехать в Норвегию?

– Один из аргументов, который приводится в пользу Болонской системы, состоит в том, что человек в юном возрасте не может окончательно выбрать свою специальность. Например, поучится филологом четыре года, а потом поймет, что его призвание – журналистика. Пойдет еще два года поучится. Считается, что магистратура дает какие-то дополнительные возможности.

– Проблема опять касается государственного финансирования. Если государство определяет, что магистратура в любом случае в основном платная, то какая разница? Этот аргумент снимается. Пошел бы после пяти лет на второе высшее, год, в конце концов, не является определяющим.

ЕГЭ как раз дезориентирует студента: раньше выпускники целенаправленно готовились в какой-то конкретный вуз, а теперь подают заявление кругом, только бы пройти. Был случай в МГУ, когда девушка подала заявление одновременно чуть не на все факультеты. Сейчас это право ограничено пятью, но зачем даже пять? В результате разрушается мотивация поступления именно туда, куда хочется и куда есть способности. А сегодня часто мама и папа за ручку ведут на факультет, который им кажется более верным. У нас около 30% абитуриентов одновременно подавали заявление и на юридический. И они ждут, как выстроится рейтинг. У них мотивация отсутствует. Для них философский факультет – это просто запасной вариант, если они не пройдут туда. Парадокс, но в советское время, учитывая близкий уровень зарплаты на выходе в профессию, человек действительно выбирал то, что нравится, по крайней мере, к чему душа лежала. А сегодня – то учебное заведение, в которое он сможет с большей вероятностью поступить. А здесь, конечно, больше котируются факультеты, которые предлагают после их окончания более обеспеченное финансово

трудоустройство. Правда, постепенно мы видим на факультете неплохих студентов, просто сам процесс их образования становится более сложным, ибо у них меньше знаний.

До сих пор не решена связка «армия – вуз», которая дополнительно деформирует систему поступления.

– Должен быть госзаказ в образовании?

– Уверен, что мы не можем ориентироваться только на рынок. Рынок нам скажет: нам нужны экономисты и юристы. Не хотел бы я проснуться в стране, где только юристы и экономисты. Ведь кому-то надо и самолеты создавать, и детей учить. Реформа образования – это системная проблема, здесь все взаимосвязано. Надо понимать, что ориентация на рынок и превращение образования в сферу услуг может дать тактический выигрыш, но огромный стратегический проигрыш, который может повлиять на развитие всей страны.

– Вы говорите о государственном заказе... Есть явный разрыв между образованием и практикой. С одной стороны, Болонская система – это попытка перевести знания в навыки, и, действительно, человек очень часто, приходя на работу, слышит: «Забудьте все, чему вас учили, сейчас мы вас научим по-новому». С другой стороны, очень многие классические дисциплины, здесь и философия, и классическая филология, оказываются малоприменимы к какой-то практической деятельности. Чтобы работать референтом в банке, это совсем не обязательно. Как Вы видите сегодня эту проблему?

– Это серьезная проблема, но ведь она была всегда. Например, принцип построения классического университета настаивал на обратном: он принципиально исключал проблему учета интересов работодателя. Логика была такая: я, как университет, отвечаю за чистоту знания, ориентируюсь на науку и истину, а вот использование знания – это проблема не университета. И государство рисковало, вкладывая деньги в университет и обеспечивая его автономию. Возможно, в каких-то отдельных

сферах это привело к негативным результатам, но в целом, стратегически, давало выигрыш. Такая модель ориентировала на фундаментальные знания задолго до нынешних инновационных призывов. Это было просто нормой университета.

Кстати, совсем недавно во Франции, как Вы помните, именно работодатели пытались так изменить закон найма выпускников, что это позволило бы использовать их два-три года, а затем увольнять. Студенты это мгновенно поняли. Интуиция им помогла, они выступили против возможности работодателей свободно увольнять выпускников. Они берут на работу, а дальше логика строится как? Я взял вас на работу, вы проработали у меня три года, я не хочу в вас вкладывать, переучивать, а беру следующего. Тогда система бакалавра очень удобна – я беру узких специалистов и так далее.

А фундаментальное образование подразумевает что? Производство перестраивается, и я должен вам организовать курсы переподготовки, которые должны вас сориентировать, но для этого нужно вкладывать деньги. А работодателю проще поменять человека. Это классическое проявление законов капитализма, о чем блестяще писал Маркс, труды которого не случайно вновь стали так популярны на Западе. Поверьте мне, что человек с фундаментальным образованием всегда перестроится в рамках переподготовки. Не случайно во время кризиса в США эти курсы переподготовок просто расцвели.

Мы должны понимать, что образование – это системообразующая часть культуры, которая вместе с наукой обеспечивает перспективы развития. Сегодня мы не вложим деньги в науку – завтра проиграем, в том числе и финансово.

– А как с философией?

– Философия, так уж получилось, является обязательной дисциплиной еще с советских времен. И часто это выдвигают в качестве основания, что это отличает нас от Запада. Но и здесь не договаривают. Конкретный пример. В Германии нет обязательной философии в вузах. Но, как я сказал, там есть гимназия, в которой учатся 12-13 лет и в старших классах изучают фило-

софию как отдельный предмет, то есть порядка 2-3 лет каждую неделю. Кроме этого – этику или религию по выбору. А учитывая, что возраст старшеклассников почти точно совпадает с возрастом наших студентов 1-2 курсов, то все встает на свои места. Можно обойтись без философии в вузах, но тогда она в виде упомянутой мною школярской философии должна быть в школе, не так ли? Таким образом, нашим основным работодателем по идее должно быть государство, которое как-то не любит в этом признаваться. Но если мы будем анализировать, сколько людей идет работать преподавателями, это будет очень маленький процент. Как, я думаю, и в других дисциплинах, в той же математике.

Понятно, что очень мало людей идут работать по специальности. И это плохо. Но именно государство и частный бизнес должны вырабатывать стимулирующие схемы притока абитуриентов – за счет системы льготного кредитования, освобождения отличников от процентов за обучение, и именно государство должно определить потребность в бюджетных студентах.

Предыдущий министр образования сказал во время приемной кампании, что мало людей пошли в машиностроительные вузы. Но нужны стимулы! Дайте ссуду человеку, который идет в машиностроительный. Вот Владимир Владимирович Путин очень верно сказал весной, что для тех, кто идет в армию, нужны сертификаты, дающие право поступления в любой вуз. Введите это – и решите частично и проблему армии, и проблему этих людей.

Многие ребята пойдут в армию, потому что для них это единственный путь. В данном случае образование выполняет роль социального лифта, который, кстати говоря, был отработан в советское время.

– Знаете такие примеры?

– Я на себе это испытал. У меня невысокий балл аттестата. Раменки, особый регион проживания, без отца. В общем, средненько учился. Но хотел быть студентом МГУ, который все время был виден из барака, в котором мы жили. Это была мечта.

Я в университет трижды поступал, и у меня все время баллов не хватало, тогда оценки, полученные на экзамене, складывали со средним баллом аттестата. Ну и что? Работал токарем, пошел в армию, отслужил, пришел на рабфак. Вот она система реабилитации, социального лифта. Сегодня я был бы отрезан. Ибо мне пришлось бы сдавать ЕГЭ, а этот экзамен в большей степени рассчитан на школьника. Сегодня я даже близко не подошел бы к МГУ.

– Почему так хотели на философский поступить?

– Я интересовался философией. В восьмом классе Декарта читал на уроках, даже меня выгоняли за это. У меня дядя философом был, не очень известным. Я очень много читал.

Кстати, недавно продлили срок действия ЕГЭ на три года – уже хорошо. Но смотрите: допустим, вы не очень хорошо учились. Передумали, прошло пять лет, вы готовы идти в вуз, а вам надо сдать ЕГЭ. А ЕГЭ, по сути, рассчитан на школьника. У меня есть один студент – ему 51 год. Студент второго курса, недавно с ним общался. Он когда-то у нас учился, а потом не смог восстановиться. И он заново сдал ЕГЭ! Но это уникам, а большинство людей будет отрезано. Плюс у нас фактически закрыли вечерников – а там были мотивированные ребята всегда, у нас огромное количество профессуры закончили вечернее.

– Можете коротко сказать о том, какие сегодня самые радикальные меры нужны для модернизации образования? Если бы министром образования были Вы...

– Необходимо достаточно жестко дифференцировать вузы. Три-четыре-пять ведущих, не больше, а дальше по блокам. И чем выше этот блок, тем больше самостоятельности у вуза. В принципе, это начали делать. Но у нас сразу возникла проблема, что все захотели попасть в какой-то список: ведущий, национальный и пр. И это становится бессмысленным, так как само понятие «элитные вузы» не подразумевает их большое количество.

В зависимости от уровня, на котором располагается вуз, он должен получать полномочия. Например, на высшем уров-

не учебный план, стандарты должны быть полной прерогативой ученого совета университета. Именно ученый совет должен выстраивать систему отбора и пр. А вот на условном нижнем уровне, напротив, может и ЕГЭ для некоторых вузов хватить, а может быть, и вообще без экзаменов записывать. И конечно, должны разниться дипломы.

Почему университет не должен на ряд специальностей ставить свои требования? В той же Европе, на которую мы ссылаемся, на гуманитарных факультетах нет иностранного языка, кроме специальных языковых. Школе верят, и студенты язык знают. А мы пытаемся все вогнать в учебный план, подменяя школу. Все эти проблемы должно обсуждать экспертное сообщество.

– Решают ли финансы действительно все?

– Финансовые вопросы, конечно, все не решают, потому что должны базироваться на достаточно высоком среднем уровне заработка профессуры. Да, должна быть система отбора, но в идеале как? В Сорбонне, например, профессору запрещено работать в других бюджетных организациях, его даже могут лишить звания профессора, насколько я помню. И логика понятна: я тебе плачу много, но ты, будь добр, в свободное время сиди в библиотеке, чтобы повышать свой уровень. С другой стороны, понятно, что вуз может сам зарабатывать.

– А может быть, в этом и выход?

– Если мы поведем вуз на самозарабатывание, понятно, что начнется: начнут открываться юридические факультеты в технических вузах, чтобы больше зарабатывать, начнем мы открывать какие-то специальности, без которых мы бы обошлись, на нашем факультете или другом. Поэтому Вы правы, финансы не решают.

Простой критерий: назовите хоть один коммерческий вуз, который открыл биологический, химический, физический факультет. Думаю, что Вы не назовете ни одного по одной простой причине: они не рентабельны с точки зрения рынка. А какие рентабельны? Те, в которые не надо вкладывать: юридический,

философский назову, чтобы не обидно было, и другие гуманитарные факультеты, где вклад минимальный, а отдача по сумме оплаты за образование большая. Нельзя путать экономизацию образования, которая необходима, с его коммерциализацией. Процесс экономизации образования трактуется как прямая его коммерциализация, когда от образования хотят получить быструю отдачу в виде финансовой прибыли за счет безудержного расширения сектора платного образования. На самом деле, экономизация рассматривает образование как важнейшую часть общего экономического механизма страны не с позиции получения прямой прибыли, а с позиции долгосрочных следствий развития образования, которые впоследствии могут дать несравнимую с прямой коммерциализацией выгоду, основанную на внедрении открытий и инноваций, связанных с достижениями в фундаментальных науках.

И вторая проблема. У нас много говорят о грантовой системе. Она должна, конечно, быть, но нельзя к ней все сводить, потому что грантовая система работает по принципу Остапа Бендера: утром деньги – вечером стулья. А иногда, как известно, наоборот получается. Грантовая система должна быть дополнительной по отношению к прямому бюджетному выделению средств. Может быть, не во всех специальностях, но уж в фундаментальных точно.

– Сегодня очень много говорят о патриотизме, о государственной идеологии. Как ее строить, если должно, и какова роль философов?

– Патриотизм не должен сводиться к лубочным картинкам, сарафанам и иной атрибутике. Идеология или национальная идея не может быть спущена сверху, точнее говоря, спущена – то она может быть, но массы ее могут и не принять. Идеология должна достаточно медленно вызревать в самом народе.

Задача гуманитарных специальностей, не только философов – развивать элементы идеологии, выдвигая ту систему ценностей, которая традиционно нам присуща. А мы сегодня делаем, в том числе и в нашей стране, часто прямо противополож-

ное. Например, в образовании: вместо того чтобы отстаивать наши приоритеты, мы фактически согласились с принципами западного мира, который решает несколько иные проблемы.

Мы погрузились сегодня в единый медийный мешок. Коммуникация из средства обеспечения общения становится сущностью самой коммуникации, заставляя все культуры работать по единым коммуникационным законам. И в результате культуры теряют свою самобытность. Начинают доминировать определенные стереотипы поведения. Спросите шести-семилетних детей, кто такая Баба Яга и кто такой Микки Маус. Вы же понимаете, что вероятность того, что они сегодня не будут знать, кто такая Баба Яга, но будут знать, кто такой Микки Маус, очень высока. И эту систему Микки Маусов, «Макдоналдсов» и так далее я называю вирусом, который проникает в ослабленную часть культуры. Здесь США выступают в качестве культурного донора, который внедряет эти вирусы. Причем для самих США это естественный процесс. Под часто не осознанные цели во многом и создавалось это государство. У меня в одной работе описан процесс трансфекции. Можно клетку изменить изнутри путем включения в нее какого-то биологического кода. Клетка вроде та же, но она начинает постепенно работать по-другому, заставляя иным образом работать весь организм. Куда легче внедряется такой вирус (опять аналогия с организмом)? Туда, где ослаблен иммунитет. И поскольку у нас после разрушения страны, основанной на иной системе ценностей, культурный иммунитет был ослаблен, в эти ослабленные культурные зоны начало врываться чужое и изнутри нас переделывать. Мы даже иногда не осознаем, насколько мы уже стали другими. Нельзя навязывать стереотипы своей культуры. А сегодня идет мощнейшая американизация. И эти вещи надо обсуждать как раз гуманитариям.

– Кстати, у вас икона «Прибавление ума» висит...

– Подарок Патриарха Алексия. Мы еще смеялись, что же он имел в виду, когда дарил. Однажды попытались мой кабинет ограбить, вытащили зарплату мою из сейфа, а все православные

иконы, книги скинули на пол и топтали. Отодрали какие-то блестяшки, но не своровали. Икона валялась на полу...

– Вы взаимодействуете с теологами?

– У нас, например, очень хороший контакт с Духовной академией. Один раз в год мы едем к ним, затем они приезжают. Мы проводим много конференций совместно с духовными структурами, и не только православными. Наши специалисты преподают в Духовной академии и других структурах, являются членами их ученых советов. То есть идет нормальная совместная научная и учебная работа.

– А как вообще прививать патриотизм?

– Человек становится культурным через определенный элемент насилия. Я здесь учился в Раменках в школе. И нас каждую неделю директор водил в театр – в Большой, в Малый – в те годы это было дешево. Мы были страшно недовольны, нам в футбол хотелось поиграть. В результате в тот период мы просмотрели и прослушали всю классику. Это естественный тип приращения, а не демагогические призывы быть патриотом, пить только водку и квас.

– А к исполнению гимна надо приучать?

– Вы обратили внимание, когда появился новый Гимн России, многие ведь относились скептически, да и я тоже. Я все время слышал слова: «Союз нерушимый республик свободных...». Но прошло несколько лет, и мы видим, как его начали постепенно петь. И хорошо, что это происходит естественным путем. Но мне не нравится традиция США почти на армейский манер исполнять всем классом гимн в школе. При нашем сознании, мне кажется, это даст обратный эффект. Но это слишком индивидуально. Культура (и патриотизм как часть ее) воспитывается погружением в продукты этой культуры, через произведения искусства, через архитектуру, через книги. А мы должны направлять ребенка.

– Сейчас активно обсуждается сокращение часов литературы в школе...

– И это при призывах к патриотизму! Но ведь литература – это вообще главное звено, которое воспитывает патриота. Все стихи, которые я знаю на память, – это стихи, которые я выучил в школе. Я потом, конечно, тоже что-то учил, но вообще-то это дала школа.

– У Вас самая живая коммуникация со студентами, аспирантами, все всегда можно найти в Фейсбуке, на факультете. Есть ли от этого отдача?

– Я вижу и плюсы, и минусы. Я отдаю себе отчет, что у меня не хватает иногда эмоциональных усилий сдержаться. Я прекрасно понимаю, что, когда я не сдерживаюсь, тем самым я могу раздуть ситуацию, в том числе и против себя. Но я не могу от этого отказаться, потому что я действительно очень серьезно погружен и в компьютер, в Интернет.

Наше поколение так осваивало компьютер, нам было так интересно, что мы его знаем очень хорошо. А современное поколение молодежи знает его по принципу тыканья. Ткнул, заглянул, загорелось. Они на самом деле хуже знают компьютеры.

Социальная сеть очень обманчива и для неподготовленного сознания создает видимость социализации в форме прямого соучастия. На самом деле степень социализации большинства из них достаточно примитивна. Им все равно. Кто-то идет на Болотную площадь, чтобы протестовать, а кто-то идет поучаствовать, рядом постоять. Понимаете? А в реальности они очень не социализированы.

С другой стороны, в соцсетях есть много пользы, хотя бы информационной. Ко мне часто обращаются студенты, я стараюсь ответить, насколько это возможно. Но одновременно надо иметь в виду, что это отнимает время. Очень много, и иногда думаешь: «А может, лучше книжку написать?».

Владимир Васильевич Миронов

– А не должно быть такого барьера, что декан – это все-таки человек, к которому только по записи на прием, а не вот так просто личное сообщение?

– У меня кабинет всегда открыт, и студенты это знают. Видите, у меня даже кабинет так построен: рассчитано, что все время здесь люди будут сидеть. Конечно, секретарша периодически может что-то блокировать, но в основном я человек доступный.

*Беседовала А. Данилова
Православие и мир, 2012 г.*

ПОЧЕМУ ПРОДОЛЖАЮТ УЕЗЖАТЬ УЧЕНЫЕ?

На общем заседании Российской Академии наук уходящий президент Юрий Осипов выступил с последним обращением, в котором отметил, что академическое сообщество находится в опасности из-за политики Минобра и лично министра образования в отношении РАН. 29 мая состоялись выборы президента Академии, на которые Осипов уже не выдвинул свою кандидатуру.

Заявление комментирует член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ, профессор, председатель экспертного совета ВАК по философии, социологии и культурологии Владимир Миронов.

– Прежде всего, Юрию Сергеевичу Осипову принадлежит большая заслуга в том, что Академия состоялась в том виде, в котором она сейчас существует.

Дело в том, что еще в 1991 году, в связи с распадом страны, фактически работали две академии: Академия наук СССР и формирующаяся Российская академия. В первую в тот период входили крупнейшие ученые страны, имеющие огромный авторитет и в своей стране, и за рубежом. Новая формируемая Академия, конечно, не отвечала такому уровню, но поскольку СССР уже не было, в воздухе «плавало» решение старую Академию закрыть и оставить только новую, соответствующую новой стране.

Более того, в эту Академию часто попадали люди не всегда за выдающиеся заслуги в науке – некоторые просто вписывались в становящуюся политику. Часть из них стали академиками по рекомендации Государственной Думы или что-то вроде этого.

Россия – страна глубоко идеократическая, то есть во многом в буквальном смысле верящая в идеи. Наиболее важной российской идеей выступает идея власти. Монархи или президенты воспринимаются массой населения в патриархальном духе как некие отцы нации, почти в буквальном смысле. Отец родной может похвалить, может наказать, может пожурить – и неважно, прав он или нет и каковой личностью он сам по себе является.

Б. Н. Ельцин был идеальным воплощением такой политической фигуры, он мог сделать буквально все. Подписать указ, который никто не одобрял, или, напротив, не подписать бумаги, прошедшие все экспертные оценки. Он как раз и полагал, что в новой стране должна быть и новая Академия наук. Тогда путем сложнейших переговоров, в которых наверняка участвовал и Ю. С. Осипов, удалось его убедить, что настоящим возрождением Академии станет объединение эти двух Академий. А уж аргумент, что именно Б. Н. Ельцин станет человеком, возродившим эту структуру, думаю, пересилил все остальное. И соответствующий указ был подписан. Ю. С. Осипов и возглавил эту Академию.

Следует признать, что это был сложнейший период существования Академии, которая стояла на грани выживания из-за низкого финансирования, и Юрию Сергеевичу постепенно удалось придать ей достойный вид, несмотря на то что все проблемы, конечно, решить не удалось. Но он сделал главное – сохранил Академию, сохранил ее земли, во многом сохранил ее научный потенциал. Более того, в конце концов, он выстроил диалог с властью, и последняя стала постепенно наращивать, хотя и незначительно, финансирование науки.

Его нынешнее выступление – это не «хлопок дверью», как может показаться, а четкая позиция человека, который осознает свою роль в этом процессе сохранения Академии и который имеет возможность прямо и откровенно еще раз обратиться к власти в лице присутствующих ее представителей и одновременно к членам Академии. И обратился он со словами предупреждения, суть которых сводилась к тому, что Академия была и будет сильна прежде всего своим единством, которое

он и посоветовал сохранять будущему президенту как главное завоевание, предупредив одновременно и об опасности внутренних интриг в такой сложной системе.

В последней части выступление Ю. С. Осипова приобрело просто трагические нотки, но это была не трагедия отчаявшегося человека, а предупреждение о возможном негативном развитии событий. Он отметил, абсолютно справедливо, что против Академии в буквальном смысле развернулась война, которую, к сожалению, подогревают внутренние интриги. Позицию государства по отношению к Академии, прежде всего со стороны Минобра, он совершенно четко обозначил как вариант китайской культурной революции.

Далее последовала совершенно блестящая, я бы сказал, философская мысль, или вывод о том, что Академия (как собрание ученых) не должна исходить из тех или иных политических пристрастий и не должна обслуживать политику. Это с одной стороны.

А далее, я не помню точно, то ли Ю. С. Осипов, то ли так же остро выступавший после него главный ученый секретарь Президиума В. В. Костюк подняли и еще одну проблему. Я о ней последнее время очень много тоже рассуждаю. А именно – отсутствие в стране профессионального экспертного сообщества, в качестве которого как раз и должна бы выступать Академия наук, как это осуществляется во многих странах мира. И еще одна верная и потрясающая мысль: вклад государства в науку не должен трактоваться как некая благотворительность (хочу – дал денег, хочу – нет).

Государство, если оно разумно, обязано выделять деньги на науку, хотя бы в силу обеспечения сохранности и безопасности государства как такового. Конечно, при этом нужна серьезная экспертиза, но нельзя, как это произошло в нашей стране, превращать профессиональное экспертное сообщество в некую кучку назначенных экспертов из Министерства образования и науки и приближенных к ним учреждений. Чиновник, даже очень умный, не сможет проверить эффективность науки, особенно фундаментальной, да еще по системе странных критериев

проверки эффективности, которые ныне выработаны неизвестно кем и реально не обсуждались.

Более того, экспертиза не должна носить государственный характер, как это выстраивается ныне у нас, когда предлагаются некие государственные критерии эффективности науки, образования и даже уже искусства. Это типично бюрократическое построение таких моделей, которые никогда не признают живое развитие, живую жизнь, личностность и т. д. Реально эффективность может проверить лишь научное, образовательное, творческое сообщество, и оно должно это делать, и государство должно это поддерживать.

По большому счету, Академия и есть такого рода сообщество. Именно через Академию, например, а не через министерство должна проходить вся система научной аттестации, образовательная аккредитация и прочее. Более того, Академия никогда не будет делать этого в отрыве от ведущих университетов, ибо они теснейшим образом переплетены. Если, конечно, не считать университетами сотни организаций, которые получили такое название в результате реформы образования. А у нас фактически на государственном уровне чиновники вырабатывают критерии, по которым могут оценить работу ученых.

Наука – весьма тонкая материя. Государство должно понимать, что, вкладывая в науку бюджетные деньги, оно рискует. От каких-то средств будет отдача, от чего-то не будет, какие-то деньги могут пропасть, но тем не менее государство все равно должно вкладывать деньги в науку, потому что это и развитие страны, и оборонные задачи. Поэтому в качестве экспертов могут выступать сами ученые – это правильно. Но тогда критерии будет вырабатывать экспертное сообщество, а не чиновники, которые вдруг сводят, например, одну из оценок эффективности к публикационной активности. Тем самым они «зарубают», например, гуманитарные науки – филологию, философию, историю.

Другое дело, что реформирование, конечно, должно в Академии быть, и оно было во многом при Осипове. Изменилось достаточно многое. Но вообще трудно назвать какую-то систему, которая была бы без ошибок.

– Владимир Васильевич, каких шагов от нового президента ожидает научное сообщество Академии?

– Это очень сложный вопрос. В нашей системе реформ – хоть образования, хоть науки – мы ничего не знаем, потому что в экспертном сообществе это не обсуждается.

Нам, например, навязали ЕГЭ. Сейчас говорят: опять выброс ответов на ЕГЭ, надо, чтобы ФСБ это контролировало. Ведь ЕГЭ когда-то начинался как борьба с коррупцией. Сегодня мы понимаем (а точнее, понимали всегда, в отличие от реформаторов), что ЕГЭ есть всего лишь механизм, и весьма несовершенный, который может работать в относительно малой и равномерной системе. А наша страна отнюдь не малая система, и уж точно неравномерная и по уровню образования, и по уровню требовательности, и даже по уровню коррупции. Проще было уж тогда посадить с каждым преподавателем рядом оперативного сотрудника на экзаменах старого типа. Было бы дешевле.

Как и предсказывалось, ЕГЭ просто трансформировало уровни потоков коррупции, и, кстати говоря, упростило для многих участие в этом процессе, ибо за ним вообще не осталось знания, а лишь технологические ухищрения. Почему я привел этот пример? Потому что, как и сейчас, никакой реальной экспертной оценки последствий не было, а их очень много, от очень простых до чрезвычайно сложных, связанных просто с изменением миграционных потоков в те же крупные города.

С наукой еще сложнее. Чиновник, конечно, может упрекнуть физиков, что они в лаборатории ничего не делают, а только чай пьют. Но он вряд ли способен понять, что всего лишь одно фундаментальное открытие уж чай-то окупит точно. Так же и любая научная работа. В науке есть достаточно быстрые прикладные результаты. Но фундаментальная наука по сути также всегда прикладная, просто общество часто годами и даже столетиями дорастает до осознания прикладного значения научных открытий.

Сегодня стала модной система грантов. Гранты нужны на развитие технологий, гранты нужны ученым, но при этом государство не может отказываться от мощного финансирования.

Правда, надо сказать, что последние годы деньги на науку все-таки выделяются, и мне представляется, что как раз президент страны прекрасно понимает роль науки и роль научного сообщества. Но у него и другие задачи, например, проблемы развития того же образования. В выступлении звучала мягкая критика перераспределения денег в пользу университетов. И это верно, если деньги размазываются по организациям, которые не готовы к научной работе, в университеты, в которых просто объективно нет ученых. Я прекрасно понимаю, что есть, наверное, не более 5 университетов в стране, которые способны участвовать в научных исследованиях. Именно в них, включая МГУ, связь с Академией теснейшая. Не случайно доклад Ю. С. Осипова завершался слайдом, на котором мы видели здание МГУ.

– Можно ли говорить о существовании некоего лобби у ученого сообщества в органах законодательной или исполнительной власти, подобно тому, которое существует у многих отраслей бизнеса?

– Если кто-то лоббирует в той же Думе развитие науки, опираясь при этом на мнение действительных экспертов, – это прекрасно. А если такая деятельность заключается лишь в том, чтобы получать дивиденды с самого процесса лоббирования, то это источник коррупции. Думаю, что в Думе должны были бы пролоббировать, например, проблему повышения зарплаты научным сотрудникам, которая чрезвычайно низкая сегодня. Думаю, что кто-то когда-то пролоббировал вопрос о том, чтобы трактовать университеты (даже МГУ) как чисто образовательные структуры.

Это позволило не выделять туда деньги на науку. И это в условиях постоянных разговоров об инновациях. Мое мнение – что лучшей моделью инновационного университета является именно классический университет. Именно в нем профессор, читающий лекции, является ученым, который должен иметь возможность заниматься наукой на хорошем оборудовании и в соответствующих лабораториях; а ученый, работающий в лаборатории, всегда выступает как профессор, излагая свои

открытия студентам. Разве не в этом миссия классического университета? Разве не рисковало государство, предоставляя классическим университетам автономию, выделяя деньги?

Назовите хоть один случай, когда это привело к плохим результатам. Государство в классической модели доверяет ученым, в том числе и в организации внутренней структуры университета, и не должно навязывать искусственные модели. Но классических университетов не должно быть много. Это не реализация идей массового образования. Настоящие университеты всегда элитарны, не потому, что недоступны, а потому, что ведут отбор талантливых людей и, уж конечно, не сводят такой отбор к результатам ЕГЭ. Справедливости ради следует отметить, что, в том числе благодаря позиции В. А. Садовниченко, Московский университет, по крайней мере, по отзывам многих ученых, сегодня оснащен очень неплохо новейшим оборудованием. Более того, в наши лаборатории начинают приезжать ученые из западных стран.

Почему продолжают уезжать наши молодые ученые? Думаю, что для них даже зарплата не является здесь решающим фактором, но, особенно для Москвы, главным является проблема отсутствия достойного, без излишков, и не очень дорого жилья. Хотя зарплата и научных сотрудников, и младшего состава преподавателей остается весьма низкой. Посмотрите в метро. Ученик машиниста – 30 тысяч в месяц, а машинист – 60 тысяч. Важная профессия, безусловно. Но у нас в ряде вузов доцент получает порядка 12 тыс. – и это в Москве! А ведь он пять лет учился в вузе, затем три года аспирантуры, затем 3–5 лет писал диссертацию. То есть 12–15 лет он объективно просто не мог зарабатывать, если честно относился к своей учебе и научной работе. Хотя бы в качестве компенсации, так сказать, «за утраченные возможности», он мог бы получать достойную зарплату?! Кстати, в Китае государство активно участвует в этом процессе поддержания достаточно высокой зарплаты, особенно в ведущих вузах страны.

Думаю, что выступление Юрия Сергеевича – в том числе, а может быть, и прежде всего – было адресовано президенту

Владимир Васильевич Миронов

страны, которого он знает и, наверное, на поддержку которого надеется. И в идеократическом обществе, которым мы пока и остаемся, нравится нам или нет, такой прямой посыл, может быть, является наиболее эффективным.

*Беседовал А. Левченко
Православие и мир, 2013 г.*

КАК НУЖНО РЕФОРМИРОВАТЬ АКАДЕМИЮ НАУК?

Премьер-министр России Дмитрий Медведев 27 июня заявил о проведении в ближайшее время реформы РАН и других государственных академий наук. В частности, предполагается вхождение в состав обновленной РАН Сельскохозяйственной и Медицинской академий, введение трехлетнего моратория на избрание новых академиков РАН, упразднение звания член-корреспондентов, создание спецгентства для управления имуществом РАН.

Комментирует член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ, профессор Владимир Миронов:

– Сегодня я был на совещании ВАК, где присутствовало огромное количество академиков. И заседание, посвященное совсем другим вопросам, едва не превратилось в обсуждение реформы, которая оказалась в центре внимания.

Большинство из присутствующих узнали о грядущей реформе за полчаса до начала заседания. Один академик из Петербурга сказал, что только что был в Академии и там никто ничего об этом не знает. Другой человек, из Президиума РАН, не буду называть его фамилию, сегодня сказал, что решение было принято ночью. Известный наш лингвист, академик Н. Н. Казанский, в своем выступлении иронично заметил, что, может быть, наша страна дошла до того времени, когда решения можно принимать после предварительного обсуждения и не обязательно ночью, а лучше при дневном свете.

Действительно, принимается фактически фундаментальное изменение, а в его обсуждении никто из самой Академии не участвует. Это само по себе факт определенного неуважения

к нашим ученым и науке. Тут, собственно, и обсуждать нечего, так как надо читать сам документ.

Происходит объединение нескольких академий в одну, которая превращается в общественно-государственную организацию. Сразу встает вопрос, какое из понятий здесь центральное – «общественная» или «государственная», или, иначе, – вопрос об автономности Академии.

В качестве сладкой пилюли говорится о том, что Академия будет сама избирать президента. Но фактически так было всегда. Правда, его утверждал глава государства, что резко повышало статус Академии. Однако таким образом понимаемая автономия плохо сочетается с другим решением, а именно с тем, что фактически Академия не сможет самостоятельно управлять имуществом и собственным хозяйством.

Причем говорится об этом как о благе, избавляющем ученых от рутинной работы и дающем им возможность заниматься наукой. Для этого создается специальное агентство научных институтов РАН, которое, обратите внимание, будет напрямую подчиняться председателю правительства. Вот вам и ответ по поводу автономии. Естественно, это приведет к сокращению институтов, площадей и пр.

Объявляется мораторий на избрание новых членов. Эта мера могла бы считаться нормальной, если идут изменения, если бы она была хотя бы обсуждена по срокам и формам с самой Академией, а так Академии просто предписывают поступать следующим образом, что заставляет задуматься: а что ей предпишут делать завтра?

Упраздняются звания членов-корреспондентов и остаются лишь академики, да еще с повышенной зарплатой. Это мне комментировать не очень корректно, ибо я сам являюсь пока членом-корреспондентом. Исторически член-корреспондент назывался просто корреспондентом, то есть ученым, который внес вклад в науку, но не проходит полностью по всем критериям в Академию, например, не знает латыни. По последнему критерию у нас вообще академиков мало. В советское время было введено звание члена-корреспондента. Наверное, такое

решение правомерно, но тогда требует упорядочивания всей процедуры избрания. Опять же – и это решение должно было бы обсуждаться с коллективами Академии.

Таким образом, мне очень трудно дать полную оценку. Я не видел документа, я не участвовал, как и все мои коллеги из Академии, в его обсуждении. Такие серьезные решения, тем более относительно сложных систем, как мне представляется, должны приниматься несколько иным, если хотите – более научным образом.

Законопроект еще будут обсуждать в Думе. Не знаю, как пойдет обсуждение, но практика последних лет показывает, что в Думе утверждается все, что выносится на обсуждение.

*Беседовал А. Левченко
Православие и мир, 2013 г.*

ПРОТЕСТЫ НЕ ДАЮТ ПОЛНОСТЬЮ ПРОИГНОРИРОВАТЬ МНЕНИЕ УЧЕНЫХ В РЕФОРМЕ РАН

Госдума возвратила законопроект о реформе РАН во второе чтение и рассмотрит его 18 сентября, изучив внесенные поправки. Во время обсуждения вопроса в парламенте под его стенами проходил митинг ученых против реформы.

Ученые протестуют с момента объявления о реформе. Помогли ли протесты? Какие требования выдвигают представители научного сообщества? Чем грозит подчинение науки чиновникам?

Комментирует член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ, профессор Владимир Миронов:

– Насколько я понимаю, как раз под давлением этих протестов Дума сегодня и приняла решение. Если бы протестов не было, то просто прошел бы первый вариант. Но, в то же время, радоваться рано. Вообще, характер обсуждения этого закона вскрывает пороки самой процедуры обсуждения, которая сейчас сформировалась в стране. Дума выступает, прежде всего, как структура, утверждающая решения (достаточно проанализировать количество практически единогласных решений), часто просто не опирающаяся на мнения экспертов. Кстати, по многим вопросам экспертные функции могла бы выполнять именно Академия наук, которая создавалась в свое время в том числе и для выполнения этих целей. Ведь в РАН, включая, естественно, коллективы институтов, сконцентрированы ученые, которые, по существу, и могут представлять реальное экспертное сообщество, способное провести научный анализ и дать научные реко-

мендации. Однако в последние годы это экспертное сообщество отодвинуто в сторону при принятии многих решений.

Обсуждение закона проходит без ученых

Но вернемся к закону. На сентябрьском общем собрании РАН Владимир Фортов после разговора с президентом отметил, что достигнуто согласие по принципиальным вопросам, кроме одного или двух пунктов. Он специально сделал акцент, что, хотя управляющее имуществом РАН агентство предусмотрено законом, его будет возглавлять именно президент РАН. Это несколько нивелировало ситуацию, так как понятно, что в центре затеянной реформы идет борьба именно за имущество, которым обладает Академия. Ждали принятия решения о возврате закона во второе чтение. На этой стадии давление общественности было просто необходимо, и здесь большую роль сыграли академические институты, причем в лице не столько самих академиков, сколько молодых ученых.

Однако уже при передаче документов начались всякого рода интриги. Мы же находимся при обсуждении данного закона в информационном вакууме и обсуждаем не столько текст, которого большинство не видело, сколько сбрасываемую, часто вторичную и непроверенную информацию. Это тоже очень странно, но, повторяю, это и есть признак игнорирования мнения экспертного сообщества. В то же время, опираясь на отдельные интервью министра образования и науки, высказывания ряда депутатов, информацию в прессе, можно было сделать вывод, что не все договоренности будут соблюдены. Появилась информация, что документы просто где-то потерялись, что поправки не будут приняты.

Сегодня, по информации, которая имеется на вечер 17 сентября (мы уже отсчитываем даже не по дням, а по часам ход событий), все-таки предложения Академии были приняты Думой, рассмотрение законопроекта отложено на второе чтение. На заседании Думы звучали и предложения вообще отменить

этот законопроект. Но далее должен был включиться профильный комитет, которому было поручено доработать законопроект. И здесь вновь начались информационные выбросы самого разного рода. Сам характер этих выбросов и противоречивость информации не столько успокаивает общественное мнение, сколько стимулирует необходимость постоянного общественного продавливания ситуации. Такое ощущение, что кто-то проверяет академическое сообщество на чувство ответственности и солидарности. Трудно предсказать, но во втором чтении, я думаю, будут рассматривать как раз предложения Академии наук. И я думаю, что постоянное общественное давление в этой ситуации, может быть, именно в такой форме – очень важно. Оно как бы предупреждает, что могут быть и другого рода выступления, если Дума не будет считаться с учеными.

Таким образом, мы фактически исходим из двух блоков информации. Один официальный, и он простой – будет второе чтение. А вот второй блок после рассмотрения поправок профильным комитетом размыт и нам до конца не известен, так как все обсуждение происходит в закрытом для общественности режиме. Поэтому и исходим из отрывочной информации, которую выбрасывают массмедиа. Если ее сгруппировать, то получается следующее. Обсуждается вопрос о внесении некоего положения о невмешательстве в дела Академии. Такая информация прошла со стороны чиновников. То есть, может быть, Академия получит в этой ситуации статус более свободный. Вполне вероятно, что она не будет подчиняться Министерству науки и образования. По-видимому, РАН будет подчиняться непосредственно правительству. Где-то говорится, что должность президента РАН будет обязательно согласовываться с президентом страны. Если это будет принято, то это чрезвычайно важно. Но одновременно неясно, будут ли в будущем сохранены выборы как важнейший принцип Академии, которые существовали даже в самые жесткие времена. Дабы мы не успокаивались, одновременно проходит информация, что это не будет касаться институтов, которыми как раз и будет управлять вновь создаваемое агентство. Говорится о том, что были договоренности, что Фортов будет

сочетать должности президента Академии и руководителя данной структуры по управлению имуществом. Это, конечно, смягчает ситуацию, но, во-первых, такая мера может носить временный характер, а во-вторых, понятно, что в такой конструкции президент Академии просто не в силах управлять всем имуществом и теми эффективными менеджерами, которые придут к нему «на помощь».

Однако такое совмещение функций в одном лице не очень удачно и вряд ли оно пройдет второе чтение. Вроде бы (именно с этих или подобных слов мы все время начинаем обсуждения ныне) региональные отделения будут иметь юридическую самостоятельность и статус юридических лиц. Это одно из важнейших условий, на котором настаивала Академия. Но также есть сведения о том, что научные центры РАН не будут иметь такого статуса, что фактически приведет к их ликвидации. Появляется информация, что на самом деле поправки будут носить общий характер, а все будут определять некие отдельные указы президента страны. Короче, как пел В. Высоцкий: «Словно мухи, тут и там бродят слухи по домам, а беззубые старухи их разносят по углам». Правда, функции беззубых старух стали выполнять социальные сети, стремящиеся поддерживать наш тонус. Таким образом, при всех обсуждениях в тени остается главная проблема, под соусом которой подавалась вся реформа, а именно: повышение качества научной работы, сопряженное с повышением качества условий существования науки в России в целом и существования людей, занимающихся наукой.

Наука или «эффективный менеджмент»?

Чем грозит неприятие требований, предлагаемых со стороны РАН? Что касается управления недвижимостью, то вопрос сложный. Понятно, что недвижимостью должны управлять специалисты. Но если во главе этого направления будет стоять менеджер, то, поверьте, он подчинит всю систему имущества интересам самого менеджмента. То есть в приоритете будут

не научные цели, а цели зарабатывания денег с помощью имущества и земель. Все это уже проходили в стране в 1990-е годы. Вообще идеология, что менеджмент может решить все проблемы, весьма опасна. Она порождает убеждение, что хороший менеджер может управлять чем угодно. Сегодня фабрикой, завтра образованием, послезавтра наукой.

Лет десять назад один из замминистров образования, не хочу называть его фамилию, говорил: «Я управлял конструкторскими бюро с точки зрения менеджмента и много сократил, а теперь я в министерстве работаю – и буду делать то же в высшем образовании». Под руководством менеджера содержание образовательного и научного процесса может отойти в сторону. А поскольку во главе менеджмента часто будут оказываться люди, не имеющие отношения к науке, то их представления, например, о научной эффективности будут весьма странными. Это может породить лавину отчетностей и приспособление людей, которые, имитируя научную деятельность, на самом деле должны вовремя подать соответствующий отчет.

Серьезный ученый, занимающийся фундаментальной проблемой, просто опускает руки перед этой горой бумаг, ибо они отнимают время как раз от занятия наукой или образованием. Конечно, существуют и относительно оперативные научные задачи, но и они более эффективно решаются на базе предварительных фундаментальных разработок. Более того, именно развитие фундаментальной науки позволяет решать стратегические задачи, в том числе и государства, а не предлагать внешне выгрышные, сиюминутные решения. И это касается всего, от задач безопасности страны до решения экономических проблем, того же обсуждаемого сейчас пенсионного обеспечения.

Конечно, управлять наукой можно и необходимо, но здесь должно быть сочетание ученого, прежде всего генерирующего идеи, и менеджера, который проводит именно эти идеи ученого в жизнь, а не выстраивает схему «подгонки» научной деятельности под решение сиюминутных задач. Здесь истина где-то посередине. Либо это ученый, который одновременно является талантливым менеджером, – такое бывает достаточно редко,

либо менеджер, который сопровождает и помогает осуществлять научную деятельность, работающий в тесном контакте с ученым и не имеющий права решающего голоса. Задача менеджмента в науке и образовании – создать условия и организовать комфортную работу ученых и профессоров, в результате которой они будут давать научные результаты. Кстати, в образовании даже на структурном уровне просто нет соответствующих ставок под менеджмент. И профессорско-преподавательский состав должен сам, не всегда удачно, эти функции выполнять.

Невмешательство государства – это доверие к ученым

Говоря о практике невмешательства в научную работу РАН, необходимо понимать, что государство должно доверять ученым и финансировать науку даже в условиях осознания, что здесь всегда присутствует определенный риск неэффективного использования средств. Но этот риск и потери от имеющейся неэффективности компенсируются тем, что фундаментальное открытие всегда с лихвой покрывает затраты. Не случайно, например, модель классического университета строилась на условиях того, что государство, обеспечивая финансирование, доверяло ученым, которые занимались наукой и одновременно вели преподавание. Более того, университет был автономен и свободен как в выборе научных исследований, так и в преподавательской деятельности. Эффект от такой свободы и доверия всегда превосходил потери. Сама история об этом говорит. Ученые – люди, которые так или иначе занимаются истиной. Трудно представить, что они займутся отмыванием денег или будут повально коррумпированными. Я думаю, что это не та часть общества, которая на это способна, и особенно если условия их существования относительно комфортны. Ибо даже комфортность для ученого – это прежде всего условия, позволяющие ему заниматься наукой или образованием. Поэтому обвинять ученых, выставляя на свет нарушения отдельных людей, наивно и глупо, ибо нару-

шения будут всегда, так как они порождены внутренней сущностью, конкретной личностью, социальными условиями и самой системой.

Для того чтобы оправдать реформу, начинают говорить об отстранении кого-то от работы в Академии, снимают провокационные фильмы. А ведь все это – мера воздействия не столько на само научное сообщество, сколько на массовое сознание, дабы привлечь массы на сторону реформаторов. И это, конечно, небезобидное явление, разрушающее в глазах людей само представление о сущности науки и на самом деле толкающее недобросовестную часть общества, в том числе, использовать науку как средство наживы, что в современных условиях, конечно, возможно: от нецелевой сдачи в аренду помещений до фальсификации научных данных. Но с экономическими преступлениями необходимо бороться прежде всего экономическими методами и созданием соответствующих условий их недопустимости. Вон в Китае за коррупцию расстреливают, а страна является одной из самых коррумпированных в мире.

Государство всегда контролировало научные структуры, потому что оно выделяет бюджетные деньги. Государство всегда ставило перед нашей Академией задачи, которые должны были решать именно ученые, связанные как с развитием страны, так и с проблемой безопасности. Понятно, что решить это без науки нельзя. И перечень такого рода задач, которые были решены благодаря ученым, огромен. Конечно, как любая система, Академия должна развиваться, но не чиновники, а именно сами ученые, в том числе и из числа академических структур, должны предлагать пути такого развития. При этом необходимо понимать и роль гуманитарного сообщества в этом процессе, хотя бы для создания системы гуманитарной экспертизы предлагаемых решений, а не перевода всего в плоскость подсчета публикационной активности, которая предписывает фактически отказаться от русского языка, ставшего помехой этому. Эта схема также навязывается чиновниками от науки и образования и никак не обсуждается ни в Академии, ни в университетах. За последние годы сформировалась удобная для обеих сторон схема. Госу-

дарство дает не слишком много денег на науку (по отношению к развитым странам) и не вмешивается в дела ученых. Ученые относительно свободны, но реализация их научных устремлений в этих условиях затруднена. То есть исследовательская свобода на самом деле ограничена. Более того, Академия перестает выполнять экспертные функции, от чего проигрывает в том числе и государство. Безусловно, такую схему надо менять, и это понимают прежде всего сами ученые, которые вполне способны предложить и пути реформирования Академии, к которым государство должно было бы прислушаться.

*Беседовал А. Левченко
Православие и мир, 2013 г.*

ОБРАЗОВАНИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ КОНСЕРВАТИВНЫМ

Одним из актуальных вопросов политической повестки дня становится тема реформы образования и, в частности, перспектива сокращения числа вузов страны. Критерии «прогресса» вдруг снова стали зыбкими: вроде бы высокое число студентов среди российской молодежи – это значительный шаг по пути «прогресса», но, с другой стороны, не является ли сам «прогресс», с точки зрения новейшего либерального сознания, явлением отсталым и вместе с тем дорогостоящим? Можем ли мы позволить себе – с нашей односторонне-сырьевой экономикой – быть «прогрессивными» хотя бы в одной области – в области массового высшего образования? Об этом мы поговорили с деканом философского факультета Владимиром Мироновым.

– Владимир Васильевич, у нас на сайте состоялась дискуссия о прогрессе. На Ваш взгляд, что является прогрессивным? Не меняется ли слишком часто понимание прогресса в сфере образования? Еще недавно все преобразования, которые происходили в нашей стране, связанные с адаптацией к мировым стандартам, считались прогрессивными. Сегодня многие из них воспринимаются как одна из главных ошибок правительства. Возникает вопрос: что считать прогрессивным, а что – реакционным? Есть ли в образовании устойчивые критерии прогрессивности, на которые следует опираться?

– Прежде всего, несколько слов о самом понятии «прогресс». У нас с ним обращаются слишком вольно и использу-

ют чаще всего интуитивно. На самом деле «прогрессивный» – это скорее оценочное суждение. Использование данного понятия в объективном смысле затруднительно, так как требует выявления критериев данного типа развития, причем критериев, которые могут значительно отличаться, в зависимости от типа системы. Например, природа безотносительна к оценке ее развития как «прогрессивной» или «регрессивной». Она безразлична к тем понятиям, с помощью которых ее описывает человек. Она просто есть как факт бытия. Соответственно, широкое использование данного понятия просто бессмысленно, ибо оно всегда будет либо слишком общим и ничего не объясняющим, либо, напротив, слишком узким и работающим в рамках выделенной предметной области.

Применительно к обществу ситуация осложняется еще и тем, что различные попытки определения социального прогресса локализируются не только самой сферой исследования, но и теми теоретическими моделями, из которых исходят при описании общества. Кроме того, человек склонен абсолютизировать форму своей бытийной реализации, забывая при этом, что, хотя он и является со своей человеческой точки зрения частью особого социального мира, последняя тем не менее – лишь одна из структур бытия, мира, природы. Поэтому прогресс той или иной социальной системы осуществляется в рамках природных законов, подчиняется им, и любые построения критериев прогресса могут быть мгновенно опровергнутыми даже чисто природными факторами. Налицо типичная трагическая ситуация, перед которой всегда стоит человек и на которую обращал внимание еще И. Кант.

Смысл понятия прогресса, в его наиболее общей форме как развития от низшего к высшему, можно усмотреть, пожалуй, в том, что он представляет особую ценностно-мировоззренческую установку, позволяющую человеку, осмысливающему те или иные процессы в природе и обществе, осознавать себя, перспективы своего развития и развития человечества в целом. Человек наполняет общее определение прогресса новым содержанием в зависимости от той социокультурной ситуации, в которой

он оказался. Использование этого понятия придает жизни человека оптимистичный и целенаправленный характер.

Прогресс в образовании, таким образом, может определяться теми задачами, которые образование выполняет применительно к обществу в целом и относительно свободного развития индивида. В этом заложено изначальное противоречие, ибо не всегда и не во всем индивидуальные траектории развития совпадают с приоритетными задачами общества и государства на той или иной стадии их развития. Например, в рамках советского государства была развита система математических школ, и она была блестящей, но понятно, что она прежде всего отвечала задачам науки и государства. А конкретному человеку, например не имеющему математических способностей и погруженному в эту систему, она могла испортить жизнь.

С другой стороны, в наше время абсолютизация выбора индивидуальных траекторий в образовании приводит к тому, что фундаментальное образование несет потери, ибо молодые люди выбирают преимущественно специальности юридического или экономического профиля. Поэтому образование – дело государственное, которое должно базироваться на предоставлении индивидуального выбора, но одновременно и на стимулировании выбора индивидами той сферы, которая необходима государству. Именно поэтому образование и не может выступать как сфера услуг, чего часто не понимают реформаторы.

В этом смысле модель классического университета мне и сегодня представляется более предпочтительной, чем модели современных инновационных университетов. Последние дают преимущество на современной стадии развития науки, но могут проиграть стратегически, так как в меньшей степени основаны на фундаментальной науке. А настоящие инновации в конечном счете обеспечиваются фундаментальными открытиями, и они не сводятся лишь к прикладным исследованиям, использующим эти открытия. Кстати говоря, для классической университетской модели характерно и особое взаимоотношение с государством. Государство, согласно этой модели, доверяет корпорации ученых. Оно предоставляет деньги, ожидая от науки результатов,

в общем-то достаточно серьезно рискуя, ибо никто не может этих результатов гарантировать. Государство в основном не ошибалось, доверяя ученым, ибо фундаментальная наука как раз и развивалась таким образом. Более того, государство предоставляло университету автономию, делая его творческий труд наиболее свободным и независимым.

В современной модели университета часто работает грантовая система, нацеленная на достаточно быстрый результат. И чтобы «освоить» данный грант, более затребованными становятся не столько фундаментальные научные проблемы, сколько оперативная реализация того, что уже было наработано в науке. Представляется, что грантовая система должна реализовываться скорее как дополнительная помощь и стимул для ученых, помогающая им заниматься наукой. Результаты фундаментальной науки носят долгосрочный характер, и их применимость, а уж тем более оценка эффективности, часто осознается лишь через много лет.

Кстати говоря, именно с этим связана и трактовка образования как сферы образовательных услуг. Рассуждают таким образом: если это сфера услуг, то доминирует заказчик, то есть тот, кто платит. В классической модели таким общим заказчиком выступало общество в целом или государство, а сегодня это индивид и семья. Естественно, что в такой ситуации сразу возникает модель платного образования как доминирующего, причем общественному сознанию в нашей стране навязывается идея, что это и есть основная мировая тенденция. Совсем недавно, будучи еще министром образования и науки, А. А. Фурсенко утверждал (говорю по памяти), что если в 2011 году количество бюджетных студентов еще превышало количество платных приблизительно вдвое, то к 2015 году эти показатели должны выровняться, то есть количество платных студентов будет приблизительно равно бюджетным. Нетрудно предположить, какие специальности при этом будут доминировать.

А ведь в большинстве развитых стран мира образование либо бесплатное, либо платное, но достаточно недорогое, либо дорогое платное, но с развитой системой выгодных и долго-

срочных кредитов, что в нашей системе отсутствует. У нас на факультете только что был посол Германии Ульрих Бранденбург, который рассказал, что сейчас в Германии остались лишь две земли, в которых есть платное высшее образование, а остальные, которые сначала решили на него переходить, от этого отказались. Надо учесть, что при доминировании бесплатного образования и платное образование в Германии не требовало больших финансовых затрат, обычно – не более 500 евро в семестр. Более того, в Германии существует ограничение на использование частного капитала в университете, ибо считается, что это может поставить его в финансовую зависимость. И это очень любопытно. Свобода университета связывается с государством, а не капиталом.

Возвращаясь к прогрессу в образовании, можно сделать, наверное, не очень популярный вывод. Образование должно быть консервативным. Я не придаю этому политического смысла, хотя он тоже имеет право на существование. Это консерватизм, который я обозначаю как университетский. В нем доминирует иерархическая система «профессор – студент», которая, конечно, может быть достаточно гибкой и которая основана прежде всего на системе фундаментальных знаний, осваиваемых студентом, независимо от жизненных обстоятельств, социальных пристрастий и прочего.

Такое образование неизбежно вступает в противоречие, особенно с частными работодателями, ибо последним фундаментальная наука часто вообще не нужна. И если уж работодатель вкладывает деньги, то всегда имеет в виду рентабельность данного вклада. А фундаментальное образование – дорогое, и оно не сулит быстрого результата. Всегда выгоднее вложить деньги в такое обучение, которое, во-первых, само по себе дает прибыль, отвечая на запросы рынка, а во-вторых, готовит специалистов, которые решают прежде всего сиюминутные проблемы. Отсюда мода на технологов различного рода, включая политических.

Прогресс в образовании носит постепенный, эволюционный характер. Он представляет скорее умение профессоров

и преподавателей осваивать новые технологии, которые могут быть использованы в образовательном процессе. Новейшие технологии развиваются таким образом, что их использование становится все проще. Но часто это не способствует повышению эффективности, а уж тем более – глубине проникновения в сущность исследуемого объекта. Мы становимся свидетелями ситуации, когда молодые студенты выступают как простые и достаточно примитивные потребители технологических возможностей, как люди, способные нажимать нужные кнопки. А современная коммуникационная система выбрасывает ответы на это нажатие, которые часто воспринимаются даже без их простого обдумывания.

И это действительная проблема с обеих сторон образовательного процесса, связанная с потерей необходимой доли критичности к получаемым результатам со стороны студента и неумением преподавателя дать реальную модель использования новых технологий, которые могут этому способствовать.

Не думаю, что американская модель приемлема для нашей культуры. Американское образование очень разнородно. Иногда мы не можем приезжающих к нам из США бакалавров зачислить даже на первый курс, настолько существенной бывает разница в количестве предметов. В США – огромная дифференциация вузов, от высочайшего мирового уровня до массы очень слабых учебных заведений. Здесь доминирующей ступенью образования выступает докторантура (или, по-нашему, аспирантура). И вот здесь американцам удалось добиться очень многого. Это и высокая стипендия, и отбор будущих ученых со всего мира (то есть экономия на затратах на предшествующее образование). И этот отбор, безусловно, дает и высокие результаты в науке.

– Раньше критерием прогресса в образовании было соответствие общемировому, европейскому уровню. Сегодня складывается такое впечатление, что этим критерием является выживаемость в условиях кризиса. Так ли это?

– Надо понимать, что обычно, когда мы говорим о кризисе, то неизбежно приносим в этот разговор эмоциональную

составляющую. Понятие кризиса часто становится оценочной характеристикой в виде некоей «пугалки» населения, что особенно любят использовать политики в целях манипулирования сознанием. Сам по себе любой кризис не представляет чего-то негативного. Это составная часть развития любой системы, от биологических до управленческих и социальных. Более того, в ряде случаев кризис, а точнее его преодоление, становится условием оптимизации, «выздоровления». Мы должны это понимать, а не нагнетать использованием данного понятия некую истерию.

Так и в образовании, которое является частью общей системы и, конечно, сталкивается с проблемами, которые она в целом переживает ныне. Однако парадокс: мы говорим, например, о кризисе качества образования в нашей стране, но наши специалисты часто прекрасно устраиваются за рубежом в лучших университетах мира. Конечно, это не очень хорошо, что они не могут остаться в своей стране, кстати говоря, по самым разным обстоятельствам, но тем не менее это одновременно говорит о востребованности качества нашего образования. Посмотрите, какие мощнейшие квоты открывает в последние два года Германия для наших специалистов. Безусловно, это отбор нужных людей, и вряд ли сюда попадают гуманитарии, но тем не менее...

Или другая проблема. Мы говорим о кризисе в образовании, и одновременно наша страна входит в тройку стран, в которых огромное количество выпускников школ поступают в вузы. По разным оценкам, до 86% школьников поступают в вузы. То есть высшее образование, по сути, хотя я, например, противник этого, уже стало у нас массовым, тогда как многие европейские страны лишь стремятся к этому. Это противоречивая ситуация, ибо массовое образование неизбежно столкнется с понижением качества, но факт есть факт.

Таким образом, система высшего образования деформирована в нашей стране чрезвычайно, учитывая и тот фактор, что сюда часто идут не только по соображениям необходимости получения образования, но и, например, чтобы освободиться от службы в армии. И государство за весь период реформы не

смогло разорвать эту связку «армия – вуз», которая является достаточно коррумпированной.

Погоня за получением высшего образования любой ценой, часто ценой в буквальном смысле, деформировало и индивидуальное сознание. Ведь часто бывает, что в это образование «вталкивают» молодых людей, которым оно вовсе не нужно ни по их интересам, ни по их желаниям и которое является лишь реализацией планов родителей. Мы реализуем те самые индивидуальные траектории, но мы должны осознавать, что в формировании спроса на эти траектории обязательно должно тем или иным образом участвовать государство, иначе все они будут оканчиваться в юридических, экономических и управленческих образовательных структурах.

И вот результат. Открыто огромное число вузов. По разным оценкам, их более 3 500 с филиалами, тогда как во всем СССР их было не более 800. Кстати, Московский университет, и именно за это его часто обвиняли в консерватизме, категорически выступал против такого массового открытия вузов, особенно филиалов. В самом МГУ функционируют только крупные филиалы, преимущественно в странах СНГ или за рубежом, их порядка 5-6, тогда как многие московские вузы имеют по 20 и 30 филиалов. Думаю, вряд ли они могут контролировать качество образования, получаемого в них, что сегодня и проявилось в кризисе качества и в действительно необходимой задаче их закрытия.

Сегодня действительно многие вузы можно закрывать. Только вопрос в том, кто будет выстраивать критерии. Например, последний скандал с неэффективными вузами во многом был связан с тем, что критериев такой оценки было много, около 30 или 50, но министерством было выделено лишь пять. Непонятно, кто это сделал, ибо в разработке критериев принимали участие ректоры ведущих вузов страны, которые в этой проблеме разбираются. Виктор Антонович Садовничий, ректор МГУ, оценивая эту ситуацию, привел недавно красивый пример. Представьте себе, что делаете фотографию, а аппарат ваш слабенький и имеет маленькое разрешение в пикселях. На полу-

ченном фото, может так оказаться, вы и лица-то не различите. И чем мощнее фотокамера, чем больше пиксельное разрешение, тем более высокого качества получится и фото. Сведя критерии эффективности вузов к пяти, мы получили очень неадекватную картинку их оценки, сбросив в одну кучу учреждения, которые по сути имеют разную специфику. По крайней мере, уж можно было бы различить особенности гуманитарного, технического и естественнонаучного образования.

Проблема выживаемости заключается в создании конкурентной почвы, как для абитуриента-школьника, так и для преподавателя. Но какая конкуренция может быть сегодня среди преподавателей, которые оказались на чрезвычайно низком пороге заработной платы, и особенно молодые преподаватели, работающие ассистентами? Здесь не до конкуренции в вузе, ибо надо выживать. С другой стороны, чрезвычайно низкий порог пенсии часто не позволяет людям уходить на пенсию. Отсутствуют механизмы нормальной ротации. Я еще лет пять назад говорил, что самой большой проблемой в образовании станет проблема ротации кадров, а это, к сожалению, необходимо приведет к стагнации.

В советское время были ставки профессора-консультанта, куда можно было перевести пожилого профессора без особого материального ущерба для него. И профессор мог здесь спокойно продолжать работать, передавая свой опыт коллегам и обучая аспирантов. Сегодня возрастной разрыв студента и преподавателя часто огромен, студентам преподают даже не дедушки, а уже прадедушки. И это очень серьезная проблема, которую придется решать. Еще раз подчеркиваю – решать без ущерба для наших ветеранов. Просто надо продумать способы их использования и в учебном процессе, и в воспитательной работе, о которой вдруг вспомнили, предварительно отказавшись от нее.

– Не секрет, что одной из причин такого бурного роста университетов была необходимость пристроить куда-то большое количество молодых людей, выпускников

средней школы, социально активного возраста. Особенно тех, кто потянулся из глубинки в центр. В какой мере сокращение вузов повлияет на социальную структуру российского общества?

– Главная задача реформирования образования в рамках так называемого Болонского процесса действительно состояла в необходимости социализации огромного числа молодежи в Европе, и прежде всего потоков мигрантов, которые ее захлестнули. Многие из них объективно не могут быть включены в элитное университетское образование классического типа. Одновременно все это происходило на фоне резкого падения качества образования в школе. Возникла проблема неподготовленности выпускников школ к высшему образованию. Их надо было адаптировать, пролонгируя школьное образование в вузе. Это и есть цель бакалавриата. В Гейдельберге нам прямо говорили, что рассматривают уровень бакалавра как продолжение гимназического образования, в частности, в гуманитарной сфере, связанное с потерей качества языковой подготовки в области древних языков, чем всегда отличались именно гимназии.

Таким образом, необходимо было упростить стандарты образования, преобразовав его в «образование для всех», а кроме того – найти источники финансирования для увеличивающегося числа студентов. Какой был найден выход? Сокращение сроков обучения, в частности бакалавра, до 3-4 лет. Это одновременно уменьшает и государственное финансирование, там, где оно есть, но, главное, отсекает большую часть людей от необходимости идти в магистратуру, так как они будут трудоустраиваться. Правда, уже здесь была и остается проблема, ибо бакалавров весьма неохотно берут на работу работодатели. Но зато образование в магистратуре как правило платное, значит, бремя финансовых затрат падает на семьи.

Кроме того, в ряде стран это стало сигналом к переводу всего высшего образования, включая и бакалавриат, на платную основу. Например, так происходит в последний год в Швеции, правда, с весьма невысокой платой, около 1 000 евро в год,

и большим спектром социальных компенсаций. В нашей стране, впрочем, как всегда, пошли еще дальше, что называется, «впереди паровоза». Мы ввели ЕГЭ изначально как предпосылку для перехода на подушевое финансирование (ГИФО). Идея ГИФО быстро рухнула, ибо денег на это государство особо не выделяло, но ЕГЭ остался. ЕГЭ резко изменил принцип мотивации при поступлении в вузы, так как человек якобы получал возможность выбора. При этом не учли, что выбор осуществлял часто не сам абитуриент, а его родители, часто не обращая внимания на интересы и особенности дитяти. В результате мотивация при выборе вуза была разрушена, что мгновенно привело к падению качества подготовки абитуриентов, превращению школы из структуры, обеспечивающей знание, в инструмент «натаскивания» в старших классах на ЕГЭ.

ЕГЭ рассматривался как механизм борьбы с коррупцией, что также потерпело фиаско, ибо это нововведение просто перевело эти процессы на другие уровни.

Кроме того, на такой громадной территории, как Россия, объективно уровень преподавания весьма различен, и это вполне естественно. И, условно говоря, «пятерка» в центре – не то же самое, что «пятерка» в регионе. А человек, который получил «пятерку» в регионе, может быть по уровню ниже, чем тот, что в центре получил «тройку». Правда, реформаторы и это стали интерпретировать как благо, поскольку, по их мнению, это резко увеличило число иногородних студентов в престижных московских вузах. Однако и здесь все не так просто. В ряде вузов, например в Московском университете, число иногородних всегда было высоким (порядка 60%), и эта коррекция в большей степени повлияла на так называемые новые университеты и различного рода высшие школы.

Кроме того, идея справедливости ЕГЭ обернулась своей противоположностью. Ибо люди, имеющие высокие показатели в ряде регионов, которые, по сути, могли быть ниже этого уровня в центре (и сами школьники здесь ни при чем), стали поступать в престижные вузы, не давая сюда поступать, может быть, более достойным. Я даже здесь не имею в виду уровни «корректиров-

ки» ЕГЭ, чем пестрит пресса последних лет, а просто объективно разные уровни преподавания. В буквальном смысле начался процесс «перекачки» людей в центральные вузы, в частности Москвы, а это не всегда сопровождается высоким качеством подготовки.

Ну, а дальше Вы сами можете прогнозировать. Эти специалисты скоро займут, и уже занимают, соответствующие должности. Очень мало кто из них покидает Москву или Санкт-Петербург. Но, кроме этого, огромное количество выпускников, без работы или формально трудоустроившись, «оседают» в той же Москве и формируют тот самый «офисный планктон», который активно втягивается в политические манипуляции. При всем уважении к людям, которые выражали свое протестное мнение на той же Болотной площади, необходимо понимать, что большая часть их представляла собой часть «офисной тусовки» и состояла из людей достаточно обеспеченных, а уж тем более по отношению к университетской профессуре. Все это необходимо было просчитывать уже в начале реформы, если, конечно, именно в этом частично не состояла одна из ее целей.

И по статусу люди, которые закончат ведущие вузы, даже не будучи хорошими специалистами, займут более достойные места. Как будет через несколько лет выглядеть в Москве класс юристов и экономистов, которые займут серьезные посты?

В Германии, например в Баварии, очень жесткие критерии выпуска юристов из университетов. Там есть два государственных экзамена. Первый организует сам университет совместно с представителями разного рода юридических структур. Этот экзамен сдают порядка 30% выпускников. Но на этом дело не кончается. Далее следует второй государственный экзамен, который организует Министерство юстиции и где присутствует всего лишь 1-2 представителя университета, и его сдают также порядка 30% из числа оставшихся. Именно эти люди могут занимать потом в юридической системе высокие посты судей и прокуроров, а остальные либо имеют шанс одной-двух пересдач данных экзаменов (но уже платным образом), либо становятся юридическими клерками.

– Проблема в том, что те 86% выпускников школ, которые поступают в вузы, хотят в будущем стать средним классом. И, мне кажется, возникает дилемма. Либо эта тяга к высшему образованию приведет к новому качественному развитию страны, либо наоборот – мы должны будем приспособиться к более низкому уровню, приспособиться к кризису, к экономической стагнации. Этот выбор важен. С одной стороны, высокая доля студентов – это невысказанное завышенное ожидание социальных благ, а с другой стороны, может быть, это и есть единственный рычаг, который вытянет страну из состояния стагнации?

– По поводу стагнации. Что мы имеем в виду? Стагнацию как отсутствие развития или стагнацию как стабильность? Человек всегда будет выбирать тот или иной вариант, в зависимости от той ситуации, в которой он находится. На этот вопрос достаточно трудно ответить, ибо, если судить по достатку, то многие студенты, которые обучаются в Москве, значительно превосходят этот самый средний класс, достаточно взглянуть на переполненные парковки возле ведущих университетов.

Поэтому потенциально большинство из них удовлетворены своим положением и, думаю, нацелены на стабильность, по крайней мере, своего положения. В этом смысле задача «вытягивания» страны находится достаточно далеко от их сознания. Конечно, есть и другие молодые люди, которые вступают в конкуренцию. Мне трудно ответить (это требует дополнительных социологических исследований), как эти потоки будут сосуществовать.

Но понятно другое. Структура образовательных систем должна быть дифференцированной, и этого не надо бояться. Лозунг «образование для всех» должен корректироваться дифференциацией, как по качеству самого образования, так и по качественному отбору людей. В какой-то вуз можно брать по росту и по весу. Это не принципиально, если образование – массовое. Но в какие-то вузы должен быть собственный отбор, причем даже более специализированный, чем просто ориентация

на школьную программу. Хочет человек учиться в таком вузе – пусть дополнительно осваивает дисциплины, необходимые для этого, и пусть, если это необходимо, деньги лучше уходят на такого рода дополнительную подготовку, чем на прямое репетиторство для сдачи ЕГЭ. Какие-то шаги в этом направлении делаются: например, в результате нынешнего этапа реформы многие вузы потеряют возможность готовить студентов на уровне магистратуры.

Практически мы сейчас воссоздаем, или пытаемся это сделать, ту систему, которая была в СССР, только называем это другими терминами. Тогда у нас были вузы – их было немного, были техникумы, были ПТУ. Были техникумы, в которые конкурс был выше, чем в вуз. Были авиационные техникумы, ракетостроительные. И эти рабочие профессии были очень престижными, элитными. А сейчас все техникумы и ПТУ стали университетами, и государство унифицировало диплом, то есть все бесчисленные вузы, филиалы – дают одинаковый государственный диплом. Сегодня необходима объективная, насколько это возможно, критериальная стратификация вузов, в том числе и по специальностям (а не по структуре вуза как такового), и в разработке этих критериев должна участвовать не выбранная группа «экспертов», а широкое экспертное сообщество.

Необходимо задуматься о проблеме работы будущих специалистов. Я не сторонник прямой системы государственного распределения, это недавно обсуждалось в Думе. Но одновременно эту проблему нужно решать, может быть, с помощью выработки системы стимулов для выпускаемых молодых специалистов. Думаю, что, например, в Москве сам фактор достаточно быстрой возможности получения квартиры мог бы покрыть все те «поражения», которые имеет современный выпускник, поступая на работу, особенно по гуманитарным специальностям.

Как быть с философами? Парадокс, но наш основной работодатель – это государство, ибо философия пока является общеобязательной дисциплиной в вузах. И выпускники готовы заниматься своей профессией. Но когда они сталкиваются с зарплатой, их образовательный пыл быстро угасает. Здесь

также необходима система стимуляции, ну и, конечно, выявление числа необходимых специалистов как основание выделения бюджетных мест на данную подготовку. При этом необходима коррекция, что философы, как и другие гуманитарии, могут быть затребованы и являются необходимой частью функционирования других систем, напрямую с записью профессии в дипломе не связанной.

Конечно, должна быть стимуляция потоков выпускников. Если имеется какой-то провал в сфере, особенно – государственного производства, нужно стимулировать человека, чтобы он, например, поступал в машиностроительный вуз и работал в этой области.

В Китае, например, образование платное, но недорогое, порядка 1 000 евро в год, и они берут кредиты на образование. А потом, если они идут в профессии, которые нужны государству, но не очень популярны, их освобождают от уплаты процентов, и так далее. Подобный ход президент Владимир Путин проговорил еще до выборов: он предложил сертификат, который дается отслужившему в армии на поступление в вуз. Если это сделать, то конкурс будет уже в армию, ибо для многих ребят, особенно из малообеспеченных семей, это будет единственный шанс получить образование. Причем это право должно быть распространено и на платные вузы. В этом случае образование вернет себе функцию «социального лифта», необходимую сегодня нашему обществу как никогда в связи с резкой дифференциацией доходов.

– Не появляются у университетов в новой ситуации и нетрадиционные идеологические задачи?

– Все развивается волнообразно, одни идеи заменяют другие, потом вдруг вновь возвращаются, и это, кстати говоря, то самое спиралевидное развитие, о котором сегодня упоминают редко. В СССР вуз был обязан выполнять воспитательную функцию, заметьте, воспитательную, а не идеологическую. А дальше эта функция наполнялась содержанием, которое ей придавали образовательные структуры и конкретные люди, то есть

преподаватели. В ряде случаев, и таких примеров много, это действительно была функция воспитания, и в этом не было ничего плохого. Воспитатель помогал молодому человеку социализироваться. Этому во многом способствовала и система общественных организаций, которые также дифференцировались в зависимости от конкретных людей. Безусловно, в жестком идеологическом обществе это неизбежно связывалось с господствующей идеологией.

Более того, следование идеологическим принципам и приоритетам часто обеспечивало будущему выпускнику, говоря современным языком, достойное место работы. Но ведь большинство людей просто шли работать по своим специальностям, и идеологические компоненты присутствовали в их работе часто лишь как дополнительные оформления, «украшавшие» смысл деятельности. Поэтому не нужно навешивать шаблонов. Например, философский факультет называли идеологическим, но разве в нем доминировала идеология? Я окончил этот факультет, вы его окончили, его окончили Г. Г. Майоров и А. С. Богомолов, В. В. Соколов и С. Т. Мелюхин, и этот список уважаемых нами людей можно продолжать. Факультет всегда давал классическое образование. Более того, его идеологический статус в каком-то смысле помогал нам, ибо нам была доступна литература, которую не могли получить тогда студенты других факультетов.

Были ли среди преподавателей и студентов приверженцы жесткой идеологической системы? Конечно, были. Мы живем в обществе и не можем быть свободными от него, но были и диссиденты, которых отчисляли с факультета, вспомните хотя бы А. С. Панарина или выдворенного из страны А. А. Зиновьева. Таким образом, факультет осуществлял нормальную воспитательную функцию. Я, например, много лет работал начальником курса и вовсе не был связан с КГБ, как почему-то кажется некоторым моим оппонентам.

После перестройки воспитательную функцию «связали» напрямую с идеологической и заявили, что ее в вузах быть не должно. В итоге получили то, что получили. А поскольку, например, на нашем факультете наблюдается резкое омоложение

состава студентов, результатом стали потери возможностей социализации молодых людей, которую всегда осуществлял факультет. Позже на это наложились и особенности развития современной информационной системы. Нынешние студенты при всей их погруженности в социальные сети оказались весьма не социализированными и часто не способными что-то организовать в реальной жизни, связанной с реальными делами. В свою очередь, преподаватели стали «облегченно» воспринимать свою работу – как некоего ретранслятора информации, завершая свои функции в момент закрытия двери учебной аудитории.

Кстати, это мгновенно привело к разрушению иерархичности системы «преподаватель – студент», которая необходима при всем уважении друг к другу и признании равенства во взглядах. Часто за пределами вуза студент и преподаватель могли совершать поступки и проступки, несовместимые не просто с их положением в вузе, но даже с нормами общества. Это одна из проблем, которая остается актуальной и сегодня. Равенство не должно означать панибратства, а иерархия отношений вовсе не обязательно означает неуважение друг к другу, в зависимости от иерархической ступени. Сегодня, например, преподаватели почти не делают замечаний студентам по поводу тех или иных действий или проступков, будь то поведение в общем буфете или аудитории.

Зашло общество здесь очень далеко и, как всегда бывает, нашлись радетели вернуть воспитательную функцию, причем в наиболее худшем ее идеологическом варианте, который часто прикрывается патриотическими лозунгами. Тяга к такому «квасному» патриотизму, на мой взгляд, очень опасна, хотя и популярна. Маловероятно, что все русские люди в России начнут сейчас читать Достоевского или Толстого, но существует большая вероятность того, что многие начнут имитировать свою русскость, наряжаясь в определенные одежды, в том числе и одежды идеологические. Абсолютизация идеологических схем достаточно опасна, хотя она весьма действенное средство манипулирования.

Необходимо понимать, что идеология не может быть выстроена искусственно, точнее говоря, любая навязанная искусственная идеология неизбежно приведет к негативным следствиям. Истинная национальная идея должна вызывать в обществе, а не навязываться через стереотипы, которые кажутся верными какому-то одному человеку или группе людей. О ней надо говорить, ее нужно обсуждать, по поводу нее нужно спорить, но ее нельзя навязать. Именно по причине традиционного идеократического сознания вузы должны сохранять воспитательную функцию, но она должна реализовываться через знание, авторитет преподавателей, через погружение в традиции нашей страны, в том числе и религиозные, а не через ритуальные завывания о патриотизме, биение себя в грудь как бы для доказательства того, что философия у нас (как писал Зеньковский) имеет источником юродивых. Увы, некоторые «мыслители», кажется, от такого юродства просто и не отошли до сих пор.

Вообще для нашей страны характерно, что лозунги часто переходят из рук в руки, от либералов и демократов к консерваторам, а затем в обратную сторону. Так произошло и в образовании. Например, лет 20 назад в МГУ была выпущена книга под редакцией ректора «Образование, которое мы можем потерять». В ней были собраны статьи крупнейших ученых, в том числе и самого В. А. Садовниченко, о том, что грозит нашему образованию, если оно выберет данный путь реформ. Почти вся нынешняя ситуация была предсказана, причем, что называется, «с цифрами в руках». Тогда университет и ректора обвиняли в консерватизме. Либеральной позицией считалась тогда линия реформирования.

Находясь тогда на этой консервативной позиции, Московский университет смог и отстоять аспирантуру, которую готовились уничтожить в рамках интеграции в Болонский процесс, и настоять на том, что обучение в бакалавриате должно быть четыре года, а не три, как хотел тогдашний министр образования. Все это позже автоматически было приписано к заслугам реформаторов, которые вовсе этого не хотели. Таким образом, «консервативная» критика оказалась весьма конструктивной,

и во многом именно благодаря этой консервативной позиции удалось не до конца разрушить образование, по крайней мере сохранив его основные, ведущие центры.

Сегодня, весьма неожиданно, ход реформ критикуется, напротив, с либеральной позиции, когда критиковать его почти бессмысленно, ибо выстроена уже совершенно иная система, в основе которой как раз и лежали либеральные идеи. Часто, правда, говорят, что это именно консерваторы помешали истинному реформированию, и это по-человечески понятно, хотя очень легко можно показать, что и сама подготовка реформы, и ее ход протекали не путем согласования с широким экспертным сообществом, а курировались относительно небольшой группой назначенных реформаторов.

И еще раз о прогрессе в образовании. Если мы относимся к образованию как к массовому явлению, то это – болото, где все одинаково квакают. Если мы ждем от образования прогресса, то не все должны быть в этом болоте. Гарвард останется Гарвардом, Оксфорд останется Оксфордом, а Московский университет, при всех его проблемах, останется Московским университетом.

*Беседовал Б. Межуев
Terra America, 2013 г.*

В. В. МИРОНОВ: «ФИЛОСОФИЯ – ВНЕВРЕМЕННОЕ СМЫСЛОВОЕ ПРОСТРАНСТВО, ВНУТРИ КОТОРОГО ИДЕТ ДИАЛОГ МЕЖДУ ФИЛОСОФАМИ»

– Владимир Васильевич, недавно философский факультет вновь, уже в четвертый раз, избрал Вас деканом. С этим факультетом связана вся Ваша жизнь со студенческих времен. Почему или благодаря кому Вы решили посвятить себя философии и что такое для Вас «философия»?

– Самое большое влияние на меня оказал мой дядя, Николай Алексеевич Коломоец. К сожалению, в прошлом году он умер. Мы жили рядом в раменских бараках. Поскольку у меня не было отца, а мама работала все время, моим воспитанием фактически занимался именно он. Это был очень интересный и чрезвычайно талантливый и мужественный человек. Он, как и моя мама, участвовал в строительстве новых зданий МГУ и получил на этом строительстве тяжелейшую травму позвоночника. Он тоже окончил наш факультет. Учился на вечернем отделении с такими ныне известными философами, как Панин и Майоров. После окончания факультета ему предлагали остаться здесь работать, но на кафедре научного атеизма. Несмотря на то что он не был религиозным человеком, жесткая, а подчас примитивная позиция по отношению к религии его не устраивала, и он отказался. Всю жизнь он проработал преподавателем в разных вузах Москвы, так и не смог защититься, но преподаватель был прекрасный, что я ощутил на себе. Мои первые впечатления о нем – это огромное количество книг: просто безумие какое-то! Барак, комнаты маленькие, и все в них – из книг. Все стены – книги,

пол – книги. Даже подвал, где положено хранить соленья, тоже был забит книгами. После его смерти осталась большая библиотека, которую мы, по-видимому, переместим на философский факультет. В этой книжной атмосфере я и находился, когда, почти ежедневно, приходил к нему. Кроме того, он играл на множестве музыкальных инструментов и даже вел ряд кружков в Доме культуры. Именно он приучил меня к чтению, причем серьезных, не только беллетристических, но и философских текстов, научил слушать классическую музыку и разбираться в ней. Сейчас уже верится с трудом, но где-то в девятом классе я прочитал изданный тогда том избранных трудов Декарта. Никогда не думал, что буду когда-то работать вместе с Василием Васильевичем Соколовым, старейшим профессором нашего факультета, который был переводчиком нескольких работ Декарта в этой книге и автором большого предисловия. С Василием Васильевичем мы, если я могу употребить это слово по отношению к мэтру нашей философии, подружились и часто беседуем. Я страшно люблю эти, пусть и нечастые, беседы вдвоем.

Таким образом, Декарт стал первым философом, которого я прочитал в достаточном количестве, и это, можно сказать, символично, ибо его знаменитая формула *Cogito ergo sum*, является сегодня официальным девизом нашего факультета. Читал, наверное, слишком увлеченно, даже во время школьных уроков, за что получал массу замечаний от учителей и довел их до того, что однажды даже был представлен к отчислению из школы.

– Линия судьбы просматривается?

– Это действительно любопытно, но, наверное, так всегда происходит, когда ты оцениваешь прошлое: «задним числом» все выстраивается в определенную цепочку событий, отобранных сознанием и дополняющих друг друга, – линию судьбы. А те моменты жизни, которые для этой линии не важны, попросту отбрасываются. Думаю, если бы жизнь развивалась в другом направлении, была бы задействована иная цепочка. А это было вполне возможно. Я – дитя раменских бараков, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Кроме дяди моими вос-

питателями были еще и улица, и люди, которые жили рядом. В основном строители высотки МГУ – контингент весьма разнообразный. С одной стороны, все детство проходит под сенью шпиля МГУ, здание которого в самом прямом смысле было фоном нашей ребячьей жизни. С другой, – уличная шпана, и я сам часть этой шпаны. Соответственно, векторы развития в этих условиях могли быть прямо противоположные.

Тем не менее влияние дяди и книги перевесили все и привели к тому, что я хотел поступить в университет и попытался это осуществить. Трижды (один раз на журфак и дважды на философский), но всякий раз неудачно. До сих пор помню собеседование с одним из профессоров факультета – позже мы вместе работали, – который, узнав, что я рос без отца, живу в Раменках, посоветовал мне идти работать токарем или слесарем. И я стал учеником токаря, а затем и работал по этой специальности. Мне до сих пор иногда снится медная стружка, которую при обработке крупных деталей надо было руками отводить от станка. Возникли приличные возможности роста, так сказать, и по комсомольской линии. Но я этим не воспользовался. Дело в том, что в те годы на заводах началась кампания по осуждению Александра Солженицына. Меня вызвали в комитет комсомола и предложили выступить на общем собрании с осуждением. На что я совершенно искренне ответил, что готов выступить, но хотел бы сначала прочесть тексты, если мне их дадут. Тексты мне не дали... А впереди уже маячила служба в армии.

К выстраиваемой линии подверстывается еще одно обстоятельство. Я всегда был очень общительным человеком. Вокруг меня всегда собиралось множество ребят, и думаю, что мой интерес к философии в каком-то смысле передался и им. Хочется верить, что это как-то повлияло на них (с некоторыми я много лет общался), вырвав из круга «раменской» судьбы. Трудно поверить, но мы вслух, например, читали статьи из дядиной пятитомной «Философской энциклопедии». До сих пор помню, какое на нас всех произвела впечатление статья «Культ личности», с цифрами репрессированных и пр. Думаю, что эта статья настолько сильная, что ее без всякой редакции можно и сегодня

публиковать, и она произведет не меньшее впечатление в условиях нынешней своеобразной «обывательской» реабилитации сталинизма.

Ну, а далее линия судьбы реализуется через встречу с преподавателями факультета, многие из которых стали затем не просто коллегами, но и друзьями. Мне трудно назвать кого-то одним своим учителем, но я могу назвать людей, которые оказали на меня серьезное влияние и в студенческие годы, и в годы моего профессионального становления, вообще в жизни.

Прежде всего, это, конечно, Александр Владимирович Панин. Могли ли мы думать в пору, когда он был научным руководителем моих студенческих работ, что он станет деканом факультета и я, чуть позже, по его рекомендации, также окажусь на этом месте! В тот ранний период, конечно, нельзя было говорить о дружбе, но были философские беседы, которые мы вели между собой или в рамках студенческого кружка, которым он тогда руководил. Кстати, любопытно, что философских кружков в те времена застоя было гораздо больше, и преподаватели общались со студентами гораздо больше. Именно Панин определил тематику моих научных интересов и обеих диссертаций, хотя докторской работой руководил уже Серафим Тимофеевич Мелюхин. Александр Владимирович в то время казался нам наиболее современным человеком на факультете, хорошо знающим работы западных философов, человеком, который встречался с Карлом Поппером. Он всегда отличался собственной, независимой позицией, которую готов был отстаивать, невзирая на лица. А по отношению к студентам он практиковал «свободное» руководство, никогда нам свою позицию не навязывал и постоянно инициировал дискуссии по философским проблемам.

Я, конечно, не могу не упомянуть Василия Васильевича Соколова, у которого продолжаю учиться и которым восхищаюсь.

Достаточно большое влияние на мое становление оказал и Серафим Тимофеевич Мелюхин. Я встречаюсь сегодня со снисходительными оценками его творчества. Он, конечно, был

«дтия своего времени», но сам характер его философских занятий, как это ни странно, в наши дни не утратил своего значения и, на мой взгляд, сделался даже более востребованным. Сегодня философы фактически бросили заниматься наукой, и в ряде случаев философия, прямо по Канту, превращается в вариант мисологии: в ее основе лежит не знание, в том числе и научное, а принципиальное незнание. Так вот, рассуждения Мелюхина концептуально были вполне адекватны развивающейся науке, и многие нынешние профессора с других факультетов, которым он читал лекции, помнят и его, и эти лекции. А найти сегодня специалиста в области философии науки очень сложно, их единицы. Думаю, что в советское время их было гораздо больше, хотя ясно, что многие уходили в философию науки, чтобы быть подальше от идеологии. И все-таки: философия в принципе не должна замыкаться какими-то дисциплинарными рамками, она синтезирует самые разные формы постижения бытия, в том числе и научные знания о мире.

– Ну, если вспомнить европейскую традицию, идущую от средневековых университетов (с их факультетами искусств) и в каком-то смысле поддержанную гумбольдтовским проектом университета, весь университет в целом – это философия.

– Совершенно верно. Философия сама мыслилась как *Universitas*, все дисциплины должны были быть в ней и через нее. Помните кантовский «Спор факультетов», в котором выстраиваются задачи философского факультета как ведущего, и этот блестящий образ философии, которая, даже оставаясь служанкой религии, не несет шлейф ее платья, а освещает дорогу факелом Разума.

Так вот, гуманитарный перекос представляется мне чем-то вроде флюса, вздувшегося на теле философии в последние десятилетия. Это, может быть, даже хуже, чем интерпретация философии как одной из наук в рамках диалектического материализма. Там хотя бы отрабатывалась терминологическая точ-

ность, позволявшая всем находиться в едином понятийном пространстве. Сегодня философия, даже в структуре университета, относится к гуманитарным наукам (посмотрите любой справочник), а ведь это очень неточно. В результате, да еще в условиях деформированной системы образования и полного разрушения мотивации выбора специальности, на факультет часто приходят (и это не их вина) люди, которые весьма поверхностно знакомы даже со школьными курсами по физике или математике. Ясно, что философскими проблемами этих наук они не будут заниматься никогда. Родители рассуждают так: математику не знаешь, физику не знаешь, ну, тогда иди, учишься философии. А тут вдруг раз – и на тебе философские основания математики. Моя любимая фраза: «Кафедра логики есть только на двух факультетах – на философском и на мехмате». Что, кстати, отражает близость этих предметов: и математика – не естественная наука, разве что ее приложения, и философия – не просто одна из гуманитарных наук.

Мне кажется, имеет смысл постоянно держать в уме разницу между обучением и образованием. Преподавания философии очень не хватает в средней школе. Более того, даже в курсе обществоведения ее место сегодня уступает набору более прагматических, юридических или экономических, знаний. А ведь философия – это «душа культуры», просто необходимо понимать разницу ее преподнесения школьникам и студентам. Еще Кант говорил о философии школярской и университетской. Это два разных типа. Школярская философия вовсе не делает человека философом, как не делает его математиком или физиком школьный курс математики и физики. Но она знакомит его с философией как важнейшей частью культуры. Я бы приветствовал, если бы философию изучали в старших классах. Тогда то, что мы называем университетской философией, имело бы гораздо больше смысла. Изучая школьные дисциплины, человек не имеет цели проникнуть в глубину проблем. Более того, это было бы вредно, если бы мы, например, задавали серьезные метафизические вопросы ребенку. Кстати, например, в немецкой системе гимназического образования философия является обя-

зательной дисциплиной, а, кроме того, по выбору преподаются этика или религия. То есть пласт философской проблематики, который осваивает гимназист, достаточно большой и занимает много времени, 2-3 последних года обучения. Но, что главное, это не обучение философии по какому-то специальному учебнику. Думаю, что вообще нет ничего вреднее для изучения философии, чем учебник, который всегда представляет собой застывшее знание, да еще застывшее в форме, претендующей на истину в последней инстанции. И уж тем более нельзя по учебникам учить философию в университете, они должны выполнять лишь справочную и вспомогательную функцию. Причем не только на философском факультете. От преподнесения философии как некоей единой системы пользы нет. Мы в результате просто научаем одной из систем, выбранной достаточно произвольно, а их множество. Философия – это глубоко личностное знание, поэтому личность преподавателя и должна определять содержание преподавания. Если преподаватель близок к этике, то он через этическую проблематику сможет сформулировать все важнейшие философские проблемы, если он эстетик, то тоже самое можно реализовать через исследование проблемы прекрасного, если он историк философии, то исторический контекст может оказаться более современным, чем любая современность. Кстати, последнее реализуется в ряде школ Германии, где философия изучается по книге Карла Ясперса «Великие философы». И такой подход также возможен, если его не сводить к пересказам текста и выводить те самые «вечные» философские проблемы на современность. Моя дочка училась в немецкой гимназии. И вот, исследуя одну из этических проблем у Канта, она написала эссе об уважении к труду уборщицы в школе. Это было хорошее, философское эссе, осмысление в этической перспективе отношения к труду.

– Или, может быть, рассуждение о достоинстве человека?

– Да, несомненно, и это тоже. Вообще, все, о чем мы сейчас говорим, выводит на Ваш вопрос: что такое для меня филосо-

фия, как я ее понимаю? Не знаю, насколько это адекватно или насколько имеет право на существование, но для меня философия – это сфера осмысления, постижения бытия, которое всегда носит своеобразный, двойственный характер. Один вектор его направлен на рационально-теоретическое познание мира, а другой, напротив, связан с внерациональными способами постижения мира и духовной сущности человека. Поэтому поле ее исследования весьма широко: от научных истин и теорий до проблемы религиозной веры и религии как особой формы духовной и социальной организации. Иначе говоря, это вся палитра проявлений человеческого духа. Это и понимание мира, и самопонимание, личностное переживание бесконечного бытия конечными существами, в котором личность, социум и природа слиты в единое целое. В этом смысле философия представляет собой вневременное смысловое пространство, внутри которого осуществляется диалог между философами, безотносительно ко времени их существования. Границы этого пространства задаются извечными философскими проблемами, на которые разные философы дают разные ответы. Это не векторное развитие конкретной науки, когда последняя научная теория выступает в определенном смысле и как наиболее адекватная по отношению к описываемому предметному миру. Это развитие единой проблематики внутри разнообразия ответов и решений. Если хотите – мыслительное единство разнообразного и разнообразия в единстве. Именно поэтому в таком пространстве Платон может ставить вопросы, которые актуальны для нашего времени. И в этом смысле он – такой же наш современник, как и какой-нибудь нынешний философ. В пространстве философии время горизонтальное (жизнь сосуществующих культур) и линейное (жизнь культур разновременных) сливаются. Источником этого пространства является смысл, сотворенный человеком как мыслящим существом, а главным фактором расширения выступает процесс смыслообразования. Поэтому смешно и грустно, когда от философского знания (это, например, один из критериев при защите докторской диссертации) требуют новизны по типу других наук.

– Смешно, но на самом деле упирается в тот парадокс, что философия, по сути, не наука, а институционализируется и идентифицируется в рамках современного общества как одна из наук. И, соответственно, работающие в этой сфере люди включены во все научные игры и свою квалификацию подтверждают теми же способами, что и естественники.

– Это проблема долгого господства идеи о возможности существования одной только – научной – формы философии в виде диалектического и исторического материализма. Сама эта концепция дала определенные результаты, но слияние с идеологией, безусловно, превратило ее в догму. Парадокс заключается в том, что наша система классификации дисциплин до сих пор во многом исходит из такого представления о философии, и это должно стать предметом специального обсуждения. В чем вообще проблема, как Вы говорите, идентификации философии? Она синтезирует, и я уже сказал об этом, не только научные знания о мире, но и переживания мира человеком (от этических до эстетических). Поэтому понятие науки применительно к философии не работает. Научность или ненаучность в философии – это всего лишь позиция автора и форма подачи материала. Философия опирается на научное знание, но вовсе не обязана быть такой же, как конкретные науки. Именно такой ее широкий базис, выход за границы отдельных частей бытия, позволяет философии исследовать основания наук как разновидностей частного, опредмеченного знания. Это было блестяще подмечено и Платоном, и Аристотелем. Именно Платон, сомневаясь в основополагающих истинах математики, ставит проблему ее обоснования с иной, философской, позиции. И именно Аристотель ставит вопрос о необходимости существования особой дисциплины в виде первофилософии (позже ее стали именовать метафизикой), которая, решая предельные проблемы бытия, одновременно может давать обоснование другим наукам.

– И получается в таком случае, что у нынешних философов есть на самом деле только один беспрюграммный ход – это быть отчасти историками.

– Это один из выходов, но имеющий свои ограничения. На первый взгляд, тезис о том, что философия сводима к ее истории, выглядит достаточно убедительно. Действительно, что такое философия как не история идей конкретных философов? Более того, кажется, что именно последовательное хронологическое изучение философских воззрений и дает нам объективное представление о ее развитии. Следовательно, освоение философии есть лишь изучение имевшихся в истории философских идей. Однако уже здесь возникают серьезные противоречия и трудности. В частности, зададим себе вопрос: почему все пишут и пишут книги по истории философии и почему ее изложение столь многообразно, например, в том, что касается представительства мыслителей в разных культурах. История, перефразируя Лотмана, – это закодированный текст конкретной культуры. Историю пишет конкретная личность, находящаяся в определенной социокультурной ситуации, и пишет, исходя из своих собственных симпатий и антипатий. Значение одних фигур она выделяет, а других – умаляет. Более того, история может создаваться под давлением определенных идеологических парадигм. В трудах по истории философии, созданных в западноевропейской культуре, вы можете не встретить иногда даже упоминания о русской философии. И, напротив, в соответствующих учебниках, созданных в российской культурной традиции, данный аспект может быть «раздут» до неприличия. Таким образом, история философии всегда приобретает «местный» колорит.

Следовательно, история философии – это некоторая интерпретация реального исторического процесса, которая лишь облакает историю идей в предлагаемые самим автором концептуальные одежды. Есть персонифицированные варианты ее изложения, когда перед нами предстают философы, сгруппированные по степени их значимости и величины с позиции автора данной истории, – но ведь это вовсе не гарантирует нам

правдивости нарисованной панорамы. Против таких вариантов выступал Гегель, который обращал внимание на то, что это лишь субъективные трактовки, в лучшем случае представляющие собой собрание рассказов, перебор мнений и ничего не дающие для понимания философии. Кроме того, абсолютизация истории философии превращает живое философствование как мыслительное смыслотворчество в собрание памятников этой истории, то есть опять же в догматическое знание. И тогда, как писал Гегель, мы обречены на бесплодное «скитание среди могил». Как это ни парадоксально, попытка все более объективного и буквального изложения истории философии вытесняет саму философскую, рефлексивную, творческую работу разума.

Правда, опасна и обратная ситуация – подчинения исторического материала навязываемому замыслу, например концепции историко-философского процесса у того же Гегеля. Перед нами извечное противоречие, которое существует при освоении философии и которое очень важно учитывать, а именно: соотношение истории и теории философии. Его не надо бояться. О нем просто надо помнить при анализе философских проблем.

Недостаток преподавания истории философии – это жесткое хронологическое разбиение ее содержания, что мешает пониманию процесса трансформации идей, пониманию связи с современными проблемами. История философии может преподаваться так формально, что у студентов не возникает никакого сравнительного представления даже о мыслителях одной эпохи. Античность, эти постоянно упоминаемые «2 500 лет назад», воспринимается одновременным проживанием древних философов «на одной поляне»: фактор разброса в 200 или 300 лет оказывается несущественным. Кроме того, история уже *состоялась*. Так, если мы принялись рассказывать об Аристотеле, то исходить надо не из одной «чистой» античности, ибо Аристотеля мы знаем в основном по арабским средневековым текстам. Только настоящий, масштабный историк и философ может понять и охватить все сразу, и в разнообразии, и сказать:

«Посмотрите, вот это классическая античность, а это, кстати, эллинизм, и это уже другое. А вот это уже средневековье». Кстати, такую задачу можно было бы достаточно красиво реализовать благодаря новейшим технологиям, и я мечтаю об этом, но, к сожалению, пока не нашел единомышленников, которые готовы конкретно работать над подобным проектом. Моя мечта – создать книгу по философии с гиперссылками, на базе игрового движка, что позволит включить в эту виртуальную систему и тексты как таковые, и их аналитику, и возможность тестового зондажа знаний обучающегося.

– Когда Вы говорили об обучении философии в немецкой школе, мне кажется, речь шла о своеобразной попытке актуализации смыслов.

– Не знаю, насколько можно говорить о немецкой школе в целом, но то, что я наблюдал, мне показалось весьма интересным. Ученика как бы подводят к сфере, какой является философия, и говорят: «Вот, посмотри, что здесь есть». Поначалу это просто некая плоская картинка. Она не имеет объема, и сам ты туда еще не попал. Она внешняя по отношению к тебе, ибо, чтобы ее понять и осознать, ты должен войти в этот мир – живой философский мир. Потом тебе задают какую-то реалию из современной жизни, и ты должен свое переживание изложить на основе того, что узнал или понял, изучая философию, рассуждая о том, как бы повел себя в этой ситуации Сократ или Платон. И если акт понимания состоялся, если тебе удалось это понимание преобразить в собственном опыте, если этот от-refлексированный опыт может стать источником твоих переживаний и действий, то событие свершилось. Ты вошел в мир философии. Или, как сказал бы Ясперс, философ проснулся в тебе, как он может проснуться в каждом из нас. И вот когда ты поймешь, что в тебе проснулся философ, ты уже никогда из мира философии выйти не сможешь, даже решая отнюдь не философские проблемы. Мир для тебя стал иным, и твоя жизнь приобрела совершенно иные (предельные, трансцендентные) основания.

– Мне кажется, способы попадания в эту «философскую сферу» могут быть самыми разными и случайными, но все-таки чаще всего проводниками в этот мир оказываются какой-то человек или книга. И кто же был таким проводником в Вашем случае? Когда состоялась философская инициация?

– Как удачно Вы использовали термин «философская инициация». И действительно, должен быть не просто преподаватель, а некий проводник, даже поводырь, вводящий тебя в мир философии и философствования. Конечно, со мной это произошло в университете. Но ухватить этот момент инициации трудно. Попробуем. «Текст», «смысл» – вот ключевые слова. Когда и благодаря кому появилось желание воспринимать текст, интерпретировать смыслы этого текста? Помню, мы, прежде всего в курсе античной философии, очень серьезно прорабатывали тексты, комментарии. Трудно сказать, кто это был... Хотя нет! Одно имя всплывает, и оно несколько неожиданно. Это Александр Львович Доброхотов. Действительно неожиданно (хотя, я сейчас понимаю, всегда об этом знал, но не осознавал) – ведь мы почти ровесники. Но это также отражает особенность философии. Здесь все возрасты равны. Кстати, об этом блестяще писал Александр Львович в одной работе, которую мало знают в университетах, ибо это была книга для школ, оформленная в виде рабочей тетради, по-моему, «Введение в философию».

В самом деле, это были семинары А. Л. Доброхотова, посвященные Пармениду и Платону. Он был тогда совсем молодым преподавателем. Потом мы работали вместе как коллеги и до сих пор поддерживаем хорошие отношения. Александр Львович предоставлял нам возможность рассуждать свободно, но на основе текста. И мы писали эссе, в которых пытались дать интерпретацию, в частности диалогов Платона. У меня, кстати, они сохранились. Недавно наткнулся на них. Мне показалось, что они вполне приличные и для сегодняшнего дня. Это была такая увлекательная работа! Я даже хотел специализироваться по кафедре истории философии, но что-то меня испугало. Тогда это была своего рода элитная кафедра. Кстати, Доброхотов

любопытно вел занятия, внешне занимая отстраненную позицию, не напрямую, а как бы через текст наталкивая нас на необходимые выводы. Таким образом, с одной стороны, ты вроде бы оказывался один на один с текстом и возможностями твоей интерпретации. Но, с другой стороны, был философ, наставник, помогающий раскрывать изначальные смыслы. Тогда же мы начали непрерывно читать выходявшие подряд труды Лосева. Вспомнил – и прям защемило: захотелось в таком семинаре еще раз поучаствовать.

– В философии, конечно, без учителя не обойдешься. Учитель и его школа. Со школами, правда, в те поры дело обстояло неважно – настоящие философские школы существовали маргинально. Впрочем, и сейчас этого не хватает.

– Если бы только этого! Изменился сам процесс образования. Василий Васильевич Соколов рассказывал мне, сколько предметов, и в том числе естественнонаучных дисциплин, он учил в ИФЛИ, а потом на философском в университете. У меня просто волосы дыбом встают: их количество было огромным! А сегодня я даже не понимаю, как уложиться в учебный план, потому что есть стандарт, и в этом стандарте очень много выхолощенного. Плюс мы переходим на систему бакалавриата: это же вообще ужас – четыре года образования! Это процесс легализации поверхностного массового образования. Тут уж не до философских глубин и неспешного философствования. Мы, конечно, пытаемся этому сопротивляться, вводим в экзаменационные билеты обязательные тексты, которые студент должен прочитать.

Другая проблема – это уменьшение количества молодых преподавателей. Конечно, в процессе преподавания, и особенно философии, всегда должны присутствовать опытные профессора. Повторю, что возраст для философии не важен. Но слой опытных профессоров обязательно должен сочетаться со слоем молодых преподавателей. Сегодня возникла серьезная диспропорция, и возрастной разрыв между поколением студентов

и преподавателей становится все большим. Отсутствует нормальная система гармоничного сочетания молодости и опыта, хотя в любом случае приоритет должен отдаваться хорошему специалисту. Бывает иногда, что молодой преподаватель по своему сознанию и отношению к делу старше самого пожилого человека.

Это непростой вопрос, так как он поднимает целый спектр проблем, далеко выходящих за рамки самого университета. Это связано прежде всего с тем, обеспечивает ли государство достойную жизнь человеку, который всю жизнь работал преподавателем. Любой профессор – это человек, который получил высшее образование, учился в аспирантуре, подготовил и защитил две диссертации. Он затратил на это минимум 15–20 лет интенсивной работы, и сюда входит тот период, когда человек занимался учебой и просто не мог зарабатывать деньги. Так вот, мне кажется, и зарплата, и пенсионное обеспечение должны каким-то образом учитывать эту ситуацию, компенсируя, так сказать, неизбежные финансовые потери. Только обеспечение достойного существования уходящих на пенсию позволит проводить политику ротации профессорско-преподавательских кадров. Ясно совершенно, что отсутствие молодого поколения, которое выполняет ассистентскую, в широком смысле, функцию, – очень печальный факт.

– И все-таки есть молодые преподаватели и в университете, и на факультете, которые к нам в журнал приходят со своими работами, и мы их публикуем. Я знаю, что и студенты относятся к ним восторженно. С удовольствием ходят на занятия. Те же естественники.

– Есть, конечно! И достаточно много, но мне не хотелось бы называть имена: кого-то забуду, и это может вызвать непонимание и обиды.

– А что и как сегодня студенты читают, да и читают ли вообще?

– К сожалению, приметой времени является какое-то отчуждение студентов от библиотеки. Конечно, они сегодня

могут получать необходимую информацию и в Интернете, но уж слишком много там отвлекающих факторов. Я недавно в нашу новую библиотеку зашел: огромный зал, шикарная библиотека, очень удобная. Во всем зале сидит – я специально посчитал – семнадцать человек. И не наших философов, а вообще всего семнадцать! А мы помним библиотеку гуманитарного корпуса: зал же был забит! Сегодня это ушло. Понятно, что за этим, конечно, стоит Интернет и масса открывающихся благодаря ему возможностей, но тем не менее... Уходит живое общение: ты в библиотеке посидел, потом вышел, условно говоря, перекурить и, глядишь, что-то еще дополнительно обсудил. А сегодня люди, несмотря на гиперсоциализацию в соцсетях, в реальной жизни социализированы гораздо меньше, а главное, к реальной социализации не готовы. Они легко могут собраться на какую-то тусовку, причем абсолютно бесцельную. Она ведь не предполагает прочных связей между участниками, легко модифицируется под интересы лидеров, под окружающую обстановку. Более того, некоторым стало так трудно общаться в реальной жизни, что они, даже находясь рядом, осуществляют коммуникацию через *iPad* и мобильные телефоны.

– Смешно, но так и есть. Однако насколько именно это повлияло на разрушение профессионального общества? Сейчас ведь вот в чем величайшая проблема: отсутствие отклика. Даже когда мы в журнале публикуем какую-то статью, которая, мы это чувствуем, должна вызвать полемику, получаем в результате тишь да гладь. С чем это связано? Разве с разобщением электронного происхождения? Может быть, что-то фатально изменилось в обществе?

– Думаю, и то и другое. Социальная сеть приучает нас создавать минимизированные тексты. Она стимулирует развитие клипового сознания, когда человеку просто некогда, как ему кажется, читать толстые книги, хотя времени на виртуальное общение уходит столько же. Даже «интеллектуалы» все меньше читают сами книги, обходясь информацией о них из самых

разных источников. Какая уж тут полемика! И вообще такое ощущение, что нам смайликами легче общаться, чем трудно и серьезно рассуждать. А кроме того, одна совершенно банальная вещь: все страшно перегружены. Ритм нашей работы, при всем том, что нас постоянно обвиняют в неэффективности, чудовищный. У профессора в нашем университете он не сопоставим с рабочим ритмом профессора на Западе. Ни о каком элементе сибаритства, который там может (и должен, по моему мнению) присутствовать, у нас нет и речи.

– В гумбольдтовском проекте университета, кстати, уединение, т. е. время спокойного, несуетливого размышления, является не правом даже, а обязанностью и преподавателя, и студента.

– В Гейдельберге меня пригласили в один закрытый клуб, где профессора ходили попросту – в тапочках, в свободной одежде. И я мог наблюдать, как в такой «расслабленной» атмосфере возникали свободные дискуссии и осуществлялось то самое общение, которого нам не хватает. У нас на факультете тоже есть комната отдыха для преподавателей: стоит бильярд, можно слушать музыку. Так о ней даже не все знают. Профессура приходит на работу, отработывает свои часы и убегает. И приблизительно такое же отношение к публикациям. «А, вот вышла статья Сидорова» – «Да-да, слышал. Шикарная статья, дискуссионная». И все... Сейчас трудно представить, чтобы заседание кафедры длилось больше двух часов, значит, опять же нет времени на дискуссию. Когда-то, я помню, мы могли по пять, по шесть часов что-то обсуждать. Все действительно очень серьезно изменилось. А у студентов еще сильнее. Вот, к примеру, использование презентаций. Казалось бы, хорошо. Но когда мы жалуемся, что студенты стали меньше читать, не могут вести долгую беседу, просто слушать, надо понимать, что происходит это, в том числе, потому, что мы идем на поводу у новых средств подачи материала, все больше визуализируя процесс обучения. А визуальное восприятие включает совершенно иные механизмы, в том числе и рефлексивные.

– Так или иначе, переход от логического к иконическому состоялся повсеместно. Все. Это уже случилось.

– Теперь ребята копируют, а не конспектируют тексты. Я понимаю их психологию. Им кажется, что, зафиксировав на каком-то носителе текст, они тем самым его усвоили. Факт фиксации наивно отождествляется со знанием. Они полагают, что когда-нибудь вернуться к этим текстам, просмотрят их заново. Уверяю вас, что в большинстве случаев этого не происходит. Когда конспектируешь, все происходит иначе: выбираешь, что нужно или что может пригодиться, вносишь уже переработанные прямо сейчас, в собственной голове, мысли. А сегодня лекции в большей степени превращаются не в работу студента, а, благодаря технике и разнообразным визуальным средствам, в пассивное восприятие информации, которую во многих случаях студент может почерпнуть, вообще не находясь в аудитории.

– Происходит в каком-то смысле архаизация восприятия. Но в таком случае, вероятно, должна возрастая роль «вводителя» и «водителя» в этом мире.

– Да! Но по-другому. Такой наставник, разумеется, должен быть включенным в систему новых технологий, уметь общаться с подопечными на этом уровне. Надо переходить на диалоговую форму общения со студентами, а здесь все от преподавателя зависит, и, конечно, каждый талантливый – талантливый в смысле профессиональный – преподаватель это знает и умеет. Я всегда говорю студентам: «Я смотрю в ваши глаза». Мы должны смотреть в глаза, когда читаем лекцию, ведем беседу. Психологи подтвердят, что убедительность той или иной мысли значительно усиливается, если мы смотрим в глаза человека: всегда видишь, какой это находит отклик. И можешь сразу что-то поменять – что-то опустить, что-то другое рассказать. И все это очень индивидуально. И, конечно, некая доля артистичности должна присутствовать, потому что лектор, преподаватель – публичный человек. И без реального воодушевления не обойтись.

– На самом деле, мы в который раз возвращаемся к тому, с чего начали: все сводится к фигуре того человека, который говорит о философии. Неважно, говорит ли он о философии как об историческом процессе или строит систему категорий. Вспомним лекции того же Мераба Константиновича Мамардашвили, которые он читал, допустим, на психологическом факультете. Уж где-где, а на них пресловутых записывающих средств было полным-полно. По-моему, все, какие тогда были в Москве, там собирались одновременно. Но приходили-то не записывать, а слушать. Когда человек на твоих глазах акт мышления совершает, – тогда его слушают. Это не имеет значения, просто выслушал ты или еще и записал, – ты все равно включился. И, наверное, всегда есть дефицит таких личностей.

– Несомненно, но, чтобы быть таким, человек должен быть внутренне свободен. Это очень серьезная вещь. Я сейчас не говорю о внешней свободе. Имеет место противоречие в задачах, стоящих перед лектором: одни задачи в виде какого-нибудь стандарта спускаются «сверху», а другие присущи самому предмету. И все зависит от того, какие у кого приоритеты. Это не связано самым жестким образом, скажем, с режимом, потому что даже в тоталитарном обществе человек мог себя вести свободно (как тот же Мамардашвили, хотя, разумеется, это было скорее чем-то маргинальным).

Вообще, хочу заметить, можно оставаться свободным человеком в рамках самого тоталитарного общества и быть абсолютно несвободным в рамках самой полной демократии. Современная система массмедиа способна создать видимость демократичности: ты вроде бы можешь говорить что угодно, но находишься в пространстве такого масштаба манипулирования, что на самом деле, как это ни парадоксально, подчинен тоталитарным схемам. Мы стали зависимы по очень многим параметрам: так, например, имея пластиковую карту, мы можем оказаться без денег, если банкоматы перестанут работать. Событием сегодня является не реальность как таковая,

а ее медийная конструкция. Если мы сейчас сидим, беседуем и нет камеры, нет записи, считай, события нет. И наоборот: даже если ничего не было, никакого разговора, событие можно сконструировать. Наша «глобальная деревня» превращается в глобальную империю, а демократия заменяется ее имитацией. Нам разрешают говорить что угодно, но делается то, что «нужно». Вот, как история с реформой Академии наук: все спорят, гудят, а закон все равно проходит потихонечку. И поэтому для меня тоталитаризм – не просто политический режим, а тоталитарное мышление, которое все меньше контролируется отдельным вождем и все больше всей современной коммуникационной системой, о которой тоталитарные лидеры прошлого могли лишь мечтать. В каком-то интервью я приводил пример: когда была война с Грузией, я находился в Германии. И так получилось, что там я ни разу не видел Саакашвили жующим галстук. А когда я вернулся в Россию, то в основном видел Саакашвили, который жевал галстук. Я спросил журналистов: «И где истина?». А они возмутились – это же война! И т. д. Но ведь в результате немецкий и русский обыватель видел абсолютно разных президентов Грузии, будучи уверен, что именно он знает истинное положение дел.

– Что же это означает: что мы оказались вне пространства истины, реальности? Или что реальность настолько относительна сама по себе, что вообще не имеет смысла взывать к ней? Не приводит ли разнонаправленная манипуляция нашим желанием прорваться к реальности к пониманию того, что мы к ней все равно никогда не прорвемся? Да и есть ли она в таком случае?

– А я бы перевел разговор из онтологической плоскости в этическую. В чем здесь опасность? Мы уже сказали, что виртуальная реальность незримым образом переходит в реальность. Приведу один пример из своей жизни, он очень характерен. Как-то в Интернете появилась публикация, что, мол, декан философского факультета, проректор МГУ, арестован в Китае за вскрытие неких интернет-сетей, и его уже допрашивают.

Казалось бы, чушь? Все посмеялись, на том и закончилось. Нет! Мне звонит ректор и аккуратно спрашивает: «Владимир Васильевич, с Вами все нормально?». Но самое страшное – мне звонит дочка, она тогда еще училась в школе, и говорит: «Ко мне подошел директор и сказал: я прочитал в Интернете, что папу у тебя арестовали». А представьте себе, что могло бы быть, если бы опубликовали, что меня убили? Дочке сказали бы: «А я вот в Интернете прочитал...»? Надеюсь, школьный директор не сделал бы этого, и, тем не менее, совсем тонкая грань – и вот уже вся эта виртуальная конструкция оборачивается реальностью и может иметь весьма печальные следствия.

– Ну, в определенном смысле это новый масштаб нашей поговорки «Слово не воробей, вылетит – не поймашь». Изменился способ распространения этого «слова». Сказал «А», и тебя услышал весь мир. И все-таки вопрос о том, насколько мы остаемся в рамках доксы, сохраняется. Что является нашим уделом – мнение или истина? И располагается ли истина в уже упомянутой «сфере смыслов», которая далеко не всем доступна?

– Мы снова и снова возвращаемся к Платону, к его «Государству», а кроме того – к критике им демократии. Вообще-то говоря, истина не имеет отношения к тому количеству людей, которое это мнение высказало. И это важнейший принцип: один может быть прав, а тысячи вокруг – не правы. Но социальная реальность выстраивается прямо противоположным образом, здесь истина становится конструкцией большинства. Не истина как таковая, а то, что выдается за истину, но, по сути, является мнением. Эти конструкции благодаря современным технологиям становятся все более совершенными. Такими убедительными уже на уровне нашего восприятия, что нет и малейшего повода заподозрить, что перед нами не истина, а выдаваемая за нее ложь. Поэтому то самое мнение большинства, на которое формально опираются при принятии разного рода решений, на самом деле может оказаться конструкцией небольшой группы людей.

Но мы должны заниматься, особенно как философы, именно выявлением истины, так сказать, «проясняя мозги обывателя». В этом-то, может быть, и заключена самая большая проблема. Мы конформистски соглашаемся и смиряемся с двусмысленностью, с подменой. Но истина от этого никуда не исчезает, она все равно есть и проявит себя. Кстати, отсюда возникает вечная проблема политехнологий. Они работают, пока стабильна реальная ситуация. Как только ситуация расшаталась – рушатся и политехнологии, истина обнажается, выходит на первый план.

Подпитывают всю манипуляторную конструкцию массмедиа. Телевизор не такая безобидная вещь, как лампочка. Можно, конечно, его выбросить. Но, согласитесь, не каждый на это способен. А Интернет, может быть, еще хуже. Потому что это не просто новая коммуникационная среда или средство типа телевизора, который можно выключить или выбросить. Интернет втягивает субъекта коммуникации в свое пространство очень гибко. Нам кажется, что мы способны им управлять, но, подстраиваясь под нас, он во многом сам управляет нами, формируя стереотипы восприятия событий, создавая сами эти события во все более индивидуализированной форме. Сегодня любая поисковая система Интернета формирует информационную среду под возможные запросы конкретного пользователя, исходя из частоты его предыдущих обращений. Так же формируется внешне кажущееся объективным пространство социальных сетей, которое манипулирует твоим сознанием, подставляя новости под твои запросы и разбавляя их рекламой. Однажды я очень обрадовался – на Яндексе вижу: «Философский факультет. Реклама». Ну, думаю, наконец-то начали работать. Рекламируют – это хорошо. А потом понял, что, конечно, в Интернете где-то есть реклама философского факультета, но она у меня появляется только потому, что я занимаюсь философией. И если я войду с другого компьютера, на мехмате, например, – этой рекламы не будет. И эти технологии развиваются так мощно, что мы попросту можем оказаться у них в плену. Они означают удобство и комфорт. Комфорт же – вещь чрезвычайно опасная.

От него трудно отказаться, несмотря на то что он с собой несет не только благо. Пластиковые карты, мобильные телефоны – это удобно, но не только для нас, а и для контроля над нами. Один знакомый полицейский в Германии говорил мне о преступниках (а там тоже есть воры в законе): «Мы всех их контролируем. Через мобильники. И даже если они их меняют, мы знаем, как они передвигаются». Айфоны приспособлены для таких целей еще лучше, я это прекрасно знаю, но от айфона не отказываюсь, потому что это очень удобно. И так неспешно, но вполне реально мы погружаемся в другой мир, или, точнее, растворяемся в нем, теряя свою индивидуальность, делая нашу жизнь все более прозрачной для других и неизбежно подстраиваясь под требования восприятия другими.

– Да, но хотим ли мы жить в этом глобальном муравейнике? Именно в муравейнике, когда все стройными рядами движутся в нужном направлении. Если серьезно относиться не к обучению, а к образованию, можно развить тот критический мыслительный аппарат, который так нужен при зашкаливающем количестве окружающего бреда. А это имеет прямое отношение и к университету, и к философии. Не грозит ли изменение характера образования наступлением нового варварства?

– Начну издалека. Маклюэн утверждал, что доминирование в до-рукописной культуре «мира уха» и «мира глаза» совершенно по-другому формировало человека. Сегодня мы возвращаемся в «мир уха» и «мир глаза». Является ли само по себе воспроизведение каких-то архаических форм культуры варваризацией? Вряд ли. В этом могут быть даже плюсы. Например, сказка когда-то возникла как устная форма творчества, предназначенная не для чтения, а для рассказа и прослушивания. С появлением печатной культуры казалось, что сказка в этой своей ипостаси исчезла: ее все реже рассказывали и все больше читали детям. Чтение же сказки – это совсем не то, что ее прослушивание, пропадает особая атмосфера. Современные технологии неожиданно вернули нам устную сказку, причем в очень

хорошем качестве. Более того, они сегодня дают возможность слушать даже философские тексты, и рынок такого рода предложений весьма широк: от Августина до Умберто Эко. Я, кстати говоря, очень много именно слушаю философские тексты, даже прослушал всю историю философии Гегеля в изумительном исполнении, по-моему, Прудникова. Удивительное впечатление! Как будто сам Гегель читает лекции, да еще на русском языке. Прослушивание текста – это иной тип восприятия, который может открыть нечто новое в произведении. Или что-то, напротив, закрыть. Тем не менее, в целом, мы возвращаемся к более простому типу восприятия, на первичную стадию культуры, но уже, конечно, не можем отбросить и предшествующий опыт. В этом есть элемент варваризации, проявляющейся прежде всего в легкости и доступности восприятия. Ведь прослушивание, например, не требует грамотности, как и просматривание телевизионных передач. Это своеобразное неоварварство, основанное на новейших технологиях, и оно может сопровождаться пренебрежением к мысли, рассуждениям, разуму как таковому. И опять же не могу не повторить, что такое положение вещей – очень удобный материал для манипуляций, в том числе и политических.

Как я уже говорил, мы все меньше ведем диалог, а все больше занимаемся произнесением монологов. В диалоге ведь важнейшим является умение слушать и понимать другого, а сегодня очень часто этот процесс слушания другого опосредуется техническими средствами, позволяющими в одностороннем порядке прекратить коммуникацию, например просто выключив компьютер. На встрече с Гадамером в 1998 г. у него дома он сказал в беседе, которую наша небольшая делегация вела с ним, что он противник телефонов. Мы удивились: «Почему?». Он ответил, что телефон создает лишь *искусственный* диалог. Действительно, как происходит коммуникация посредством телефона? Раздается звонок – и очень редко кто скажет: «Я занят, позвони попозже», – и может начаться бессмысленный разговор, создающий *видимость* диалога. Мобильный телефон расширил границы этой ситуации, принуждая нас публично выслушивать чужие

монологи. Вот типичная картинка. Университет, поднимаемся в лифте на свой этаж. У девушки звонит телефон. И она словно преображается. Телефонная трубка как бы изымает ее из реального пространства. Она никого уже не видит и может обсуждать любые темы, речь ее абсолютно свободна и допускает любые выражения, ибо она погружена в то пространство коммуникации, где нас с вами нет. Это тоже вариант варварства, который не многим лучше, чем публичное отправление известных нужд.

Способность человека к рефлексии – это его главный дар. И благодаря ему он, осознав свое положение, может занять критическую позицию по отношению к себе и своему окружению. И этому нужно учить! Человеку следует понимать и относительность коммуникационных полей, и то, что манипуляция сознанием приобрела дополнительные технологические возможности и масштабы. Поэтому так важно умение выключить себя из этой системы: выбросить телевизор, отключить мобильник («Не мешайте, я размышляю»), а попутно оградить и мир окружающих от собственного «технологического» вторжения.

И еще один аспект, возвращающий нас к теме истины и реальности: качество предлагаемой современному человеку информации, ее достоверность. Что такое Интернет? Наглядная иллюстрация тезиса о гибели автора, а попутно – о гибели ответственности. Здесь можно опубликовать любую ахинею под грифом «Абсолютная истина». У издателя книги или журнала такой свободы нет. Он все-таки отвечает за ошибки и фальшивки. Поэтому и существует институт редакторов. Такому ресурсу, как Википедия, до достоверности далеко, но уже большинство использует ее в качестве экспертного источника. Как же сориентироваться несведущему человеку, школьнику, например, или студенту? И здесь, мне кажется, вырисовывается одна из важнейших задач Академии наук и вузов – верификация информации, скажем, формирование портала достоверной информации. Это, между прочим, весьма существенная вещь. Наше научное сообщество говорит об этом тихо, робко, но это может и должно стать его важнейшей функцией, и современные средства комму-

никации могли бы интегрировать эти действительно экспертные оценки. Тогда могут появиться апробированные электронные издания, соответствующим образом поименованные: проверенные энциклопедии, проверенные данные, на которые можно спокойно опереться.

Ну, есть, конечно, удачи. Вот вышла старая пятитомная «Философская энциклопедия» на диске. Замечательное издание, на мой взгляд. Потрясающе удобная поисковая система. Возможность и ссылок на реальные страницы, и чтение в других режимах. Вот как раз для энциклопедий электронная «упаковка» очень удобна, при всей нашей ностальгии по книгам.

– Вы упомянули о своей встрече с Гадамером. Расскажите, пожалуйста, поподробнее.

– Гадамер произвел на меня колоссальное впечатление. Он просто перевернул мое сознание. Мне дважды довелось с ним встретиться. Первый раз в 1998 г., когда ему было девяносто восемь лет, а второй раз я ездил к нему от университета вручать звание почетного доктора в 2000 г. Мы, кстати, тогда, в 1998-м, записали всю беседу на видеокамеру, да, собственно, я и записывал. Это почти три часа видеоматериала, конечно, любительского уровня. Я-то сам за кадром, а мои коллеги – Юлия Артамонова и Валерий Григорьевич Кузнецов – в кадре, ведут диалог с одним из основателей герменевтики. Впечатление, конечно, неизгладимое! Оно у меня сопряжено с рядом вещей. Во-первых, я никогда не знал, что Гадамер с детства был болен полиомиелитом. И вот мы звоним в дверь, и долго-долго нам никто не открывает, и мы уж думаем, что сами виноваты – опоздали, и тут вдруг он появляется. На костылях. И сразу спрашивает: «Ну, что будем пить? Вино, кофе?». Я ему: «Конечно, вино». И тогда он повел нас в свой погребок. И мы бутылки две выпили, пока длилось это интервью. Я чувствовал, что ему не очень хотелось говорить о философии. Когда коллеги спрашивали его: «Как Вы понимаете герменевтику?» (можно представить, сколько раз ему уже задавали этот вопрос), он как-то плавно переходил на свою кошку. Но меня тогда совершенно заворожили его руки, это

можно посмотреть в записи. Потрясающие, говорящие руки очень старого человека! Зрелище фантастическое! Он все время жестикулирует, и его руки словно ведут собственный диалог. Я думаю, они такую функцию и выполняли, и, вероятно, это в какой-то мере было связано с его болезнью. Кстати, он сказал, что пишет работу о самоощущении человека, который долго болеет. Мы обсуждали очень много тем. Понятно, что и философские. Но не они были самыми интересными. Те вещи, которые мне запомнились, они вроде бы очень простые, почти банальные, но меня они действительно поразили. Ну, например, тогда только начинался процесс фактического объединения Европы. Гадамер сказал, что он всячески против этого. Аргумент был простой: история показывает, что ничего хорошего после объединения в Европе не происходило, поэтому и в данном случае хорошего ждать не приходится. Говорили и о войне, о поворотах судьбы. Он после войны был ректором Лейпцигского университета, и его должны были арестовать. И, кажется, наш комендант Лейпцига, который каким-то образом был причастен к философии, фактически спас Гадамера под свое слово, дав ему возможность уехать в Гейдельберг, где он сменил Карла Ясперса в должности заведующего кафедрой.

Естественно, мы спрашивали его об отношении к русской философии, вообще к русской культуре. Нас поразило, что его любимый русский писатель – Гоголь. Потом выяснилось, что это стало возможно благодаря Степуну. Федор Августович пересказал ему всего Гоголя.

– Степун, говорят, был непревзойденным мастером рассказа и, видимо, превосходно пересказал!

– Да! И, несомненно, последовательно. Говорил Гадамер и о Хайдеггере, причем не то, что мы ожидали от него услышать. У нас Хайдеггер в то время был иконой! Все бросались его переводить, даже если только год назад начали изучать немецкий. А Гадамер говорил о тех ограничениях, которые католическая семья и жесткое воспитание наложили на личность Хайдеггера. Это было любопытно и неординарно. В общем, Гадамер

произвел на меня огромное впечатление просто как человек. И именно после этой встречи я по-настоящему стал читать его работы и написал пару статей по герменевтике. Гадамер часто говорил, что хочет из понятных «идейных соображений» пережить Юнгера. Почти удалось. Юнгер умер, по-моему, на сто третьем году, а Гадамер в сто два года. Тогда, на юбилее (совершенно фантастическая вещь!), в большом зале в университете нас посадили за почетный стол вместе с Апелем, Альбертом, Хабермасом и отнеслись с большим вниманием.

И все-таки следует признать, что ни дореволюционная, ни эмигрантская русская философия Гадамеру не была известна.

– Вообще интересный вопрос: оказала ли в самом деле влияние русская философия в эмиграции на европейскую философию? Ведь здесь уже никакой физической дистанции не было.

– Косвенное влияние, я полагаю, было. Сразу приходит на ум Кожев и его роль в возрождении во Франции интереса к Гегелю. Но я не разделяю рвения к повсеместному выявлению всемирного значения русской философии. У нас действительно блестящая литература, которую все знают. А философию нашу – нет. Но я спокоен за нашу философию, никто не отнимет философские идеи у Достоевского, и мы все это прекрасно понимаем.

– Владимир Васильевич, Вы говорили о том, как на Вас повлияло знакомство с крупнейшими немецкими философами Гадамером, Апелем, Хабермасом. Это мыслители, которые определяли судьбу метафизики и образ онтологии в конце XX в. Так что же такое для Вас, главы кафедры онтологии и теории познания и автора «Университетских лекций по метафизике», современная онтология и современная метафизика?

– В свое время Гадамер бросил такую фразу: «Ну вот, Поппер умер, и студенты начали читать Гегеля». Думаю, он хотел сказать, что критическая позиция в отношении метафизики – вещь

воодушевляющая и увлекательная, но убить метафизику непросто. Я, вообще-то, считаю, что метафизика – это и есть философия. Что сама попытка проникать «за», попытка постичь предельные основания и попытка рефлексировать по этому поводу – это и есть работа философа. Более того, я бы даже сказал так: человек, серьезно, аргументированно отрицающий метафизику, занимает, сам того не желая, серьезную метафизическую позицию. Занимаясь философией, мы не можем выскочить за пределы метафизики. Поэтому, когда метафизику в очередной раз пытаются похоронить, в могилу опускают пустой гроб.

Философ никуда не денется от вопроса истины, никуда не денется от проблем обоснования этой истины *etc.* Кстати, я категорически не согласен с тем, что Канта часто представляют в качестве разрушителя метафизики. Он разрушитель спекулятивной метафизики, но благодаря своим знаменитым вопросам: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я могу надеяться?» и «Что такое человек?», – он задал основания для построения новой метафизики как особого рода науки. Метафизика есть фундаментальное основание философии в целом, философии в ее чистом виде, и дальнейшая дифференциация философских дисциплин реализуется лишь внутри общего метафизического пространства, ибо в той или иной степени любая конкретная философская дисциплина (от эстетики до философии религии) представляет собой ту или иную конкретизацию общих метафизических ракурсов исследования. Именно метафизика и метафизические вопросы о бытии и человеке задают границы проблемного поля философии, позволяют нам представить философию как особый культурный феномен, форма которого варьирует от эпохи к эпохе, зависит от конкретной социокультурной ситуации, в том числе и от ее индивидуального переживания мыслителем.

Все упомянутые немецкие философы, с которыми мы тогда у Гадамера встречались (несмотря на их отнесение к метафизике или выведение за ее пределы), и так различающиеся между собой, глубоко метафизичны, ибо все они ставят именно предель-

ные вопросы. Любимый тезис критика: метафизика не выполнила своих задач. Какие задачи она должна была выполнить?! Найти и перечислить пять предельных оснований? Замечу мимоходом, что антиметафизический запал наших естественников часто питается заблуждением: для них сам термин «метафизика» – это нечто ругательное из курса марксизма-ленинизма, синоним начетничества. Доброхотов где-то, кстати, хорошо писал, что метафизика всегда вынуждена себя оправдывать, потому что не имеет критериев верификации своих положений. У него вышла как-то мало замеченная научным сообществом (в русле наших рассуждений о том, читаем ли мы друг друга) работа с красноречивым названием «Возвращение метафизики, или Какие действительные успехи сделала метафизика со времен Парменида». Там как раз обосновывается идея необходимости метафизики и онтологии.

Что касается онтологии, то сам этот термин начал размываться. Я это отлично вижу как заведующий кафедрой, который разбирает заявки на написание работ типа «Онтология моды», «Онтология кино» и пр., вплоть до «Онтологии запаха» (это после фильма «Парфюмер»). Читая «Мифологию» Барта, понимаешь, насколько красиво это эссе, как красиво Барт говорит о значении для француза образов вина и молока. Потом следующие эссе – и снова восхищаешься его талантом. Но постепенно череда подобных работ приучает к тому, что можно вообще не рефлексировать по поводу истины как таковой, а заниматься бытом, повседневностью. Ведь, обладая возможностью рассуждать, мы можем построить очень умные фразы по поводу чего угодно. Это такое игровое отношение ко всему – дайте мне десять дней, и я вам напишу «Онтологию стула». Постмодернизм эта ситуация устраивает. Но мы все дальше уходим от мира смыслов. Нельзя запрещать темы – в философии запреты не работают. Но критерии самой философичности мы теряем. Обращенность к пределам никогда не означала ухода от жизни, просто слово сохранялось весомым. Хотелось бы, чтобы при нас цена его не упала.

– Но это имеет отношение и к самому статусу философа в культуре.

– Конечно. Мне сразу вспоминается, как быстро откликается ежедневная европейская пресса на те или иные выступления значимых философских фигур, как им предоставляется возможность прочесть лекцию не только в университетской аудитории, но и на радио, на телевидении. К их мнению, несомненно, прислушиваются. И еще один момент: философы в университетах, например в Германии, выполняют функции, которые у нас, кста-ти, утрачены, – функции интеллектуалов-модераторов. Когда, например, устраивают дискуссию в университете Гейдельберга, даже если дискуссия идет между физиками и биологами или физиками и физиками, модератором ее часто является философ. Конечно, обязанный иметь представление о сути обсуждаемых проблем.

У нас это полностью утрачено, а вернее, было оболгано и испорчено философским идеологическим партнадзором. И хотя сейчас намечаются интеграционные подвижки, инерция все же слишком велика. А вернуть философии функцию обеспечения внутринаучной рефлексивной коммуникации необходимо. Но, к сожалению, мы сами сегодня к этому не готовы, потому что (и мы уже говорили об этом) людей, серьезно разбирающихся в науке и науках, у нас мало. И в основном это все люди старшего поколения. Да и научное сообщество еще не готово раскрыть нам объятия. На создание того статуса философа в культуре, какое мы видим в Европе, нужно время.

– Но есть ли оно у нас?

– Надеюсь, что все-таки есть. Как человек, занимающийся образованием, я не могу думать иначе.

*Беседовала Т. Уманская
Вопросы философии, 2014 г.*

НЕЛЬЗЯ ПРИОБЩИТЬСЯ К КУЛЬТУРЕ БЕЗ НАСИЛИЯ

– Владимир Васильевич, для большинства людей философ – это кто-то не от мира сего. По крайней мере, это очевидно нерыночная профессия. Зачем современному обществу философы и философия?

– Ответ на этот вопрос достаточно прост, хотя парадоксален. Я достаточно часто говорю, что философия – это бесполезная наука. Это вызывает праведный гнев моих коллег и, напротив, с восторгом встречается людьми, которым философия не импонирует. Однако тема эта гораздо глубже. Слово «бесполезный» в этом случае имеет несколько другое значение, чем то, в котором мы его часто употребляем. Бесполезность здесь означает принципиальное отделение от примитивной прагматики, когда мы быстро и непосредственно получаем пользу от чего-то, причем ощутимую пользу. В таком смысле любой предмет, с помощью которого мы нечто делаем в нашей обыденной жизни, более полезен, чем философия. Но, слава Богу, жизнь не сводится лишь к реализации наших практических устремлений, а наполнена возможностью размышлять над миром, переживать наше внутреннее состояние в мире, наконец, восхищаться или, напротив, не соглашаться с некоторыми перипетиями нашего бытия. В этом смысле человек живет и в мире бесполезного. Окружен бесполезными, но красивыми предметами, тратит «впустую» время, наслаждаясь музыкой или картинами, переживает незначительное опоздание на свидание со своей любимой, часто даже не пытаюсь рационально все объяснить транспортными проблемами. Таким образом, в жизни человека, окруженного бесполезными предметами и ненужностями, они оказываются, напротив, весьма полезными для его существования. Насколь-

ко, например, полезны красивые вещи? Какую пользу они приносят, кроме наслаждения? Насколько полезны картины Третьяковской галереи или Лувра? По крайней мере, гвозди ими точно забивать не станешь. Философия имеет любопытную специфику, это двойственная дисциплина. С одной стороны, это, безусловно, рационально-теоретическая сфера освоения бытия, и ее вектор направлен на познание мира, подобно другим наукам. В этом смысле философия исследует и обосновывает основания других наук и сфер деятельности человека, что косвенно, конечно, может носить и прикладной характер. Например, исследуя основания политической деятельности, философ может повлиять на формирование той или иной политической позиции как отдельного человека, так и государства в целом. И таких примеров, от позитивных до самых негативных, в истории человечества очень много. Именно поэтому философы часто выступают в роли аналитиков, консультантов. С другой стороны, философия – сфера рефлексии над ценностно-эмоциональными аспектами, связанными с тем, что человек не только познает мир, рассматривая последний в качестве отдаленного объекта, но и переживает его, живет внутри него как личность. Поэтому философия опирается в своих выводах на самые разнообразные области духовного освоения бытия, от науки до религии.

– Кажется, Макс Шелер писал, что высшее образование – это особый, утонченный способ наслаждаться жизнью.

– Не помню, как это звучит у Шелера, вряд ли речь идет о высшем образовании, ибо это уже некая социальная институционализация, в том числе связанная с рутинными процессами, многими из которых вряд ли можно наслаждаться, даже понимая их необходимость. Не думаю, например, что гуманитарий с наслаждением изучает основы высшей математики, хотя, наверное, такое бывает. Шелер имеет в виду образование как таковое и прежде всего индивидуальное самосовершенствование человека, которое стоит в центре формирования культуры. Об этом следует помнить различным реформаторам-менеджерам

от образования, которые не понимают, что образование является системообразующей частью культуры, и то, что мы закладываем в него сегодня, может дать результаты, в том числе и негативные, в отдаленном будущем. А вот индивидуальное образование – это действительно один из видов наслаждения, связанного с ощущением изменения собственной сущности и совершенствованием своего «Я», своей индивидуальности. В античности наука изначально выступает как одна из форм чувственного наслаждения, а познание, по Платону, является одной из высших форм эстетической деятельности. Это, кстати, объясняет название многотомного труда А. Ф. Лосева «История античной эстетики», который по существу является историей античной философии и культуры в целом, а не только эстетики. Впрочем, особенность философского наслаждения всегда связана с попыткой понять и рационально объяснить, в чем истоки этого наслаждения и какова его сущность, что опять же блестяще делал Платон в поисках обоснования категории Прекрасного. Мне нравится такая метафора: поэт улавливает в бытии гармонию ритма и звуков, ученый – гармонию закона, философ же пытается уловить гармонию смысла, проявляющуюся, например, как некое единство бытия, осознание прекрасного или понимание необходимости осуществлять нравственные поступки и противиться безнравственным.

– Представим человека, который никогда не изучал философию. Могут ли философы, скажем, Платон или Хайдеггер, помочь ему в поисках смысла жизни, поиске ответов на важные жизненные вопросы?

– Конечно. Карл Ясперс когда-то отмечал, что философия начинается с детских вопросов. Почему? Потому что на ребенка не давят культурные стереотипы, стереотипы семьи, воспитания. И ребенок, во многом еще погруженный в себя, часто задает такие вопросы, которые могут показаться взрослому человеку неудобными и даже неприличными. Александр Львович Доброхотов в одной из своих работ написал, что в философии нет возрастного ценза – ни в ту, ни в другую сторону. Филосо-

фом можно стать, будучи очень молодым, и такие примеры есть. Немецкая классическая философия была создана молодыми юношами. И наоборот, нельзя сказать, что человек, уже умудренный опытом, не может начать изучать философию. Поэтому философия начинается с детского любопытства, а вот философ как таковой, отмечал тот же Ясперс, просыпается в каждом индивидуально. И поэтому мы можем окончить тысячи философских факультетов и не стать философом, а можем не окончить ни одного и мыслить глубоко и интересно.

– Как Вы думаете, нужна ли современному философу аскеза, или для занятий философией это не так важно – максимально абстрагироваться от окружающей соблазняющей и отвлекающей действительности?

– Сложно сказать, потому что в истории философии были совершенно разные варианты. Например, Эпикур наоборот призывал к наслаждению жизнью. Лично я не вижу смысла в жестком отказе от жизни, та же античная философия опиралась на чувственность. Но это мое частное мнение, и я допускаю, что возможны и другие типы философствования, когда человек прягает свой разум путем отказа от земных усад. Философия – это занятие личностное. Это не векторная дисциплина, как в науке, а, если хотите, некое смысловое пространство, границы которого определены достаточно общими сходными предельными вопросами, а вот внутри этого пространства существует огромное разнообразие, плюрализм. На один и тот же вопрос могут быть сотни противоречащих друг другу ответов. Тем не менее они находятся в едином смысловом пространстве. Тут главное – не уйти в профанацию. Такое бывает, и это очень модно в нашей стране, особенно в последние годы: когда человек считает, что философия – это нечто сложное, непонятное, а значит, философ должен использовать непонятный язык. Логика такова: чем меньшее число людей меня поймет, тем в большей степени я философ. Ну, в таком случае идеальный вариант – когда я сам себя не понимаю перед зеркалом, но это уже скорее случай для исследования психиатром.

– Помню, во время учебы в университете нас специально переучивали писать тексты простым языком...

– Понимаете, в чем дело: очень легко писать сложно и очень трудно писать просто. Можно очень простые, банальные вещи выразить таким сложным языком, что никто не поймет. К сожалению, некоторые увлекаются таким творчеством. «Философия делает явным то, что было смутным в мифе», – говаривал Гегель. Философия должна прояснять сознание, а не замутнять его. Не во всем и не всегда это удастся, но, по крайней мере, попытка прояснения должна присутствовать.

– Вы много говорите об античности. Есть точка зрения, что вся современная философия – это не что иное, как развернутый комментарий к трудам Платона и Аристотеля. В таком случае, отличается ли радикально философское мышление современного человека от мышления человека античности? Или речь идет о тех же самых вопросах, но заданных в другой исторический период?

– Комментарий верный, поскольку глобальные вопросы, которые стояли перед человеком, остаются и сейчас. Как, например, и переживания взаимоотношений между людьми. Взять, к примеру, трагедию «Ромео и Джульетта». Эти отношения бессмертны. Кстати, многим людям даже в голову не приходит, что шекспировской Джульетте было меньше 15 лет. Меняются формы, но Шекспир всегда остается современным. В философии то же самое. Декарт поставил психофизическую проблему – соотношения сознания и мозга. Современная философия постоянно соприкасается с этой проблемой, но решает ее, опираясь на существенное приращение знания. Сегодня появились современные технологии, мощнейшие исследования мозговой деятельности – то, чего Декарт не знал. Но Декарт отвечал на те же вопросы.

– Нередко, когда неспециалисты начинают рассуждать о философии, всплывает утверждение, что в России фило-

софии не было, что русская философия – это чистое подражание. Что можно ответить на такой тезис?

– Банальная вещь: на это не надо обижаться. Пусть обижаются те, кто задает эти вопросы, не понимая, вообще говоря, самой сути культуры. Потому что, если уж на то пошло, мы можем назвать, наряду с Россией, очень много аналогичных примеров. Много ли философов из Норвегии или Дании вы с ходу вспомните? Это известно, пожалуй, только профессионалам. Нельзя навязывать культурную форму философии из той или иной страны всем остальным культурам и странам. Страны очень разные, с разной историей. Представьте себе, в Германии уже написал свои труды Гегель (а это наиболее развитая форма европейской философии – немецкий идеализм), а в России Белинский еще размышляет над его фразой «Все действительное разумно, все разумное действительно». Если таким образом проводить параллели, то, конечно, в этот период философии профессиональной, такой, как в Германии, в России не было. Ну и что? В России была литература, которая содержала огромное количество философских идей. Русская литература чрезвычайно философична, это просто кладезь мудрости. Неслучайно Достоевского иногда называют основателем экзистенциализма. Я уже не говорю о загадочной фразе Эйнштейна: «Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс!». Кстати, в Германии русская литература имеет просто невероятный успех. Вот так складывается, потому что мысль может быть во всем. И еще один момент. Конечно, в России профессиональная философия появляется достаточно поздно, начиная с Владимира Соловьева (хотя, повторюсь, в сжатом виде она была в литературе), но зато как появляется! В России неожиданно возрождается, фактически возвращая нам античные традиции, платоновская линия философии – философия софийности, мудрости. В Европе господствовала аристотелевская линия – более жесткая, во многом больше рассчитанная на науку. Поэтому все не так просто. Наверняка есть культуры, где не в литературные формы облекались серьезные вещи, а выражались через живопись или музыку. Другое дело, что был

ряд стран, где философствование было концентрированным, носило профессиональный характер, как в Европе. Но даже в европейских странах мы видим доминирование национальной культуры в изучении философии. Например, если вы будете изучать философию в Германии, вы будете более близки к некоторому рефлексивному идеализму, феноменологии, во Франции вас будет тянуть к материализму, в Англии вы обязательно будете субъективным идеалистом. И ведь это неслучайно. Сама культура детерминирует и философию. Поэтому традиционные заклинания об отсутствии философии в России – это, к сожалению, тоже часть самовыражения культуры нашей интеллигенции, одним из качеств которой является абсолютизированная критика самих себя и своей культуры. Своеобразный интеллигентский мазохизм вместо желания понять и разобраться. Конечно, в условиях глобального мира, когда происходит давление одного языка – английского, страдают все культуры. Сейчас два крупнейших авторитетных немецких журнала о Канте и Гегеле фактически на грани закрытия, потому что они не попадают в высокие рейтинги, так как публикуются на немецком языке. Но это же абсурд – говорить о Канте и Гегеле на английском языке. Кстати, наши студенты, как мне представляется, находятся в более выигрышном положении. Они все-таки знают мировую философию. А когда мы общаемся со студентами других стран, видим, что их знания более узкие, они изучают только какое-то одно направление (например, аналитическую философию) или, в лучшем случае, философию своей страны. Если копнуть глубже, то с зарубежными авторами они не знакомы. Безусловно, есть и объективные обстоятельства, почему русскую философию не знают, – все-таки 70 лет жесткой идеологии, закрытая страна, люди не выезжали и не обменивались идеями. Если бы в советский период людям дали возможность выезжать, читать, то многие европейцы оценили бы креативные потенциалы русских людей и русской философии. Я считаю, что креативность в русских людях очень высока. Неслучайно многие известные западные актеры, писатели, художники берут в жены именно русских женщин. И дело не только в красоте или сексуальности,

но и в вещах, связанных с интеллектом и креативностью, как сейчас говорят, эмоциональным интеллектом. Это мое личное мнение, моя жена – немка, как известно (смеется).

– Классический курс истории философии оканчивается периодом 1970-х и постмодернизмом. А что дальше? Философы конца XX – начала XXI века – кто они?

– Кроме всем известного Юргена Хабермаса это, например, Дэниел Денет, который занимается проблемой соотношения сознания и мозга и развивает аналитическую философию. Он тоже приезжал к нам на факультет, рассказывал об очень интересных вещах, он очень увлеченный человек, но знаете что? Он говорил о вещах, которые, вообще-то говоря, рассматривались еще в советской философии, например, Давидом Израилевичем Дубровским. У западной философии было одно преимущество, которого не было у нас из-за жестких рамок советского периода. Дело в том, что нас учили очень жестко относиться к текстам и цитированию, к тому же не все тексты можно было получить. Это приучало к очень кропотливой работе по поиску и оформлению цитат и ссылок и придавало сухость самому тексту. То есть я постесняюсь высказаться не потому, что мысль неудачна, а потому, что я себе говорю: а дай-ка я посмотрю, в каких источниках это есть. А вот если бы этих правил не было, многие наши философы (как Мераб Мамардашвили, Федор Гиренок) воспринимались бы не хуже. Ведь что лежит в основе популярности? Просто раскрепощение.

У нас философия долгое время не являлась публичной сферой. С лекцией, которую Денет читал нашим студентам, он выступал уже, наверное, в пятидесятый раз. Для нас это фантастика. Подобных публичных лекций для всех желающих у нас нет. В советские времена вы могли приехать в МГУ, купить билет и прослушать лекцию, например, по истории. Стоило это копейки. Сейчас у нас это пытаются активно делать, к примеру, Парк Горького, какие-то другие развлекательные и образовательные площадки, но я считаю, что лучше всего, когда это происходит в университетах в формате «образование для всех». Однако тут

сразу же возникают проблемы с пропусками, безопасностью – те проблемы, которых раньше не было.

– Вы много пишете о трансформации культуры, происходящей на наших глазах, о различных культурных вызовах, которые возникают сегодня, в том числе в связи с глобализацией и теми процессами, которые ей сопутствуют. Какие конкретно тенденции можно отметить в связи с этим? Как меняется вектор развития общества?

– Для меня трансформация культуры – это переход к другому типу культуры. Например, в истории уже был переход от устной культуры к рукописной и печатной. Кстати говоря, когда это происходило в средневековых университетах (а студентов туда принимали очень юными, в 14 лет, чтобы они могли запоминать большое количество материала, пока хорошо работает память), когда появилась печатная культура, студенты стали протестовать, потому что преподаватели перестали им диктовать лекции и предлагали вместо этого почитать книжки. В наши дни произошел мощнейший переход к электронной культуре, к электронным технологиям, к совершенно другому способу воспринимать мир. В каком-то смысле это возвращение к устной культуре, к образу.

Что такое трансформация культуры в данном случае? Это не революция, а именно трансформация, и главное отличие в том, что она происходит изнутри. Благодаря глобализации в культуру как бы привносится вирус. Раньше локальные культуры общались между собой внутри диалога, как это хорошо описал Лотман. Что такое диалог? Это пересечение неких двух множеств, прежде всего семиотических, языковых, которые должны были друг друга понять. Лотман очень точно подмечает: пересекающаяся часть была незначительной, а непересекающаяся – огромной. Логика такая: для того чтобы понять другую культуру, я должен погрузиться в эту культуру, познать ее язык. Но до конца это невозможно. Поэтому между культурами возникает напряжение и знаменитые оппозиции, которые исследовал Георгий Кнабе. Например, оппозиция «свой – чужой». Ничего плохого в ней нет: для чело-

века носитель чужой культуры всегда будет «чужим», вплоть до того, что люди разных культур не могут воспринимать некоторые ценности и стереотипы поведения друг друга (пример: японец не понимает поведение русского и наоборот). Но на определенной стадии такое безобидное противопоставление может приводить даже к вражде, когда «чужой» может стать врагом. Существует оппозиция «откровенность – прикровенность культуры»: в старых классических культурах всегда было нечто сокрытое, а нечто открытое. Например, взаимоотношения между мужчиной и женщиной. Всем понятно, что они были всегда. Но тем не менее вся система культуры строилась таким образом, что, во-первых, доступ к этой теме шел достаточно медленно, во-вторых, часть тем все равно считалась запретной. Иногда это доходило до абсурда, и даже возникали специальные языки, которые выполняли функцию прикрытия этого неприличного, как, например, французский язык в России. Как у Гоголя, помните: «Дамы города *N* никогда не говорили: “Я высморкалась”, а говорили: “Я облегчила свой нос посредством платка”». Возвращаясь к поднятой теме: раньше коммуникация происходила между двумя или несколькими культурами. И процесс коммуникации подчинялся самим культурам, их содержанию.

Что происходит сейчас? Благодаря возможностям массмедиа создается глобальное коммуникационное пространство. Сегодня все культуры погрузились в единый информационный мешок, навязывающий определенные стандарты поведения. Понятно, что это коммуникационное пространство не может быть абстрактным. В этом пространстве доминирует та культура, которая доминирует в научно-техническом отношении. В данном случае – американская. Отсюда – и стереотипы поведения, и языковые нормы, доминирование одного языка. Создается возможность глобальной культуры, и она, кстати, не сводима к той культуре, которая доминирует.

Мы без нужды используем чужие слова, и они постепенно меняют нашу культуру. Мы начинаем подчиняться некоторым стереотипам. Кстати, это очень опасная вещь, потому что при внешней свободе Интернет – совершенно великолепная среда

для манипуляций. Я часто говорю, что молодежь сегодня плохо социализирована. Очень трудно побудить людей на какие-то серьезные вещи, но очень легко на какие-то простые – перформансы, демонстрации. Потому что все сводится к игре. Игра из Интернета переносится в действительность. Современная ситуация в культуре – это господство попсы, карнавал. Средневековый карнавал господствовал неделю, две, может быть, месяц, а сегодня благодаря Интернету и массмедиа он господствует постоянно. И, кстати, характеристики те же. Кто самый главный на карнавале? Дурак в колпаке. Человек, который надевает маску. Интернет, социальные сети позволяют надевать маску, скрывать свое настоящее лицо, быть анонимным.

Доминирование попсовой культуры страшно еще и тем, что она проникает даже в науку. В науке тоже стало полно попсы, потому что ученому легче напугать чиновника или что-то пообещать ему (например, бессмертие), и тогда он даст деньги, чем заставить его разбираться в научных проблемах. В философии тоже есть попсовость, когда начинают обсуждать ряд проблем, о которых я бы, например, постеснялся вслух говорить. Мне сейчас в таком случае могут сказать: если вы стесняетесь, это пережиток классической культуры. Философ не должен ничего стесняться. Но это не так.

– Можно ли сказать, что мы что-то в культуре безвозвратно потеряли, что-то разрушилось без шанса на восстановление?

– Я не говорю о разрушении культуры. Я считаю, что мы, как философы, должны выполнять функцию предупреждения. Я сам технически продвинутый человек и постоянно использую Интернет и социальные сети. Мы как раз должны понимать, что это неизбежная стадия культуры. И если мы это будем понимать, мы будем более ответственно с этим обращаться. Есть ведь и масса плюсов. Представьте, что вы филолог и вам нужно найти, сколько раз в «Войне и мире» Толстой употребляет твердый знак. Представьте себе эту работу, если у вас нет компьютера. Можно построить очень красивые серьезные игры, например,

для изучения философии. Поэтому я говорю не о разрушении культуры, а о необходимости понимания происходящих процессов. И еще один очень важный момент. Поскольку изменения нарастают стремительно, то сегодня возникает новая форма коллизий между молодежью и пожилыми преподавателями. Представляете, сколько технологических изменений произошло на протяжении жизни 90-летнего человека? Он уже не в силах их освоить. В преподавании это тоже создает проблемы, которые нужно осознавать. Более того, между студентами первого и пятого курсов уже затруднена коммуникация, а ведь между ними всего пять лет разницы.

– Российскую школу обычно ругают. Профессура жалуется, что студенты совсем не читают тексты первоисточников. А недавно канадские школы ввели у себя в качестве нормы чтения 4–5 книг в год из списка классической литературы. Для поколений 1980-х это немыслимо мало: нам выдавали огромные листы со списком книг на лето, которые нужно было прочитать. Как Вы думаете, навык чтения больших текстов утерян безвозвратно?

– Я думаю, что профессура лукавит. Говорят, студенты мало читают, студенты не могут слушать, они не выдерживают лекции. Тогда непонятно, зачем делать презентации? Логика должна быть обратной. Если мы считаем, что студент должен слушать, читать, мы должны вырабатывать эти навыки. Кстати, когда человек читает книгу или смотрит картинки, у него задействуются разные отделы мозга и, соответственно, воспитывается другой тип поведения. Казалось бы, в таком случае я должен отказаться делать презентации по философии. Чтобы человек учился слушать, понимать и дискутировать. Да, можно говорить, что сейчас доминирует клиповое мышление. Да, студенты меньше читают. Но нужно не идти на поводу у студентов и тренировать у них другие навыки.

Я вот еще что хочу сказать. Это ведь тоже признак классической культуры, когда грамота и чтение считались важным навыком. Давайте вообразим, что вы живете сто лет и каждый

день читаете по 20 книг. Сколько книг за всю жизнь вы сможете прочитать? Относительно мирового запаса литературы – ничтожно мало. Поэтому на самом деле правильнее сказать, что мы не читаем, чем читаем, даже если читаем много. Это утопия – что можно все прочитать. Важны профессиональные навыки. Например, для философа важно уметь просматривать книги, выбирая важное. Конечно, то, что тебе нравится, можно прочитать спокойно и в дальнейшем перечитывать, это естественно. То, что нынешние студенты меньше читают, – это закономерный процесс, потому что они сегодня перегружены информацией. И наша задача на связи поколений – показать, что читать важно, что это отработывает другой тип мышления, но при этом не отвергать новое. Например, вы говорите ребенку: ах, компьютер – это вредно для глаз (а он действительно вреден для глаз) и не пускаете его к компьютеру. Через 10 лет ваш ребенок безнадежно отстанет от своих сверстников. Современные люди не могут запомнить номера телефонов. Школьники делают поразительные ошибки, например, разрывают слова и пишут их отдельно – потому что в основном слушают, а не читают. Если бы читали, то никогда бы таких ошибок не сделали. Повторюсь, здесь можно занять позицию «Ах, какая плохая молодежь!», вместо того чтобы попытаться синтезировать те новые возможности, которые дают современные технологии.

– Интересно, когда смотришь на выпускные фотографии Вашего поколения, кажется, что люди выглядят очень взросло. Наше же поколение и в 30 лет кажется двадцатилетним.

– Это совершенно нормально. Сейчас и преподаватели выглядят моложе, так как, метафорически выражаясь, идет своеобразный обмен энергией. Любой преподаватель – вампир, он что-то берет от студента, и немножко актер, подражает ему. Это неизбежно. А мы были старше по факту. Школьников тогда поступало в вузы очень мало, гораздо чаще попадали в университет уже после армии.

– У нас есть система образования, которая помогает человеку пройти все ступени социализации и получить нужный объем и знаний, и культурных ценностей. А о чем заботиться родителям, которые хотят передать своим детям важнейшие культурные ценности?

– Роль родителей, конечно, очень высока, но современные родители оказались под спудом тех же вещей, что и их дети. Сегодня из-за поп-культуры подростковый возраст сильно продлился, примерно лет до сорока. Передачи на ТВ в основном рассчитаны на подростковое мышление. А подростки как раз телевизор не смотрят. Поэтому это большая проблема, что сегодня воспитанием детей занимаются люди, многие из которых по сознанию являются подростками, почти с той же системой ценностей. Это инфантилизм, который перерастает возраст. Приобщение человека к культуре, к образованию – специально скажу жесткую фразу – должно осуществляться через элементы насилия. Нельзя приобщиться к культуре без насилия. Кант писал, критикуя свободные школы в Германии: это хорошо – учиться всему через игру, но в жизни вам не всегда придется играть. Ваша профессия может совпасть с вашим желанием, а может быть прямо противоположной, не нравиться вам, но тем не менее вы должны быть там профессионалом. В идеале родители должны понимать, что им нужно давать образование ребенку не по своему подобию, а по тому, что ребенок будет делать, учитываемая реалии быстро меняющегося мира. В воспитании родители могут просто базироваться на системе апробированных ценностей – а это и есть культура. Например, ребенку не нравится в музыкальной школе разучивать гаммы, он стонет от них. А потом он становится гениальным пианистом, скрипачом – и говорит спасибо родителям. Бывает наоборот: родители отдают ребенка в математическую школу, а он музыкант, и губят в нем это. Поэтому родители должны четко понять, к чему у ребенка способности, – это, может быть, самое главное. И не мешать ему развивать эти способности, не вести за ручку на юридический или экономический факультет, потому что это перспективно. Вероятно, он его окончит и, может быть, даже будет много за-

рабатывать, но мы до конца не понимаем, какие из этого могут выйти трагедии. При этом из того же мальчика или девочки вышел бы гениальный математик, который смог бы впоследствии окупить свое образование финансово. Конечно, говорить о других легко, самому воспитывать сложно...

– Одна из самых значимых тем – человеческие отношения. В XX веке многие философы писали о массовом обществе, с одной стороны, и о нарастающей атомизации общества, с другой. Как людям услышать друг друга? Что говорит философия по этому поводу?

– Вряд ли есть какой-то рецепт, поскольку философия очень разная. Были философы, которые говорили прямо об обратном. Вообще, идеальная форма философствования – это беседа, диалог. В диалоге мы понимаем друг друга гораздо больше. Диалог позволяет оттачивать понимание, понимать то, что произошло, почему что-то написано, почему что-то не написано. Интересный эксперимент – проанализировать литературу по моментам умолчания: почему в это время человек об этом вроде бы должен был написать, но не написал. Гадамер писал, что если люди друг друга понимают, то им даже говорить не нужно. Было бы прекрасно, если бы нам удалось создать такую структуру, по примеру античности, где люди смогут обсуждать проблемы, оценивать поступки, измерять долю ответственности. Никакое учебное занятие, никакая аудитория этого не даст. Это очень сложный процесс воспитания, выбора самой модели воспитания и, конечно, моральных качеств, отношений людей друг с другом, которые во многом детерминируются внешними обстоятельствами, прагматикой, той же попсой. Кстати, ни в одной стране в университете вы не увидите так красиво разодетых девушек. И это действительно красиво и эстетично. Я сейчас их не осуждаю, у каждого свой вкус, но в любой стране университет – это очень скромно одетые люди. Трудно представить в Германии юношу, приезжающего на «Мерседесе» – даже если он у него есть. А у нас юноша не просто приезжает на «Бентли», он хочет показать, что он приехал на «Бентли». Это действительно

специфика нашей культуры. Иностранцы, когда приезжают, очень этому удивляются: количеству машин вокруг университета и их качеству.

– Что бы Вы ответили, если бы человек, плохо знакомый с философией, спросил у Вас, труды каких философов нужно прочитать обязательно?

– Я сторонник позиции, что к философии можно подойти практически наугад, буквально взять с полки первую попавшуюся философскую книгу. Конечно, стоит прочесть сочинения тех философов, которые вошли в историю. Из современных мне, например, очень близок Карл Ясперс. Конечно, я считаю, что в философии нельзя обойти Канта. Это мой любимый философ. Ну, а дальше нужно смотреть по проблемам. Ведь современная философия плюралистична, она строится по проблемам. Условно говоря, этика, онтология, теория познания – этими вопросами занимаются разные философы. Конечно, в XX в. были крупные философы с громкими именами: Хайдеггер, Гуссерль. Без сомнения, русская философия очень интересна. Например, для меня очень значима фигура Густава Шпета. На такой вопрос с ходу трудно ответить, так как всегда боишься кого-то забыть.

– Хороший преподаватель – какой он? Что им движет? Какова его цель?

– Хороший преподаватель – это преподаватель, который уважает студентов и вообще уважает Другого, с большой буквы. И понимает, что человек, который перед ним находится, может быть другим. По разным признакам: по возрасту, по физическим характеристикам. И если он будет другого уважать, он всегда найдет способ, как донести свои знания до студентов. В идеале – если присутствует взаимоуважение, то и диалог возможен, хотя бы в силу того, что люди смогут друг друга слушать и слышать. Если в основе лежит неуважение или панибратство, то диалог прерывается. Я, например, категорический противник снятия барьеров между студентом и преподавателем. Это плохо

прежде всего для студента. А дальше обычные и понятные критерии: профессиональная честность, требовательность к студентам (сейчас это особенно важно, в условиях доступа к большому количеству информации в Сети), умение ярко говорить, умение понимать публику, которая перед тобой.

– Получается, что педагогика – это во многом искусство устанавливать взаимоотношения?

– Да, во многом это искусство выстраивать отношения, чтобы приращивать знания и передавать культурные ценности. Нужно уметь найти общий язык.

*Беседовала А. Храмутичева
Тезис.ru. Гуманитарные дискуссии, 2014 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Лженаука и ученый дилетантизм	3
Кому нужны умные люди?	7
Мораль – это привычка не нарушать свободу других... ..	17
От ЕГЭ до искусства пропаганды	30
Философия – бесполезная наука	42
О русской философии в мире, низкой цитируемости гениев и трудностях перевода	52
Почему продолжают уезжать ученые?	79
Как нужно реформировать Академию наук?.....	87
Протесты не дают полностью проигнорировать мнение ученых в реформе РАН.....	90
Образование должно быть консервативным.....	98
В. В. Миронов: «Философия – вневременное смысловое пространство, внутри которого идет диалог между философами»	117
Нельзя приобщиться к культуре без насилия.....	148

Владимир Васильевич Миронов

**ЕДИНСТВО РАЗНООБРАЗИЯ.
РАЗНООБРАЗИЕ ЕДИНСТВА**

В работе над книгой принимала участие *З. Гусейнова*

Редактор *Е. Гурова*

Оформление обложки *А. Баланцевой*

Дизайн и компьютерная верстка *Е. Сиротиной*

Подписано в печать 31.03.2015. Формат 60x84/16.
Гарнитура «OfficinaSansC». Объем 10,5 усл. печ. л.

Отпечатано в типографии факультета журналистики
МГУ имени М. В. Ломоносова